

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КУРУШИН Дмитрий Даниилович

**МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ УСАДЕБНЫХ РЕАЛИЙ
В АВТОПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В. НАБОКОВА)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Мишланова Светлана Леонидовна

Пермь 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ФЕНОМЕНА АВТОПЕРЕВОДА	14
1.1. Автоперевод как особый вид межъязыкового перевода.....	14
1.2. Билингвизм: необходимое условие автоперевода.....	32
1.3. Литературный и переводческий билингвизм В. Набокова	39
Выводы по главе 1	49
Глава 2. РЕАЛИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	
В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ	52
2.1. Реалии: определение и классификации.....	52
2.2. Русская дворянская усадьба и ее реалии	62
2.3. Реалии как переводческая проблема	70
Выводы по главе 2	80
Глава 3. УСАДЕБНЫЕ РЕАЛИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ	
И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИЯХ АВТОБИОГРАФИИ В. НАБОКОВА.....	83
3.1. Усадебный мир В. Набокова и его реалии	83
3.2. Реалии в автоперевод В. Набокова	94
Выводы по главе 3	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	143
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	170
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	171

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия в мировой науке о переводе отмечены зарождением интереса к феномену автоперевода, который до этого времени не попадал в поле внимания исследователей. Официальное признание этого вида перевода началось с небольшой статьи в “Routledge Encyclopedia of Translation Studies” (1998) под редакцией известного переводоведа Моны Бейкер. Автор статьи – профессор Оттавского университета (Канада) Ренье Грутман, ставший одним из первых ученых, обратившихся к автопереводу. В настоящее время автоперевод привлекает к себе внимание не только лингвистов-переводоведов, но и литературоведов, а также специалистов по межкультурной коммуникации. Знаковым событием в этой научной области стал цикл посвященных автопереводу международных конференций, которые были организован ИМЛИ им. А. М. Горького (проводятся с 2021 г.), а также конференций, которые проходили в других странах, – так, в сентябре 2023 г. состоялась масштабная международная конференция “Self-Translation: Inclusion of Diversity” в Италии (Болонья). Обсуждаемыми проблемами являются процесс автоперевода, текст перевода как результат этого процесса, личность и творчество писателей-билингвов, которые занимались автопереводом.

Проблемы автоперевода освещаются в ряде диссертационных исследований и сборников статей, первым из которых стал сборник “Self-Translation: brokering originality in hybrid culture” («Самоперевод: Оригинальное посредничество в гибридной культуре») под редакцией Энтони Кордингли (2013). Все это позволяет предположить, что в ближайшем будущем в современном переводоведении окончательно оформится отдельное направление – Self-Translation Studies.

Данную работу также можно отнести к исследованиям феномена автоперевода, поскольку она посвящена двуязычной автобиографии Владимира Набокова, представленной тремя версиями: “Conclusive Evidence”, «Другие берега» и “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”. Первый англоязычный вариант увидел свет в 1951 году, когда писатель с семьей из Европы переехал в Америку и начал писать на английском языке. Русский текст с названием «Другие берега» был создан в 1954 г., и, наконец, в 1966 г. появилась новая англоязычная версия автобиографии

(“Speak, Memory. An Autobiography Revisited”). Так было создано уникальное текстовое единство, представляющее собой двойной **автоперевод**.

Актуальность исследования обусловлена все возрастающим интересом к авторскому переводу (self-translation) как особому виду межъязыкового перекодирования, когда автор исходного текста становится и автором нового текста на другом языке. Совершенно очевидно, что данный вид перевода отличается от традиционного, который осуществляется профессиональным переводчиком, как правило, носителем языка перевода. В ситуации такого перевода качество вторичного текста, его соответствие оригиналу (то, что в теории перевода часто называют эквивалентностью) во многом зависит от уровня понимания переводчиком исходного текста. В ситуации, когда автор сам переводит свой текст, вопрос понимания не стоит, но возникает другой вопрос – создание новой языковой формы для уже созданного текста. Изучение двух текстов (условных оригинала и перевода), созданных автором-билингвом, позволяет, с одной стороны, увидеть механизм «словесных превращений» (выражение В. Набокова), а с другой – выявить авторские переводческие решения. Особый интерес при этом представляет собой передача реалий, которые традиционно считаются труднопереводимыми элементами исходного текста.

Объект исследования – реалии усадебного пространства, представленные в текстах В. Набокова «Другие берега» и “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”.

Предмет исследования – приемы авторской межъязыковой передачи русских усадебных реалий при переводе на английский язык.

Цель настоящей работы заключается в изучении феномена автоперевода как особого вида межъязыкового преобразования текста и специфики авторских приемов передачи реалий в процессе этого преобразования.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

- 1) изучить имеющиеся научные работы, посвященные феномену автоперевода;
- 2) проанализировать дефиниции автоперевода и выявить онтологические признаки, лежащие в основе его отличия от традиционного перевода;

3) изучить понятие «реалия», рассмотреть подходы к его определению, к пониманию его статуса в лингвистике и переводоведении, а также проанализировать имеющиеся классификации реалий;

4) рассмотреть понятие «усадебное пространство» и определить классы реалий, его составляющих;

5) выявить в русскоязычной версии автобиографии В. Набокова «Другие берега» усадебные реалии и найти их англоязычные соответствия в тексте “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”;

6) провести сопоставительный (количественный и качественный) анализ русскоязычных реалий и их англоязычных вариантов с целью выявления приемов межъязыковой передачи, используемых В. Набоковым как автором-переводчиком;

7) систематизировать выявленные приемы передачи в соответствии с имеющимися сегодня классификациями переводческих приемов и прокомментировать их.

Степень изученности проблемы. Настоящая диссертационная работа продолжает традиции изучения межъязыковой передачи реалий, инициированного болгарскими исследователями С. Влаховым и С. Флориным, давшими определение понятию «реалия» и предложившими классификацию реалий, а также описавшими способы их межъязыковой передачи. Реалии и их перевод стали объектом большого количества исследований, выполненных на материале разных языков. Считается, что реалии относятся к категории безэквивалентной лексики, а это означает отсутствие готовых переводческих соответствий. В связи с этим одной из задач, решаемых в теории и практике перевода, стала задача определения оптимальных приемов межъязыковой передачи реалий. К настоящему моменту имеется определенный набор общих рекомендаций, который касается перевода реалий. Эти приемы были описаны в известной книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» (1980). В современном отечественном переводоведении проблеме межъязыковой передачи реалий посвящены фундаментальные исследования М. Л. Алексеевой, Н. А. Фененко. В этих работах представлены и классификации типов реалий, и возможные способы их перевода. Однако остаются практически

неизученными опыт авторов-переводчиков, используемые ими приемы межкультурной передачи реалий, что, на наш взгляд, представляет значительный интерес для теоретиков и практиков перевода. Нельзя считать всесторонне изученным и сам феномен автоперевода, а также связанный с ним феномен литературного билингвизма. В нашей работе впервые предпринимается попытка анализа авторских приемов передачи русских усадебных реалий, использованных Владимиром Набоковым в его англоязычной версии автобиографии “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”, которая является результатом автоперевода.

Таким образом, **научная новизна** данного исследования заключается в обращении к проблеме авторских способов межкультурной передачи реалий усадебного пространства на материале автоперевода В. Набокова, в анализе и классификации реалий усадебного пространства, представленных в двуязычной автобиографии писателя. В ходе исследования была разработана и применена методика анализа реалий усадебного пространства, включающая дефиниционный анализ, метод сплошной выборки для выявления реалий и создания параллельного русско-английского корпуса реалий, сопоставительный анализ семантики русскоязычных и англоязычных наименований усадебных реалий. Рассмотрены подходы к пониманию специфики автоперевода, обозначены его сущностные признаки, принципиально отличающие его от традиционного перевода.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что проблема межкультурной передачи реалий рассмотрена в ситуации не традиционного перевода, а автоперевода В. Набокова, для чего был сформирован параллельный русско-английский корпус усадебных реалий, выявленных в русскоязычной и англоязычной версиях автобиографии писателя. Предложена модель усадебного пространства, на основании которой проведена классификация реалий, а также проанализированы и систематизированы приемы их межкультурной передачи. Проведенное исследование вносит определенный вклад в сравнительно-сопоставительную лингвистику, в лингвистическую теорию реалий, в критику перевода и формирующуюся в настоящее время теорию автоперевода. Проведенный сопоставительный анализ наименований исходных русскоязычных реалий и выбранных В. Набоковым

способов их представления на английском языке способствует выявлению семантических и прагматических аспектов межъязыкового перевода в ситуации, когда в роли переводчика выступает автор исходного текста.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в таких учебных курсах, как общая теория перевода, теория художественного перевода, письменный перевод, лингвокультурология и лингвострановедение. Отдельную практическую ценность представляет собой созданная по результатам исследования база данных (свидетельство о государственной регистрации № 2025622282), включающая в себя выявленные в тексте русскоязычной автобиографии «Другие берега» усадьбные реалии и их переводные соответствия, найденные в тексте “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”. База данных может быть использована для разработки онлайн-курсов по теории и практике перевода.

Гипотезой нашего исследования явилось предположение, что В. Набоков как писатель-билингв, как переводчик и теоретик перевода использует в переводе собственные приемы, позволяющие ему точно передать реалии, организующие пространство русской дворянской усадьбы. Исходя из имеющегося у нас представления о теоретической концепции перевода В. Набокова, мы предположили, что с точки зрения теории реалий и тех приемов, которые описаны и рекомендованы для переводчиков в современной теории перевода, приемы, использованные писателем, не могут быть строго вписаны в существующие классификации. Мы ожидали, что в ходе анализа способов передачи русских реалий в англоязычном тексте будут выявлены приемы, отражающие специфику именно авторского перевода, когда переводчик как автор переводимого текста предлагает собственные переводческие решения, основанные на глубоком знании обеих лингвокультур и, соответственно, представляющие интерес для изучения.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили два текста В. Набокова, «Другие берега» и “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”.

В работе используются как общенаучные (анализ, синтез, описание, сопоставление), так и лингвистические методы – дефиниционный анализ, метод

сплошной выборки для выявления реалий и создания исследовательского корпуса, сопоставительный анализ исходных русскоязычных и их англоязычных соответствий, используемых автором-переводчиком, а также контекстуальный анализ для определения функций реалий в тексте.

Теоретическую и методологическую основы настоящей работы составляют исследования отечественных и зарубежных ученых по следующим направлениям: **теории перевода и автоперевода** (Р. Якобсон, Е. В. Бреус, Я. Линьлинь, Е. В. Харитонов, Дж. Кэтфорд, Ю. Найда и Ч. Р. Табер, М. Снелл-Хорби, В. В. Набоков, А. Попович, К. А. Касаткина, Т. А. Казакова, А. Д. Швейцер, С. В. Тюленев, И. С. Алексеева, Л. М. Алексеева, А. М. Финкель, П. Топер, B. T. Fitch, J. W. Hokenson and M. Munson, T. Bolderen, L. Venuty, E. Beaujour, K. Lyamlahy, S. Anselmi, M. Asaduddin, P. A. Peterlin, A. Benjamin, O. Castro, D. Delabastita, D. Gagnon, H. Dam, M. R. Penalver, P. Torop, S. Fan, R. Federman, S. Panichelli-Batalla, D. Mohamed, M. Filippakopoulou, C. Lutter, R. R. Fahrutdinov, E. Gentes, M. Gibeau, P. Hersant, V. Jung, A. Klimkiewicz, S. Klinger, C. Krause, G. Kristmannsson, M. A. Reinhardt, E. Shlomit, W. Vandeweghe, G. Sonesson, J. Woodsworth, Q. Zhang, и др.); **билингвизма и его видов – литературного и переводческого** (У. Вайнрайх, В. А. Аврорин, А. А. Ривлина, Л. В. Щерба, М. Пароди, В. Ю. Розенцвейг, Л. Блумфилд, Р. Титоне, И. Г. Овчинникова и А. В. Павлова, Г. Т. Хухуни, М. Я. Цвиллинг, V. J. Cook, B. Turnbull, R. Pellegrino, L. D. Roubaix, W. Noonan, P. Nikolaou, M. S. Sabljo, E. Harding, S. Weigel, C. Scheiner и др.); **усадебной культуры** (Ю. М. Лотман, В. Г. Щукин, О. А. Богданова, Л. Е. Городнова, О. А. Гриневич, Е. Е. Дмитриева и О. Н. Купцова и др.); **лингвистической теории реалий и их межъязыковой передачи** (С. Влахов и С. Флорин, Л. С. Бархударов, Г. Д. Томахин, О. С. Ахманова, Л. Н. Соболев, В. М. Россельс, З. Г. Прошина, В. Г. Гак, Н. А. Фененко, И. С. Алексеева, М. Л. Алексеева, А. Д. Швейцер, Г. В. Чернов, А. Е. Супрун, J. Pedersen, R. Leppihalme, M. Lopenen, J. B. Riera, T. Triberio и др.); **набоковедения** (Б. В. Аверин, А. А. Долинин, А. М. Зверев, М. Э. Маликова, Б. Бойд, А. А. Бабилов, Г. А. Барабтарло, Ж. Бло, Н. Г. Мельников, А. С. Мулярчик, O. Anokhina, A. Wanner, B. Osimo, J. Loison-Charles, P. Zhu и др.).

На основании проведенного исследования на защиту выносятся следующие **положения**:

1. Автоперевод представляет собой особый вид межъязыкового перевода, отличающийся от традиционного перевода тем, что в ситуации автоперевода снимается главная проблема перевода – понимание, являющееся необходимым условием в ситуации традиционного перевода. Основной проблемой автоперевода становится перевыражение – новая вербализация уже имеющегося текста. В связи с этим можно считать, что автоперевод – это не столько межъязыковой перевод в чистом виде, сколько собственная авторская интерпретация уже написанного текста, представленная на другом языке, поскольку автор в процессе перевода вновь возвращается к своему исходному тексту, заново его прочитывает, эмоционально «проживает», «переводит» его сам для себя и на правах автора частично его модифицирует, ориентируясь на другую читательскую аудиторию.

2. Феномен авторского перевода литературного произведения связан с двумя видами билингвизма – литературным и переводческим. Автоперевод требует наличия высокого уровня владения вторым языком, позволяющего создавать художественные тексты на двух языках и переводить собственные тексты, написанные на одном языке, на другой. Это возможно при условии, когда автор является и писателем-билингвом, и переводчиком, то есть носителем литературного и переводческого билингвизма. В случае В. Набокова два языка – русский и английский – находятся в комплементарных отношениях, расширяя тем самым языковую картину мира писателя, создавая его собственную сетку межъязыковых связей. Этим объясняются многие его переводческие решения, связанные с выбором средств языка перевода для передачи исходных единиц, в частности, для представления в тексте перевода реалий усадебного пространства.

3. Особой группой в корпусе реалий автобиографической прозы В. Набокова являются усадебные реалии, включающие в себя реалии, относящиеся к самой усадьбе, к предметам быта обитателей усадьбы, к искусству и культуре, а также реалии-топонимы, связанные с фамильными именами семьи Набоковых. Русская усадьба – это особое уникальное явление русского дворянского быта, русской

культуры, породившее понятие «усадебный текст», которое является в определенной степени лакунарным для носителей иной культуры и требует особого внимания переводчика к приемам представления усадебных реалий в тексте перевода.

4. В. Набоков для межъязыковой передачи усадебных реалий использовал самые разнообразные переводческие приемы, которые правомерно рассматривать как авторские, так как двуязычная автобиография писателя была создана в середине прошлого века, когда лингвистическая теория перевода только начинала оформляться, не была разработана и теория реалий. Однако имеющиеся сегодня исследования реалий и приемов их межъязыковой трансляции делают возможным рассмотреть и систематизировать приемы, использованные автором-переводчиком, с точки зрения современных классификаций, описанных в переводоведческой литературе.

5. Предложенная в исследовании классификация приемов передачи реалий построена на основе классификаций, имеющих в современном переводоведении, а также на материале параллельного русско-английского корпуса усадебных реалий, который был составлен в ходе работы и позволил представить, на наш взгляд, наиболее полный спектр переводческих приемов, используемых В. Набоковым.

6. Анализ переводческих приемов межъязыковой передачи усадебных реалий, выявленных в автопереводе, показал, что Набоков как переводчик активно использовал как простые, так и комбинированные приемы. К группе **простых приемов** были отнесены *родовидовая замена (генерализация, конкретизация), функциональный аналог, замена, добавление, опущение, калькирование (калька и полукалька), перевод (прямой и приблизительный), транслитерация, объяснение, использование исходной формы*. В группу **комбинированных приемов** вошли *добавление + функциональный аналог, замена + объяснение, опущение + замена, калькирование + использование третьего языка, прямой перевод + добавление, приблизительный перевод + опущение, приблизительный перевод + транслитерация, прямой перевод + уточнение, транслитерация + перевод, транслитерация + объяснение, транслитерация + уточнение, транслитерация с*

объяснением + функциональный аналог, транслитерация + функциональный аналог, функциональный аналог + калькирование. Именно использование различных комбинаций приемов, включающих и внутритекстовые пояснения, можно считать особенностью авторского подхода к межъязыковой передаче реалий.

Достоверность полученных научных результатов и сформулированных выводов исследования обусловлена репрезентативным объемом проанализированного материала: всего в русскоязычном тексте автобиографии было выявлено 285 реалий разных видов, к ним были найдены переводные соответствия в англоязычном тексте (итого 570 фрагментов контекста на русском и английском языках); из общего числа реалий было выделено 156 усадебных реалий и найдены их переводные соответствия (итого 312 фрагментов контекста на русском и английском языках). Достоверность также связана с использованием в исследовании признанных концепций отечественных и зарубежных исследователей, а также достаточной апробацией основных результатов диссертации в рамках международных и всероссийских научных конференций.

Апробация работы была осуществлена в ходе выступлений на заседаниях кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, ПГНИУ, 2021, 2022, 2023, 2024), на ученом совете факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, ПГНИУ, 2022), а также в формате докладов в рамках конференций и научных форумов разных уровней: IV Международной конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2022), международной научно-практической конференции «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (Москва, МГОУ, 2022), Третьей международной научной конференции «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте. Скрещение взглядов» (Москва, ИМЛИ РАН, 2022), Международном форуме «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (Воронеж, ВГУ, 2023), XI Всероссийской (с международным

участием) научно-практической конференции «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (Уфа, УУНиТ, 2023), Международном научно-практическом форуме «Язык. Культура. Перевод: Цифровые технологии и вербальная коммуникация» (Москва, МГИМО МИД, 2024), Международной научно-практической конференции «Фундаментальные исследования и прикладные разработки в современном языкознании. К 300-летию Российской академии наук» (Москва, ИНИОН РАН, 2024), международных конференциях из цикла «Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного» (Баня-Лука, Босния и Герцеговина, Панъевропейский университет «Апеирон», 2022, 2024), Десятой Международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2024); II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Перевод как профессия, наука, творчество» (Москва, МГЛУ, 2024), Одиннадцатой Международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2025). Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях, в том числе четырех статьях в журналах из Перечня российских научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. В число публикаций входят разделы (в соавторстве) в двух коллективных монографиях, посвященных творчеству Владимира Набокова.

Соответствие паспорту научной специальности: диссертация соответствует паспорту специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», направлению исследований п. 20 – «Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода».

Объем и структура работы. Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Во **введении** обосновывается актуальность, определены объект и предмет, изложены цель и задачи исследования, обоснованы научная новизна,

теоретическая и практическая значимость работы, описаны материал и методы исследования, а также представлены теоретико-методологическая база и результаты апробации работы.

В главе 1 **«Теоретические основы исследования феномена автоперевода»** представлены современные подходы к пониманию сущности процесса автоперевода, описана история его изучения, дан обзор основных работ, посвященных изучению перевода.

В главе 2 **«Реалии как объект исследования в переводоведении»** рассматривается понятие «реалия», проводится анализ имеющихся дефиниций этого понятия, приводятся типы реалий и их классификации. Также в главе анализируется понятие «усадебное пространство», выделяются как особый класс усадебные реалии, обсуждается проблема их межъязыковой передачи.

В главе 3 **«Усадебные реалии в русскоязычной и англоязычной версиях автобиографии В. Набокова»** приводится краткая история создания двуязычной автобиографии, подчеркивается та роль, которую в жизни писателя играл усадебный мир, детально сохранившийся в памяти автора и воспроизведенный им во многих текстах. Основное место в главе занимает сопоставительный анализ русских усадебных реалий, содержащихся в русской версии автобиографии «Другие берега», и их англоязычных вариантов, представленных в англоязычной версии “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”. Приводятся результаты данного анализа, позволившие выявить авторские переводческие приемы, использованные В. Набоковым.

В **заключении** обобщаются основные теоретические результаты предпринятого исследования и намечаются его возможные перспективы.

Список литературы включает в себя 259 источников, использованных при подготовке работы, в том числе 109 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА АВТОПЕРЕВОДА

1.1. Автоперевод как особый вид межъязыкового перевода

Как уже было сказано во введении, перевод является широким и многоаспектным понятием. Существует большое количество определений перевода, анализ которых позволяет увидеть эволюцию взглядов на этот феномен. Одно из первых и емких определений перевода было дано Р. Jakobson в его известной работе “On Linguistic Aspects of Translation” («О лингвистических аспектах перевода»), написанной в 1959 г. и опубликованной на русском языке только в 1978 г.: «Перевод – это интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка» [Jakobson 1978: 16]. В этой же работе Р. Jakobson назвал «эквивалентность при существовании различия» кардинальной лингвистической проблемой.

В дальнейшем исследователи стали выделять эквивалентность в качестве базового признака перевода. Так, Дж. Кэтфорд полагал: «Перевод может быть определен следующим образом: замещение текстового материала на одном языке (ИЯ) **эквивалентным** текстовым материалом на другом языке (ЦЯ)» [Кэтфорд 1965: 103] (*Здесь и далее выделение в цитатах наше – Д. К.*).

Теоретики перевода Ч. Р. Табер и Ю. Найда подчеркивали, что «перевод заключается в воспроизведении на языке-рецепторе наиболее близкого естественного **эквивалента** высказывания на исходном языке, во-первых, с точки зрения содержания и, во-вторых, с точки зрения стиля» [Nida, Taber 1969].

Хорошо известна формулировка одного из основателей отечественной теории перевода Я. И. Рецкера, который так определил задачу, стоящую перед переводчиком: «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [Рецкер 1974: 7]. Очевидно, что целостная и точная передача переводимого текста предполагает создание текста, эквивалентного исходному. Так, эквивалентность становится ключевым понятием в лингвистической теории перевода.

Однако в ряде определений перевода имеется указание на то, что результатом переводческого процесса становится **новый текст**: «Перевод –

перекодирование языкового текста, во время которого создается его **новый языковой облик и стилистическая форма**» [Попович 1980: 142]; «Перевод – это **новое воссоздание текста** в соответствии с имеющейся ситуацией как части целевой культуры» [Snell-Hornby 1988].

В отечественном переводоведении известно определение А. Д. Швейцера, согласно которому перевод – это «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается **вторичный текст (метатекст)**, заменяющий первичный в **другой языковой и культурной среде**; процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично **модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями**» [Швейцер 1988: 75].

Во многом определение А. Д. Швейцера перекликается с определением С. В. Тюленева, который переводом называет «такой вид языковой (вербальной) деятельности человека, в процессе которого благодаря специальной (особой) обработке исходного текста, существующего на одном языке, создается текст (или тексты), репрезентирующий его на языке (языках) перевода. Следовательно, перевод – это такой вид вербальной (устной или письменной) деятельности человека, который может быть охарактеризован как би- или полилингвистический и в результате которого создается текст, репрезентирующий текст-оригинал на языке перевода» [Тюленев 2004: 9–10].

В трудах современных переводоведов затрагиваются вопросы взаимодействия переводчика с текстом перевода. Так, Л. М. Алексеева считает, что перевод следует рассматривать как «двустороннюю деятельность», т. е. его можно представить как «обоюдный процесс взаимодействия текста и переводящей личности» [Алексеева 2013: 26].

Как известно, осмыслить перевод как «процесс взаимодействия текста и переводящей личности» пытались уже Цицерон и его последователи (Квинтилиан, Плиний младший, Гораций). Именно тогда, в эпоху формирования переводческих традиций, были сформулированы определенные требования к переводу, которые

переводчик должен был соблюдать. Здесь прежде всего нужно назвать имена Э. Доле, создавшего трактат «О способе хорошо переводить с одного языка на другой» (1540) и Дж. Драйдена, которого по праву считают первым из английских теоретиков перевода: в предисловии к собственному переводу «Писем с Понта» древнеримского поэта Публия Овидия Назона он сформулировал свод правил перевода. Среди первых известных работ, посвященных переводу, необходимо назвать и «Эссе о принципах перевода» Александра Тайтлера (1792), в котором, как видно из названия, были сформулированы принципы перевода, суть которых заключается в точной передаче всех идей оригинала, а также стиля автора исходного текста, его манеры писать.

Таким образом, можно сказать, что уже первые теоретики обращают внимание на проблему межтекстовых отношений между двумя текстами – оригиналом и переводом, которые определяются степенью эквивалентности.

Позднее, в начале XIX столетия, формируется герменевтическая концепция перевода. Ключевой работой в этом направлении является лекция Фр. Шлейермахера «О разных методах перевода», прочитанная им в Берлинском университете (1813) [Шлейермахер 2000]. Появление герменевтического направления в науке о переводе более чем закономерно, поскольку перевод предполагает понимание переводчиком текста, который тот переводит. Именно этот факт позволил А. Н. Крюкову – автору первого отечественного исследования перевода как интерпретативной деятельности, представленного в его диссертации на соискание ученой степени доктора наук «Методологические основы интерпретативной концепции перевода» [Крюков 1988] – назвать понимание «законом перевода». Здесь уместно вспомнить и известные слова В. фон Гумбольдта, писавшего, что «никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах – вместе и расхождение» [Гумбольдт 1984: 84].

При этом нужно отметить, что Гумбольдт говорит о понимании / непонимании в ситуации общения на одном языке. Очевидно, что степень непонимания

возрастает, когда ситуация становится двуязычной, то есть когда объектом восприятия становится текст на другом языке, созданный в иной, «чужой» лингвокультуре. Именно это и происходит в традиционной ситуации перевода, которую, вслед за В. П. Филатовым, можно отнести к ситуациям понимания. Под ситуациями такого типа ученый подразумевает «культурные, познавательные, информационные и т. п. ситуации, в которых человек уже не может исходить из неявно принимаемого постулата о тождественности (непрерывности и интерсубъективности) собственного опыта и опыта других людей – постулата, вполне приемлемого в нашей повседневной жизни в привычном и в целом понятном окружающем нас мире» [Филатов 1983: 71].

Представитель герменевтики двадцатого столетия Х.-Г. Гадамер также рассматривает перевод как герменевтическую задачу. В частности, он утверждает, что «всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер 1988: 447].

Говоря о переводе, Х.-Г. Гадамер называет его «предельным случаем, удваивающим сам герменевтический процесс», и указывает на то «стесненное положение», в котором находится переводчик. Оно связано с тем, что переводчик, по мнению Гадамера, «не в состоянии передать все измерения своего текста, постольку это означает для него постоянный отказ и отречение» [Гадамер 1988: 448]. В связи с этим: «всякий перевод, всерьез относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала. Даже если он представляет собой мастерское подражание оригиналу, какие-то оттенки и полутона неизбежно в нем пропадают» [Гадамер 1988: 449].

Семантическое различие языковых единиц, формально являющихся словарными (переводческими) соответствиями, было отмечено как философами, так и лингвистами. Так, Н. Г. Комлев, автор известной работы «Компоненты содержательной структуры слова» (1966), будучи сам опытным переводчиком, подчеркивал, что слова, которые мы считаем переводными эквивалентами, таковыми не являются, поскольку их содержательные структуры не совпадают [Комлев 1992]. Поэтому именно выбор слова в процессе перевода является для

переводчика одной из основных проблем и задач. Ж. Деррида справедливо отмечал, что “at the beginning of translation is **the word**” [Derrida 2001: 175]. Это замечание относится и к автопереводу, что и будет показано в нашем анализе, представленном в главе 3.

Совершенно очевидно, что и в рассмотренных нами определениях перевода, и в вышеприведенных мнениях ученых, подразумевается ситуация, когда автор и переводчик – это две разные личности, то есть переводчик работает с текстом, созданным другим человеком. Но наряду с традиционным существует еще и авторизованный перевод, при котором автор исходного текста участвует в переводе своего текста на другой язык, или **авторский перевод / автоперевод** (когда автор самостоятельно переводит свое произведение, сам создает «новый языковой облик» своего текста). Сутью этих видов перевода, как отмечает Д. Ю. Жук, является рефлексивно-интерпретативное воссоздание исходного произведения средствами иностранного языка [Жук 2002]. Соответственно, в ситуации авторского перевода и вопрос о соотношении оригинала и перевода приобретает иной характер. Опираясь на вышеприведенные определения перевода, рассмотрим, какие положения, выдвинутые авторами определений, применимы к автопереводу.

Из приведенных выше определений перевода к автопереводу, несомненно, можно отнести замечание о том, что результатом процесса перевода становится новый текст. Автоперевод – это, разумеется, тоже «новое воссоздание текста в соответствии с имеющейся ситуацией как части целевой культуры» [Швейцер 1988: 73], а полученный в результате автоперевода текст заменяет оригинал в иной социокультурной и языковой среде. В процессе автоперевода крайне важным является различие «между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер 1988: 73]. Эти характеристики делают автоперевод переводом в общепринятом смысле этого понятия. Однако такие признаки, как эквивалентность и вторичность перевода, на наш взгляд, в случае автоперевода не являются очевидными.

Итак, рассмотрим феномен автоперевода и попытаемся ответить на вопрос: как соотносятся традиционный перевод и автоперевод?

Во-первых, нужно подчеркнуть, что в традиционном переводоведении феномен авторского перевода («самоперевода» / self-translation) в течение долгого времени, как правило, не являлся объектом исследования, он даже не включался в классификацию видов перевода. Его неизученность (или малоизученность) отмечается практически всеми исследователями, которые обращаются сегодня к феномену автоперевода. «Явление автоперевода (или авторского перевода) является одним из самых неоднозначных и малоизученных» [Фролов 2016: 38]. Внимание исследователей к феномену автоперевода возросло только в последние десятилетия. Что же помогло развитию этого переводоведческого направления? Говоря о формировании науки о переводе в конце двадцатого столетия, необходимо сказать о так называемом культурном повороте (the cultural turn), который произошел в 1990-е гг. и был декларирован редакторами и авторами предисловия к сборнику эссе “Translation, History and Culture” A. Lefevere и S. Bassnett. Ученые подчеркивают, что объект исследования в теории перевода был определен по-новому: “The object of study had been redefined and that what had come to be studied ‘is the text embedded within its network of both source and target cultural signs” [Translation... 1990: 14]. По мнению A. Lefevere и S. Bassnett, наука о переводе должна не только пользоваться лингвистическим инструментарием, но и обращаться к теории и истории культуры (“Translation Studies, following the cultural turn, should employ tools not only from linguistics and literary studies but also from cultural history and cultural studies” [Там же]). Далее подчеркивается, что, благодаря переводам, в целевой культуре формируется не только образ автора конкретного исходного текста, но и создается представление о литературе и даже о всем обществе, к которому принадлежит автор (“The diffusion of translations in the target culture and of the ways in which translation serves to construct an image of an author, a literature or even of a whole society for a target readership” [Там же]).

По мнению С. Басснетт и других исследователей, интерес к авторскому переводу возник во многом благодаря произошедшему культурному повороту, поскольку автоперевод – это прежде всего осмысление собственного текста в контексте другой лингвокультуры. Конечно, серьезные исследования в этом

направлении начали проводиться сравнительно недавно. Так, в 1988 году Брайон Фитч в своей работе, посвященной билингвальному творчеству Самюэля Беккета, подчеркивал, что “direct discussion or even mention of self-translation is **virtually non-existent** in writings on theory of translation” (*прямое обсуждение или даже упоминание автоперевода практически отсутствует в статьях по теории перевода*) (Здесь и далее перевод цитат наш. – Д. К.) [Fitch 1988: 21].

Это было написано в 1988 году, но даже тридцать лет спустя в диссертации Elena Anna Spagnuolo “Hybrid voices in self-translation. Using language to negotiate identity in (trans)migratory contexts” отмечается, что “self-translation has long been considered as quantitatively unimportant and therefore unworthy of critical attention” (*автоперевод долгое время считался количественно незначительным и, следовательно, недостойным внимания со стороны критиков*) [Spagnuolo 2018: 9]. На это указывали и другие авторы, включая R. Grutman [Grutman 2009] и A. Cordingley [Cordingley 2013].

Итак, приведенные высказывания свидетельствуют, что в течение долгого времени авторский перевод считался редким и даже необычным явлением и потому не становился объектом исследования. Даже такие известные теоретики перевода, как S. Bassnett [Bassnett 2013] и J. Munday [Munday 2016] изначально не помещали автоперевод в свое исследовательское поле. «Исключением стала энциклопедия “Routledge Encyclopedia of Translation Studies” (под общей редакцией M. Baker), в которой содержится небольшая по объему статья, дающая определение этому виду перевода: “The term ‘self-translation’ can refer both to the act of translating one’s own writings into another language and the result of such an undertaking” [Routledge... 2019: 20] (*Термин «автоперевод» может относиться как к самому процессу перевода собственных произведений на другой язык, так и к результату такого начинания*)» [Курушин 2024а: 141].

Необходимо отметить, что С. Басснетт в своей обзорной статье «Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг.», написанной тремя годами позднее, говоря о переводоведении XXI столетия, уже называет автоперевод одним из «интереснейших объектов исследований литературного перевода» [Басснетт 2016: 41]. Таким образом, можно сказать, что именно в наше время автоперевод

(в некоторых работах используется термин «самоперевод») становится объектом внимания исследователей. На сегодняшний день наиболее известными исследованиями авторского перевода являются работы “The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation” [Hokenson. Munson 2016] и “Self-translation: brokering originality in hybrid culture” [Cordingley 2013]. К ним мы еще будем обращаться в рамках нашего исследования, а пока подчеркнем, что статус данного вида перевода в настоящее время является дискуссионным. Некоторые исследователи полагают, что авторскую переводческую версию произведения можно считать вариантом исходного текста, поскольку оба созданы одним и тем же автором [Rokebrand 2012: 50].

Judith Inggs и Ella Wehrmeyer подчеркивают: основное различие между традиционным и авторским переводом заключается в том, что авторы-переводчики, в отличие от переводчиков традиционных, гораздо лучше представляют себе культурный контекст и все обстоятельства создания произведения [Inggs, Wehrmeyer 2021: 7].

Как уже отмечалось выше, одной из основных работ, положивших в определенной степени начало исследованиям автоперевода можно считать работу “The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation” (2007), авторами которой являются Jan Walsh Hokenson и Marcella Munson, профессора Флоридского Атлантического университета (Florida Atlantic University–FAU). В предисловии к своей монографии исследователи пишут: “Self-translators have long been neglected in literary history and translation theory, and it is still often assumed that they are just rather idiosyncratic anomalies, mostly preening polyglots or maladaptive immigrants” (*Авторы-переводчики долгое время не были в фокусе внимания в истории литературы и теории перевода, и до сих пор они часто воспринимаются как определенного рода отклонение от нормы, как гордящиеся своим многоязычием писатели или как не совсем адаптировавшиеся иммигранты*) [Hokenson, Munson 2007: 1].

Итак, начиная с конца прошлого столетия автоперевод упоминается в переводоведческих трудах и определяется как особый вид перевода. В диссертации Е. А. Spagnuolo, которая уже была упомянута выше, исследовательница дает

собственное определение автоперевода и подчеркивает его специфику, которая заключена в рефлексии, сопровождающей процесс перевода [Spagnuolo 2018]. Упоминание “self-relexive practice” [Spagnuolo 2018: 9] автора-переводчика представляется нам очень важным, поскольку автоперевод по своей сути и есть саморефлексия: переводчик видит свой текст сквозь призму двух языков, двух культур. В связи с этим феномен автоперевода должен был стать объектом изучения не только переводоведов, но и психолингвистов, нейролингвистов, когнитологов, психологов. Представляется странным, что так долго этот вид перевода не изучался, не описывался, хотя, как известно, практика такого перевода уходит корнями в далекое прошлое. Так, считается, что древнееврейский историк Иосиф Флавий, написав свою известную книгу «Иудейская война» на родном арамейском языке, сам перевел ее на греческий. История автоперевода представлена в уже упоминавшейся монографии “The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation” [Hokenson, Munson 2007].

В отечественном переводоведении начало изучению данного вида перевода было положено переводчиком-практиком и теоретиком перевода, автором перевода всех сонетов Шекспира на русский язык А. М. Финкелем. В 1962 г. была опубликована его статья «Об автопереводе», в которой он проводит сравнение между традиционным и авторским переводом. В частности, исследователь отмечает, что «хотя перед переводчиком вообще и переводчиком-автором стоят, казалось бы, одни и те же задачи и трудности, в автопереводе разрешение их приобретает несколько иной характер, иное направление, иное содержание, чем в переводе обычном» [Финкель 1962: 104]. Сопоставляя эти два вида перевода, А. М. Финкель подчеркивает их различия: «Если переводчик – не автор – переосмысливает переводимое произведение, акцентирует одни элементы и приглушает другие, во-первых, в силу своей идейной, эстетической, этической и т. п. нетождественности с автором и, во-вторых, в силу перенесения произведения в иные условия (иную читательскую среду), то для переводчика-автора причины первого порядка, естественно, отпадают. Однако причины второго порядка остаются, так что переосмысление все же происходит, но в несколько ином плане: это переосмысление, так сказать, не для себя, а для других» [Финкель 1962: 104].

Авторское переосмысление приводит к появлению в новом тексте «более или менее значительных изменений, которые переводчик-автор делает, возможно, как некоторое насилие над своим авторским замыслом: иноязычная, инокультурная среда принуждает его к таким заменам, которые для оригинала он бы не допустил, принуждает его в какой-то мере пересочинять свое произведение, раздвоиться» [Финкель 1962: 104].

Таким образом, согласно А. М. Финкелю, цель автоперевода – «переосмыслить свое произведение, адресуя его иной читательской среде» [Финкель 1962: 124]. Мысль о том, что текст, адресованный читателям другой культуры, нуждается в переосмыслении, представляется очень важной для понимания сути авторского перевода.

Со времени выхода в свет работы А. М. Финкеля, которая стала своего рода началом исследования феномена автоперевода, прошло уже больше 60 лет, однако автоперевод так и остается малоизученным по сравнению с обычным переводом, что подчеркивают практически все, кто пишет об автопереводе. Однако ситуация меняется: исследователи осознают, что необходимо изучать не только традиционный, но и авторский перевод. В последние два-три десятилетия появились новые работы, посвященные автопереводу и литературному билингвизму, что позволяет говорить о зарождении и формировании теории автоперевода. Сегодня уже можно назвать достаточно большое количество имен переводоведов, занимающихся проблемами автоперевода и литературного билингвизма. Среди них как наши отечественные, так и зарубежные исследователи: Н. И. Васютина, Г. В. Денисова, О. Н. Бакуменко, Ш. А. Мазанаев, М. Б. Раренко, А. М. Финкель, В. И. Фролов, Ю. А. Дымант, В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева, К. Г. Коровина, L. Razumova, M. A. Antunes, A. Cordingley, R. Grutman, T. V. Bolderen, R. Wilson, A. J. Pinto, D. Saidero, J. L. Capllonch, A. Dagnino, F. J. Doloughan, M. Fathi, M. Heydel, C. Whyte, H. Tanqueiro, P. L. López.-Gay, F. Parcerisas, C. Shread, N. Danby, C. Montini, A. Chirila и другие.

Значимым шагом в исследовании автоперевода стал цикл посвященных этому феномену международных научных конференций, организуемых ИМЛИ. На сайте института размещен библиографический список работ различного

формата (монографии, сборники, диссертации, статьи), посвященных феномену автоперевода. Несомненно, работ, посвященных именно автопереводу, несопоставимо меньше по сравнению с исследованиями обычного перевода. Однако нельзя не отметить, что попытки осмысления феномена автоперевода предпринимаются все чаще. Рассматривается как общие проблемы автоперевода, так и конкретные автопереводы писателей-билингвов.

Понятие автоперевода сегодня можно найти в некоторых специализированных словарях. Так, статья «Авторский перевод» содержится в «Толковом переводческом словаре». Его автор, Л. Л. Нелюбин, дает этому феномену следующее определение: «Особый вид перевода. С абстрактной точки зрения – это **идеальный путь воссоздания оригинала на другом языке, ибо лучше автора никто оригинал не знает**» [Нелюбин 2009: 12] (*Выд. наше – Д. К.*).

В приведенном словарном описании мы выделили те характеристики автоперевода, которые и составляют его специфику и отличие от обычного перевода. Итак, автоперевод можно считать идеальным способом воссоздания исходного текста на другом языке, это наиболее надежный вид перевода, высшая форма перевода и это, бесспорно, творческий акт.

В терминологическом словаре-справочнике «Основные понятия англоязычного переводоведения» подчеркивается, что «в случае авторского перевода писатель-переводчик принимает для себя ряд важных решений, связанных с проблемой адаптации своего текста к принимающей культуре. С другой стороны, в случае авторского перевода, видимо, корректнее говорить не об оригинале и переводе и их различиях, а о двух "версиях" ("вариантах") произведения, имеющих равный статус» [Основные понятия... 2010: 16–17].

В данном описании авторского перевода значимым с точки зрения осмысления феномена автоперевода представляется замечание об отношении «оригинал / перевод» как о двух авторских версиях текста.

Итак, с точки зрения определения автоперевода особых расхождений нет и не может быть: это перевод, осуществляемый автором исходного текста (оригинала). Дискуссионными мы можем считать следующие вопросы: 1) в чем

отличие автоперевода от обычного перевода; 2) является ли автоперевод переводом (т. е. вторичным текстом) или новым текстом; 3) является ли автоперевод идеальным и самым надежным переводом, высшей его формой. Рассмотрим эти проблемы более подробно.

Чем же отличается автоперевод от традиционного перевода? В переводоведении уже предпринимались попытки ответить на этот вопрос. В диссертационном исследовании Trish Van Bolderen “Twice Heard, Hardly Seen: The Self-Translator’s (In)Visibility” [Bolderen 2010] так охарактеризована разница между двумя видами перевода, традиционным и авторским: “The fundamental difference between standard translation and self-translation is that, while both phenomena involve two texts and two language-cultures, the former implies two writing subjects whereas the latter implies only one. Though this distinction may seem obvious and therefore simple, its implications are in fact rather complicated, because each type of translator has a different number of personas, and these personas allow—or perhaps cause—the translator and self-translator to be perceived very differently” [Bolderen 2010: 78] Исследователь считает, что традиционный переводчик включает в себя только одну «личность» — это личность переводчика, который отвечает за представление иностранного текста в новой лингвокультуре, в то время автора-переводчика (self-translator) Trish Van Bolderen воспринимает как носителя трех «личностей» одновременно: 1) автора как создателя оригинала: “the author persona: that facet of the self-translator that is the creator of a given text” [Bolderen 2010: 78] (*личность автора: та часть автора-переводчика, которая является создателем данного текста*); 2) переводчика: “the translator persona: that facet of the self-translator that transfers a given text into another text in another language-culture” [Там же] (*личность переводчика: та часть автора-переводчика, которая переводит данный текст в другой текст для другой лингвокультуры*); 3) автора-переводчика: “the self-translator persona: that facet of the self-translator that translates one of his / her own texts into another text in another language-culture” [Bolderen 2010: 78] (*личность автопереводчика, которая переводит один из своих собственных текстов в другой текст на другом языке или в другой лингвокультуре*).

Такое видение личности автопереводчика нам представляется весьма интересным. Действительно, «в случае автоперевода можно различить три ипостаси личности автора-переводчика: один и тот же человек выполняет три вида творческой деятельности: он создает текст на одном языке, он переводит его на другой язык как профессиональный переводчик и он же пересоздает (переосмысливает) свой текст как автор для другой (чужой) лингвокультуры, ориентируясь на нового читателя, представителя (носителя) этой другой лингвокультуры» [Курушин 2024а: 142].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным обратиться к понятию «автокоммуникация» в том понимании, которое было введено Ю. М. Лотманом в работе «Внутри мыслящих миров» (2000). Ученый рассматривает две ситуации коммуникации «Я – ОН» и «Я – Я». Вторая ситуация – это «случай, когда субъект передает сообщение самому себе» [Лотман 2000: 164]. Возникает вопрос: можно ли считать автоперевод своего рода автокоммуникацией? Попробуем ответить на него. Ю. М. Лотман, говоря об автокоммуникации, подчеркивает, что, хотя носитель информации – это одна и та же личность, однако «сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл», что происходит из-за того, что сообщение перекодируется, так как появляется «добавочный» код [Лотман 2000: 165]. Данное описание автокоммуникации может быть применено и к автопереводу, если рассматривать как автокоммуникацию переосмысление собственного текста и его перекодирование средствами иного кода. Нельзя не согласиться и с тем, что в данном процессе появляются и новые смыслы. Однако создание текста перевода – это уже другое направление передачи сообщения «Я – ОН».

Хочется также обратиться суждению Ю. М. Лотмана о переводе. Говоря о создании текстов, ученый подчеркивает, что в культуре постоянно происходит обмен текстами, и совершается он «в форме семантического перевода», при этом «любой точный перевод подразумевает, что между единицами каких-либо двух систем установлены взаимно-однозначные отношения, в результате чего возможно отображение одной системы на другую» [Там же: 178]. Однако, как известно, такое точное отображение невозможно, на это и указывает ученый: «Дискретной и

точно обозначенной семантической единице одного текста в другом соответствует некоторое смысловое пятно с размытыми границами и переходами в область другого смысла. <...> В этом случае возникает не точный перевод, а приблизительная и обусловленная определенным общим для обеих систем культурно-психологическим и семиотическим контекстом эквивалентность» [Лотман 2000: 178]. Из этого следует очень важный для понимания сущности автоперевода вывод о том, что такой «незакономерный и неточный, однако в определенном отношении эквивалентный перевод составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления» [Там же]. Представляется, что автор-переводчик осмысливает свой имеющийся уже текст (исходное сообщение), мысленно выстраивая отношения двух систем, оценивая возможность отображения одной системы в другой. Такие, как пишет Ю. М. Лотман, «незакономерные» сближения единиц разных систем и дают толчки для новых смысловых связей и текстов [Лотман 2000: 178].

Понимание текста перевода, созданного автором на основе собственного текста как текста нового, отмечается практически во всех работах, посвященных феномену автоперевода. Связано это с тем, что, как пишет Энтони Кордингсли, авторы-переводчики (self-translators) позволяют себе такие вольности в обращении с текстом, о которых другие переводчики «и помыслить не смеют» [Cordingley 2013: 2].

Как нам представляется, «главное отличие автоперевода от обычного перевода заключается в том, что при автопереводе снимается главная проблема обычного перевода как двухфазного процесса, где первый этап (фаза) – это этап понимания, этап анализа исходного текста, понимание идеи автора, его интенций, его замысла и его языка» [Курушин 2024а: 142]. Именно поэтому в параграфе 1.1, посвященном понятию перевода, мы обратились к герменевтическому направлению в переводоведении, к работам Ф. Шлейермахера и Х.-Г. Гадамера, поскольку центральной проблемой в традиционной ситуации перевода является проблема понимания переводимого текста, его интерпретация. Есть даже афористическое высказывание: «перевести – значит понять». Однако это

высказывание не относится к автопереводу, так как здесь проблема верной интерпретации исходного текста отсутствует. Это означает, что в случае автоперевода не может быть «недопонимания», фактических ошибок, которые В. Набоков относил к числу основных «грехов» перевода [Набоков 2016].

Обратимся еще раз к работе А. М. Финкеля, который отмечал, что, несмотря на общность задач в обычном переводе и автопереводе, решаются они по-разному, так как в автопереводе решение переводческих задач «приобретает несколько иной характер, иное направление, иное содержание, чем в переводе обычном» [Финкель 1962: 104]. И связано данное различие с тем, что если в случае обычного перевода переводчик воспринимает и осмысливает чужой текст, то в случае автоперевода происходит переосмысление собственного текста, которое проецируется на другой язык, на другую культуру. В этой ситуации перед автором-переводчиком встает проблема создания заново формы, смысла и содержания своего собственного текста. Другими словами, автор должен создать новую языковую версию того текста, который уже имеет одно языковое воплощение. И, по всей видимости, нельзя не согласиться со словами В. Набокова о том, что словарь из надежного помощника обычного переводчика превращается во «вражеский стан» для переводчика-автора [Шаховская 1991]. При наличии высокого уровня литературного и переводческого билингвизма автор, воссоздавая свой текст на другом языке, остро ощущает ту самую «раздельность» языковых миров, их «несходимость». Возможно, именно поэтому сам В. Набоков соглашался на так называемый авторизованный перевод (*collaborative translation*) и многие его произведения переведены именно этим способом (*in collaboration*).

Следующий вопрос – это вопрос вторичности текста перевода в случае автоперевода. Известно, что вторичность является онтологической характеристикой перевода, это подчеркивается исследователями. Так, П. Топер пишет: «Начинать надо, очевидно, с указания на вторичность переводческого процесса» [Топер 1998: 169]. Неудивительно, что перевод сравнивают с исполнительским искусством, называют его творчеством на чужом материале. И. С. Алексеева считает, что «принципиальная вторичность заложена в самой сути перевода» [Алексеева 2008: 28].

Совершенно очевидно, что автоперевод нельзя назвать творчеством на чужом материале: это творчество на собственном материале. В данном случае автор, он же переводчик, не должен быть верен своему исходному тексту, он его полноправный хозяин и имеет право на любые изменения. Сопоставление автоперевода и обычного перевода позволяет говорить о следующих отличительных признаках автоперевода: 1) в автопереводe размываются границы между собственно переводом оригинала и его авторской переработкой, что вполне закономерно, поскольку автор-переводчик не ограничен никакими правилами перевода, он волен переосмысливать и изменять свой же текст, создавая его новый языковой облик, привносить в текст перевода дополнительные содержательные детали и даже жанровые нюансы; 2) как правило, мотивом автора-переводчика перевести собственный текст на другой язык является желание представить его другой аудитории читателей, принадлежащих к иной лингвокультуре. Мотивом же, который побуждает писателя взяться за автоперевод, может быть стремление точно передать оригинал, обезопасить свое произведение от ошибок переводчика. Некоторые высказывания В. Набокова позволяют утверждать, что он, решаясь на автоперевод, руководствовался именно этими соображениями, так как испытывал определенное недоверие к переводчикам своих произведений. Так, известно, что В. Набоков остался недоволен переводом на английский язык своего романа «Камера обскура» (переводчик Winifred Roy, 1936 г.) и два года спустя выполнил собственный перевод этого произведения, который и стал известен в англоязычном мире как “Laughter in the Dark”.

М. Б. Раренко в своей статье, посвященной билингвальному творчеству В. Набокова, отмечает, что при переводе собственных произведений автор «изначально оказывается в более выгодном положении, нежели профессиональный переводчик, поскольку точно знает, что хотел сказать» [Раренко 2017: 88].

Интересным представляется мнение известного отечественного историка и теоретика перевода Г. Т. Хухуни, высказанное им по поводу автоперевода. Этим высказыванием, в котором ставится под сомнение само явление автоперевода, Г. Т. Хухуни поделился в интервью, опубликованном в книге Р. Р. Чайковского «Поэтический перевод в зеркале мнений» (2007): «Да простится мне такое, так

сказать, замечание, но, по-моему, **автоперевода как такового просто не существует...** Можно говорить о том, что человек создал такую-то версию, такое-то произведение на таком-то и таком-то языке на такую-то тему, но это уже, по-моему, не перевод» [Чайковский 2007: 41].

Приведем и слова осетинского поэта Тезе Бесаева: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет заново, заново переживает ситуации и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения, но можно ли точно воспроизвести эту ситуацию? Можно ли дважды войти в одну и ту же реку? Не уверен» (цит. по: [Раренко 2017: 89]).

Приведенные мнения Г. Т. Хухуни и Т. Бесаева отражают достаточно распространенный взгляд на автоперевод как на создание не вторичного текста, что происходит в ситуации традиционного перевода, а новой версии текста, написанной на другом языке. Подтверждением такого представления об автопереводе служат и слова Умберто Эко из его книги «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе», во введении к которой ученый описывает свой опыт автоперевода: «Я постоянно ощущал конфликт между необходимостью в том, чтобы перевод был "верен" написанному мною, и волнующим открытием того, как мой текст **мог (а подчас и должен был) преобразиться**, облекаясь в слова другого языка» [Эко 2006: 14] (*Выд. наше – Д. К.*).

На эту же специфику автоперевода указывается в соответствующей статье словаря “Dictionary of Translation Studies” (2014), авторы которого Mark Shuttleworth и Moira Cowie подчеркивают, что понятие «верности» (faithfulness) оригиналу в случае автоперевода и традиционного перевода различно [Shuttleworth & Cowie: 13]. Авторы также подчеркивают, что в области изучения автоперевода сделано еще не очень много, и что серьезные исследования этого вида перевода могут привести к более глубокому пониманию природы билингвизма, т. е. соотношения языка, мышления и личности автора.

Итак, все вышесказанное позволяет сказать, что в автопереводе не предполагается «рабское» служение оригиналу, о котором писал В. Набоков в эссе

“The Servile Path” (1959 г.), отстаивая свою концепцию буквального перевода (именно ее он реализовал в самом известном своем переводческом опыте – переводе пушкинского «Евгения Онегина»). Принято считать, что в случае традиционной переводческой ситуации переводчик обязательно должен стремиться к определенной степени эквивалентности текста перевода оригиналу, не допускать существенных изменений содержания и формы исходного текста, пытаться избежать своих «свободных» версий интерпретации. Закономерно, что одним из распространенных требований в практике и истории перевода является требование «невидимости» (*invisibility*) переводчика. Показательно в этом смысле название книги крупнейшего историка и теоретика перевода Лоуренса Венути (Lawrence Venuti) – “The Translator’s Invisibility” (1995). Именно такое понимание перевода и позволяет считать текст перевода текстом вторичным. Но вряд ли можно говорить о вторичности автоперевода как онтологической его характеристике. Автоперевод может быть абсолютно новым авторским текстом, и вторичность заключается только в том, что это текст, порожденный во второй раз. Соответственно, степень вторичности нового текста полностью зависит от намерений автора. Представляется, что оба текста – условный «оригинал» и условный «перевод» – вероятно, можно рассматривать как две версии одного гипотетического текста, имеющегося в сознании автора, или, как писала Е. Beaujour, «воплощения гипотетического текста, в котором версии на обоих языках предположительно должны соединиться и составить единое целое» [Beaujour 1989] (*Перевод наш – Д.К.*).

Подтверждением такого понимания автоперевода является название уже упоминавшегося нами крупномасштабного исследования “The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation” (J.W. Hokenson и M. Munson). Авторы называют свою работу “The Bilingual Text” («Двуязычный текст»), подчеркивая тем самым, что в случае автоперевода мы имеем один текст, но созданный на двух языках, т. е. существующий в двух языковых версиях, двух ипостасях. Это становится возможным благодаря тому, что автор-переводчик находится в особом межъязыковом и межкультурном пространстве.

Именно эту работу многие исследователи называют первой серьезной попыткой осмыслить феномен автоперевода, включить его в проблемное поле

переводоведения, тем самым расширить его. В частности, авторы пишут: “We aim rather to offer a descriptive and analytical study of one neglected strand in translation history and theory, and to situate it conceptually within the ever widening field of translation studies” (*Наша цель, скорее, предложить описательное и аналитическое исследование одного из забытых направлений в истории и теории перевода и концептуально поместить его в постоянно расширяющуюся область переводоведения*) [Hokenson, Munson 2007: 5]. Нельзя не согласиться с американскими авторами в том, что феномен автоперевода требует серьезных междисциплинарных (лингвистических, нейролингвистических, когнитивных) исследований, которые бы позволили впоследствии сформировать более полное представление о механизмах авторского перевода.

Третий аспект, который считаем нужным затронуть в этом разделе нашей работы, касается «идеальности» автоперевода, то есть понимания его как «высшей формы перевода». Представляется, что данные суждения об автопереводе вполне справедливы по ряду причин. Во-первых, как уже отмечалось выше, здесь нет проблемы «недопонимания» и неверной интерпретации, поэтому исключаются содержательные ошибки. Во-вторых, автор-переводчик хорошо представляет себе цель своего перевода и остро ощущает различие языковых систем двух языков и двух культурных кодов. В этом отношении автоперевод можно считать самым надежным, идеальным воссозданием исходного текста.

Однако такой «идеальный» вариант автоперевода возможен только в случае «идеального» двуязычия автора-переводчика.

1.2. Билингвизм: необходимое условие автоперевода

Как уже отмечалось во введении, феномен автоперевода неразрывно связан с феноменом билингвизма. Явление двуязычия имеет долгую историю, оно было известно еще в древние времена. **Билингвизм** (двуязычие – от. лат. *bi-* «два» + *lingua* «язык») подразумевает владение двумя языками, при этом, как известно, степень владения языками может быть различной: от совершенного владения обоими языками одинаково (идеальный билингвизм) до минимального знания

второго, достаточного для успешной коммуникации. В настоящее время билингвизм и его формы активно изучаются в рамках различных научных направлений – нейролингвистики, психоллингвистики, социоллингвистики, социологии, психологии и других отраслей научного знания.

Билингвизм представляет собой сложный неоднородный феномен. В настоящее время существуют различные подходы к его классификации. В данном исследовании нас интересует так называемый **литературный билингвизм**, где основным критерием нужно считать мастерство / уровень использования двух языков и активность использования этих языков.

Само же понятие «билингвизм» впервые было введено В. А. Аврориным, который определил его как «одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин 1972: 51].

Известный американский лингвист, один из основателей социоллингвистики, У. Вайнрайх в своей известной работе «Языковые контакты» описал билингвизм как «практику попеременного пользования двумя языками. Лица, осуществляющие эту практику, называются двуязычными, или билингвами» [Вайнрайх 1979: 22].

Как известно, одной из первых работ в этом направлении в отечественной науке является небольшая статья Л. В. Щербы, посвященная обучению иностранным языкам в школе, «К вопросу о двуязычии», в которой под двуязычием понимается «способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках» [Щерба 1974: 313], при этом он выделяет два типа двуязычия – «**чистое**» и «**смешанное**» [Там же]. Это деление основано на характере усвоения языков. При чистом двуязычии второй язык «усваивается без опоры на родной язык» [Там же], в то время как смешанное двуязычие – это «результат усвоения второго языка на базе родного языка» [Там же].

Л. В. Щерба обращает внимание на то, как по-разному соотносятся между собой два языка при чистом и смешанном двуязычии: в случае чистого двуязычия «оба языка образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющих между собой контакта <...> две автономные области в мышлении» [Там же: 314], в этой ситуации «нет никакой непосредственной связи между знаковыми сторонами данных двух

языков» [Там же]. Если же двуязычие смешанное, то два языка «образуют в уме лишь одну систему ассоциаций» [Там же], при этом, как отмечает Л. В. Щерба, «любой элемент языка имеет тогда свой непосредственный эквивалент в другом языке» [Там же], то есть «два сосуществующих таким образом языка образуют только один язык, который можно назвать смешанным языком с двумя терминами (*langue mixte a deux termes*)» [Там же]. Ученый считает, что «в наиболее выраженных случаях этого рода, когда люди в общем свободно говорят на обоих языках, у них создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами»; «обе системы соотнесены у них до последних мелочей» [Там же: 315].

Необходимо сказать и еще об одном замечании Л. В. Щербы, связанном с особенностями перехода от одного языка к другому. Ученый отмечает: «При чистом двуязычии переход от одного языка к другому бывает очень затруднен, в частности очень труден бывает взаимный перевод: человек знает, как надо сказать на том или другом языке в тех или иных конкретных житейских случаях, но почти что не в состоянии перевести фразу одного языка на другой. При смешанном двуязычии каждое слово одного языка имеет уже готовый эквивалент на другом. Поэтому в случаях чистого двуязычия человек должен целиком перестраиваться, если ему нужно переходить от употребления одного языка к другому» [Щерба 2024: 59]. К вопросу о переводе в случае чистого билингвизма мы обратимся в следующем разделе, когда будем рассматривать литературный билингвизм.

Выделяя два типа двуязычия, Л. В. Щерба делает оговорку, что «само собой разумеется, что на практике встречается целый ряд переходных случаев, а с другой стороны, возможно множество и других условий, которые так или иначе влияют на характер получающегося двуязычия» [Щерба 2024: 60].

Вопрос о том, кого можно считать билингвом, не получил среди исследователей однозначного ответа, так как критерии, по которым человек может быть отнесен к этой категории, до конца не определены. «Основной причиной этого, нам думается, является очень широкий спектр уровней владения неродным языком, встречающийся у билингвов. Ни один из исследователей не осмелился установить границы, согласно которым человек, в той или иной степени владеющий

иностранным языком, может претендовать на звание билингва или, напротив, лишен навыков, которые давали бы ему это право» [Григорьев 2005: 14].

М. Паради считает, что к числу билингвов можно отнести «индивида, понимающего и говорящего на двух языках, то есть человека, освоившего обе языковые системы и пользующегося ими как родным языком (в свою очередь, языковая система определяется в контексте правил, коллективно используемых данной лингвистической общностью людей)» (приводится по: [Григорьев 2004: 14]). Исследователь отмечает: «Мы будем терпеть даже акцент, если индивид в состоянии выражать свои мысли бегло, легко, в полной мере и по любому поводу» [Paradis 1983: 216]. В результате М. Паради приходит к выводу: «настоящим билингвом» считается тот, кто может «сойти за своего» на всех языках [Paradis 1983: 216].

Согласно определению О. С. Ахмановой, билингвизм – это «одинаково совершенное владение двумя языками» [Ахманова 1969: 125]. Сходной позиции придерживается и Ж. Марузо, который считает, что «билингвизм предполагает абсолютно одинаковый уровень владения обоими языками» [Марузо 1960: 54]. Среди сторонников такого понимания билингвизма можно назвать В. М. Жирмунского и В. А. Аврорина. Однако это не единственная точка зрения, ведь, как отмечает М. К. Кабакчи, «людей, владеющих двумя языками абсолютно в равной мере, очень мало» [Кабакчи 2011: 111].

В связи с этим обстоятельством требование к одинаковому уровню владения двумя языками при билингвизме выдвигают не все исследователи. Так, например, В. Ю. Розенцвейг понимает под двуязычием «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [Розенцвейг 1972: 9–10]. Г. А. Бертагаев предлагает считать билингвизмом «активное или пассивное владение вторым языком» [Бертагаев 1972: 83].

Ф. П. Филин рассматривает два основных подхода к явлению двуязычия: «Двуязычие в узком смысле этого слова означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться им в определенных сферах общения» [Филин 1972: 24]. В рамках

нашей диссертации важно понимание двуязычия «в узком смысле», поскольку речь идет о способности создавать тексты на двух языках, что подразумевает свободное владение каждым из языков.

Рассматривается билингвизм и с точки зрения психологии и психолингвистики. Так, Л. Блумфилд понимает его как контроль над двумя языками, аналогичный тому, который наблюдается у одноязычных носителей каждого из языков (“the native-like control of two languages”) [Bloomfield 1958: 56]. Итальянский психолингвист Р. Титоне называет билингвизмом способность индивидуума выражать себя на «втором» языке при помощи свойственных именно этому языку понятий и структур, а при переключении с родного языка на второй не прибегает к переводу со своего первого языка [Titone 1972].

Развернутое определение билингвизма дается в Большой советской энциклопедии: билингвизм представляет собой «двуязычие, владение и попеременное пользование одним и тем же лицом или коллективом двумя различными языками или различными диалектами одного и того же языка (например, местным диалектом и литературным языком) <...> Степень владения каждым языком при билингвизме, распределение между ними сфер общения и отношение к ним говорящих зависят от многочисленных факторов социальной, экономической, политической и культурной жизни говорящего коллектива» [БСЭ 1968].

Совершенно очевидно, что, рассматривая билингвизм, необходимо говорить о разных его типах и разных уровнях владения вторым языком. Так, Л. П. Крысин выделяет три уровня: «1) собственно лингвистический: умение строить тексты на данном языке и преобразовывать их друг в друга; 2) ситуативный: умение применять языковые знания сообразно с ситуацией; 3) лингвострановедческий: владение национально обусловленной спецификой использования языковых знаков, в частности владение системой коннотаций, сопровождающих употребление языковых единиц» (приводится по: [Раренко 2017]). Несомненно, что для автоперевода необходим первый уровень владения вторым языком.

В связи с тем, что языковой и социальный опыт билингва в известной степени уникален и, соответственно, двуязычие каждого индивида отличается от двуязычия

другого, существует целый ряд классификаций типов билингвизма, о чем уже говорилось выше. В фокусе нашего внимания находится именно индивидуальный билингвизм, причем билингвизм конкретной личности – двуязычного писателя В. Набокова. Литературному билингвизму В. Набокова была посвящена диссертация И. Н. Григорьева «Литературный билингвизм В. Набокова: синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя» [Григорьев 2005]. Автор исследования подчеркивает необходимость комплексного изучения индивидуального билингвизма и многоплановость этого явления, высшей формой которого является **литературный билингвизм**. Эту разновидность билингвизма называют также **художественным билингвизмом** (см.: [Раренко 2017]).

Интересной представляется точка зрения С. Г. Васильевой, рассматривающей билингвизм через призму «типологии носителей языков, или типологии языкового дуализма личности» [Васильева 2000]. Исследователь подчеркивает, что при определении индивидуального билингвизма необходимо учитывать как «степень закреплённости вторичной языковой системы в сознании билингва», так и ее «соотнесенность с первичной языковой системой» [Там же]. С. Г. Васильева также отмечает важность субъективного отношения билингва к языкам, которыми он владеет, что, бесспорно, влияет на выбор языка в соответствии с коммуникативной ситуацией. Таким образом, заключает автор, можно говорить о своего рода «функциональной специализации» языков в индивидуальной речевой практике билингва.

С. Г. Васильева предлагает различать два типа билингвов как носителей двух языков в соответствии с тем, как индивид использует второй (неродной) язык. Первый тип имеет потенциал спонтанного речепользования двумя и более языковыми системами. Второй тип билингва имеет потенциал только не спонтанного (осознаваемого, подготавливаемого, контролируемого) использования второго языка. Характеризуя соотношение двух языковых систем в сознании билингва, Васильева использует традиционные номинации видов билингвизма: координативный и субординативный. Однако в рамках данной концепции эти номинации означают не независимость или соподчиненность двух

языков в сознании билингва, а соотношение уровней владения языковыми системами. Другими словами, исследователь выделяет, как уже отмечалось выше, два типа билингвов. Это носитель языков координативного профиля и носитель языков субординативного профиля. У первого типа билингва уровень владения вторым языком максимально приближен к уровню владения первым (родным) языком. Его С. Г. Васильева называет носителем языков одноуровневого профиля. В случае носителя языков субординативного профиля уровень владения вторым языком ниже уровня владения первым. Такого билингва автор называет носителем языков разноуровневого профиля.

Как уже отмечалось выше, С. Г. Васильева предлагает учитывать и такой фактор, как отношение самого билингва к использованию того или иного языка. В связи с этим исследователь предлагает различать два подтипа носителей языка координативного профиля: 1) билингв координативного профиля с личностной ориентацией на функциональную доминантность одного из языков; 2) билингв координативного профиля без личностной ориентации на функциональную доминантность одного из языков.

Представляется, что такая характеристика типов носителей двух языковых систем может быть использована для определения специфики билингвизма В. Набокова. Именно это мы и находим в исследовании И. Н. Григорьева, который, подчеркивая уникальность билингвизма писателя, делает попытку использовать формальные признаки для его описания.

Опираясь на классификацию видов двуязычия Л. В. Щербы, И. Н. Григорьев считает, что «по характеру внутрисубъектной связи между языковыми системами в сознании билингва двуязычие В. Набокова тяготеет к смешанному типу» [Григорьев 2005: 28], что предполагает свободную замену одного языка другим. Именно такой тип билингвизма и позволил Владимиру Набокову заниматься переводом и автопереводом, что требует постоянного межъязыкового кодирования.

Если обратиться к параметру «характер усвоения языков», то тут И. Н. Григорьев предполагает, что билингвизм В. Набокова «тяготеет к чистому

типу, для которого характерно усвоение одного языка без опоры на другой. Последнее подразумевает общение с носителями языка, а не учителями-билингвами» [Григорьев 2005: 27]. Именно так проходило обучение английскому и французскому языку в семье Набоковых, которая приглашала к детям гувернанток-иностранок. В связи с этим сформированный билингвизм можно назвать естественным. Несомненно, билингвизм В. Набокова является еще и продуктивным, что нашло отражение в двуязычном литературном творчестве [Григорьев 2005: 26–28].

Детальный (классифицирующий) анализ специфики двуязычия В. Набокова не входит в задачи нашего исследования. Для нас наиболее важно то, что он был писателем-билингвом и переводчиком, то есть носителем литературного и переводческого билингвизма. Ниже рассмотрим специфику этих типов билингвизма.

1.3. Литературный и переводческий билингвизм В. Набокова

Литературный билингвизм

Литературный билингвизм (или художественный билингвизм), несомненно, может быть назван одной из высших форм индивидуального двуязычия, поскольку он предполагает способность создавать литературные тексты на двух языках, а это, в свою очередь, требует от писателя-билингва не только совершенного владения двумя языками, но и глубокого знания обеих культур и соответствующих литературных традиций. При этом нужно отметить, что феномен литературного билингвизма не часто становился объектом исследования, он, как правило, при исследовании билингвизма, по словам А. Мартине, остается «на втором плане».

В отечественной лингвистике литературный билингвизм как явление рассматривается в работе И. И. Валуйцевой и Г. Т. Хухуни «Литературный билингвизм: за и против» [Валуйцева, Хухуни 2015], а также в работе Г. Т. Хухуни «Литературный билингвизм: прошлое и настоящее» [Хухуни 2018]. В первой из названных работ авторы предлагают разделить два понятия, относящиеся к писателям-билингвам, – «билингвизм автора» и «авторский билингвизм».

Различие заключается в том, как именно автор пользуется языками. Суть «билингвизма автора» заключается в том, что писатель владеет двумя языками, но не создает художественные тексты на втором (неродном) языке. «Авторским билингвизмом» исследователи называют способность создавать художественные произведения на втором языке [Валуйцева, Хухуни 2015: 298]. Именно авторский билингвизм означает феномен литературного творчества на двух языках. Таким билингвизмом и обладал В. Набоков. Однако известны примеры творчества именно на втором, а не на родном языке. Самый яркий пример – это творчество Джозефа Конрада (настоящее имя которого Юзеф Теодор Конрад Корженевский). Как известно, английский язык, на котором Конрад писал, не был для него родным, выучил он его не в детстве и, по свидетельству знавших его, устный английский у этого писателя не был совершенным, говорил он с большим акцентом. Еще один известный писатель-билингв, лауреат Нобелевской премии (1969) – Самюэль Беккет, автор одной из самых загадочных пьес «В ожидании Годо». Эта пьеса была написана автором на французском языке, затем им же переведена на английский язык (фр. *En attendant Godot*, англ. *Waiting for Godot*).

Совершенно очевидно, что авторский билингвизм часто возникает из-за объективных обстоятельств, сопровождающих жизнь писателей. Таким объективным фактором явилась эмиграция русских писателей после событий 1917 г. Русским писателям-билингвам посвящено известное исследование Е. Beaujour “AlienTongues. Bilingual Russian Writers of the "First" Emigration” (1989). В нем анализируется писательский билингвизм Эльзы Триоле, Владимира Набокова, Зинаиды Шаховской, Василия Яновского и других (менее известных) писателей первой волны русской эмиграции. Автор называет литературный билингвизм “cultivated bilingualism”, что можно перевести как «выращенный билингвизм», «утонченный билингвизм». Как известно, не многие писатели-билингвы, писавшие на двух языках, занимались при этом и автопереводом. Это связано, на наш взгляд, со спецификой автоперевода, с необходимостью обладать не только писательскими, но и переводческими навыками, т. е. быть не просто билингвом, но и билингвом-переводчиком.

Говоря о литературном билингвизме, необходимо также отметить, что данный тип билингвизма мало изучен. Так, даже автор классической работы “Languages in Contact” («Общение языков», *перевод наш*) Уриэль Вайнрайх не обращался к изучению двуязычных писателей, поскольку, как отмечал Андре Мартине во введении к этой книге, «столкновение в одном человеке двух языков сравнительной социальной и культурной значимости, <...> в психологическом плане может представлять собой очень примечательное явление, но <...> возможность долговременности следов, которые может оставить такое столкновение на языке, ничтожно мало» [Martinet 1953].

Владимира Набокова можно назвать тем самым «примечательным явлением», оставившим очень заметный и «долговременный» след в русскоязычной и англоязычной литературе. Сложившийся как русскоязычный писатель, создавший ряд произведений на русском языке, после переезда в США в 1940 г. Владимир Набоков начинает писать на английском. Первым англоязычным романом становится “The Real Life of Sebastian Knight”, начатый еще в Париже, а изданный в Америке в 1941 г.

Таким образом, литературное творчество писателя делится на два периода: русскоязычный и англоязычный. Переключение на другой язык, бесспорно, было болезненным для автора. Он отмечал: “My complete switch from Russian prose to English prose was exceedingly painful – like learning anew to handle things after losing seven or eight fingers in an explosion” [Nabokov 1973: 54] (*Мой полный переход с русской прозы на английскую был чрезвычайно болезненным – как будто я заново учился обращаться с предметами после того, как пережил взрыв и потерял семь или восемь пальцев*).

В современном набоковедении, насчитывающем сотни исследований разного уровня, хорошо описан процесс «рождения» англоязычного писателя Владимира Набокова. Приведем слова А. Долинина, одного из ведущих отечественных набоковедов: «Оставив “русскую музу”, которая в новой ситуации не сулила ему ни читателей, ни средств к существованию, Набоков увлекся **невероятно сложной задачей перевоплощения в американского литератора** и начал, шаг за шагом, приближаться к намеченной цели. Пришелец ниоткуда без

узнаваемого имени и культурно значимой биографии, он должен был начать с нуля и строить свой образ заново, как если бы писателя Сирина (в Америке никому не известного) никогда не существовало. Для того, чтобы заполнить биографический вакуум и представить себя англо-американской аудитории, в конце 1940-х Набоков написал свою автобиографию, само название которой – “Conclusive Evidence” (буквально “Окончательное / убедительное доказательство” или “Свидетельские показания, решающие дело”) – выдавало его интенцию: он стремился предложить американской культуре такое свидетельство о своем прошлом, которое было бы принято ею за истину и положено в основу того, что можно назвать набоковским мифом» [Долинин 2004: 30].

Возвращаясь к понятию «литературный билингвизм» («авторский билингвизм», «художественный билингвизм»), подчеркнем еще раз, что это способность писателя создавать литературные произведения на двух языках. Такой способностью в полной мере обладал Владимир Набоков, который и вошел в историю литературы как русско-американский писатель, что является по-своему уникальным прецедентом. Е. К. Beaujour в уже нами упоминавшейся книге, посвященной русским писателям-билингвам, пишет, что Эльза Триоле, писавшая на русском и французском языках, жаловалась, что была обречена как писатель быть признанной только наполовину (*condemned to a mi-destin, a half-destiny*). Автор книги соглашается с Триоле и добавляет от себя, что обычно мы знаем книги писателя-билингва только на одном языке: We usually know only the books in one of a writer's two languages. At best, we may have read some of the others in translation, but we still miss the relations between the languages, and our monocular vision reduces these writers' potential double destiny to a kind of artistic "half-life" (Обычно мы знаем книги только на одном из двух языков писателя. В лучшем случае мы, возможно, читали некоторые из них в переводе, но не видим взаимосвязи между языками автора, и наше монокулярное зрение сужает потенциальную двойную жизнь этих писателей к своего рода художественной «полужизни») [Beaujour 1989: 1].

Однако В. Набоков является исключением из этого правила, и мир знает его произведения, написанные на обоих языках, то есть в его случае мы не можем

говорить о “half-destiny”. Важную роль в этом билингвальном творчестве сыграла и его переводческая деятельность. В. Набоков, как известно, является признанным авторитетом в области теории и практики перевода, и интерес к его переводческому наследию как богатейшему переводческому опыту огромен. В работе «Автоперевод и авторизованный перевод в переводческом наследии В. Набокова» [Курушин 2024a] мы анализируем и сопоставляем набоковские автопереводы и авторизованные переводы, выполненные совместно с переводчиками, которым он доверял (это М. Гленни, М. Скаммелл, Д. Набоков). Как известно, практически ко всем переводам своих произведений В. Набоков писал предисловия, в которых комментировал переводные тексты. Данные предисловия являются ценным материалом для понимания переводческой концепции писателя, его переводческого кредо. Анализ нескольких наиболее развернутых предисловий к авторизованным переводам представлен в нашей статье «Авторизованный перевод как "соавторство": В. Набоков и его переводчики» [Курушин 2024b].

Наследие Набокова-переводчика обширно. Оно включает в себя не только автопереводы, но и переводы произведений других авторов, причем как на русский язык, так и с русского языка. В числе переводов на русский язык стоит упомянуть следующие: «Кола Брюньон» Р. Роллана («Николка Персик», 1922), «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла («Аня в Стране чудес», 1923), поэтические тексты П. Верлена, А. Теннисона, У. Б. Йейтса, Дж. Байрона, Ш. Бодлера и др. Самые известные переводы с русского языка – это «Слово о полку Игореве» (1960), «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» (1958, перевод выполнен совместно с сыном, Д. Набоковым), стихи русских поэтов (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и других).

В. Набоковым были написаны и теоретические работы по переводу, это прежде всего известная статья «Искусство перевода» (1941) и уже упоминавшееся эссе “The Servile Path” (1959). К переводоведческим трудам мы считаем возможным отнести и уже упоминавшиеся выше предисловия к переводам, которые можно рассматривать как своего рода переводческую рефлексия, позволяющую заглянуть в «мастерскую переводчика».

Известно, что переводческая деятельность В. Набокова (как теоретика перевода, так и переводчика-практика), оценивается неоднозначно. Особенно часто предметом обсуждения и критики становится набоковский буквализм. Так, В. И. Фролов [Фролов 2023], основываясь на многочисленных негативных высказываниях в адрес набоковского перевода «Евгения Онегина», пытается понять и объяснить истоки буквализма Владимира Набокова и сопоставить его с филологическим переводом, цель которого – создание текста, который должен восприниматься «не как естественный продукт коммуникативной деятельности, а как перевод текста, созданного в другом времени и культурном контексте». Соответственно такому пониманию филологического перевода [Художественный перевод... 2014: 294–295], одним из отличительных признаков филологического перевода является наличие достаточно большого количества сносок, содержащих объяснения для иноязычного читателя. Это вполне совпадает со словами переводчика В. Набокова, писавшего: “I want translations with copious footnotes” [Nabokov 1992: 143]. Анализ набоковского авторского перевода усадебных реалий, представленный в заключительной главе диссертации, позволяет считать, что писатель-переводчик часто реализовывал данное переводческое кредо, сопровождая собственный перевод различного рода метатекстовыми вставками.

Теоретической концепции В. Набокова и анализу его переводов посвящено достаточно большое количество как российских, так зарубежных исследований. При всей разноречивости мнений относительно переводов В. Набокова исследователи признают, что его переводческое наследие, являясь результатом как литературного, так переводческого билингвизма писателя, заслуживает серьезного изучения. Ниже рассмотрим специфику переводческого билингвизма.

Переводческий билингвизм

Феномен автоперевода связан еще с одним видом билингвизма, а именно с так называемым переводческим билингвизмом, который в настоящее время достаточно серьезно изучается. Переводческий билингвизм определяется как «относительно равное специфическое владение двумя языками на основе их

взаимосвязанности, являющееся основой осуществления профессиональной деятельности» [Емельянова 2013: 38]. Исследователи подчеркивают, что особенностью переводческого билингвизма является наличие сформированного механизма языкового переключения [Зимняя 1981: 52]. Согласно М. Я. Цвиллингу, характерной чертой переводческого билингвизма является «систематичность языковых знаний и сознательность, управляемость речевых действий» [Цвиллинг 1994: 132]. В. Н. Комиссаров такой билингвизм называл «упорядоченным билингвизмом» [Комиссаров 2002: 30].

Этой разновидности билингвизма посвящена монография И. Г. Овчинниковой и А. В. Павловой «Переводческий билингвизм. По материалам ошибок письменного перевода», выдержавшая уже три издания (последнее датируется 2021 г.) [Овчинникова, Павлова 2021]. Авторы подчеркивают, что необходимой составляющей переводческого билингвизма является развитая языковая рефлексия, позволяющая анализировать и объективно оценивать результат своего переводческого действия, в частности уметь выявлять свои ошибки и понимать причины их возникновения. Таким образом, можно считать, что данный вид билингвизма – это особый вид билингвизма, «где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организованно» [Нестерова, Овчинникова 2012: 328].

Е. М. Верещагину принадлежит известное определение билингвизма: «психологический механизм (знания, умения, навык), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [Верещагин 1969: 134]. Считается, что именно данное определение наиболее хорошо описывает профессиональный билингвизм, поскольку переводчик воспроизводит и порождает мысли на двух языках.

Стоит отметить, что для билингвизма данного типа наиболее значительным является функциональный статус используемых языков и их типологическая близость [Оболенская 2006: 142]. Как считает Н. К. Гарбовский, «языковая коммуникация с переводом существенно отличается от обычной ситуации билингвизма, когда двуязычный субъект попеременно <...> пользуется либо одним,

либо другим языком. Перевод предполагает одновременную актуализацию обоих языков» [Гарбовский 2007: 318]. Необходимо отметить еще одну особенность профессионального переводческого билингвизма, а именно «бикультурализм», поскольку межъязыковой контакт является и межкультурным, и это, по мнению У. Вайнрайха, «обуславливает не только двуязычие, но и бикультурализм, проникновение особенностей одной культуры в другую» [Вайнрайх 1979: 157]. Феномен автоперевода литературных текстов, несомненно, связан как с литературным, так и с переводческим билингвизмом, поскольку предполагает, с одной стороны, способность писателя создавать тексты на двух языках, а с другой – способность переводить свой текст, созданный на одном языке, на другой язык. Другими словами, автоперевод – это специфический вид перевода.

Изучая феномен автоперевода и литературного билингвизма, нельзя обойти вниманием литературные труды В. Набокова. Владимир Набоков вошел в историю англоязычной и русскоязычной литературы как писатель-билингв, точнее даже «трилингв». Сам он говорил о себе: «Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски» [Набоков 1990: 118]. Но, как известно, писал он в основном на двух языках – русском и английском. До переезда в Америку В. Набоков пишет на русском языке под псевдонимом В. Сирин. Приехав из Европы в Америку, он начинает писать на английском языке, его первым англоязычным романом становится «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941). И все последующие художественные тексты создаются уже на английском языке. Два из них он сам переводит на русский язык, это «Лолита» и первая версия автобиографии писателя “Conclusive Evidence”, которая в русском варианте получает название «Другие берега».

В случае с автобиографией мы имеем прецедент двойного автоперевода, так как позднее появляется еще один англоязычный текст автобиографии, который получает название “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”. Так В. Набоков становится русско-американским писателем.

В. Набоков также известен как переводчик и теоретик-переводовед, предложивший собственную концепцию перевода. Сегодня можно найти много

работ, посвященных эволюции переводческой концепции писателя (см., например, обзорную статью М. Б. Раренко «Переводы и автопереводы В. В. Набокова» [Раренко 2017], работы Б. В. Аверина «Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции» [Аверин 2016], Брайана Бойда «Владимир Набоков. Американские годы. Биография» [Бойд 2010], Г. В. Денисовой «Интертекстуальные переводные эквиваленции как культурологический вопрос билингвального сознания (на материале автопереводов В. В. Набокова)» [Денисова 2018], Д. Ю. Жука «Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения (роман В. Набокова “Дар”/“The gift”)» [Жук 2002] и др.). Как уже упоминалось выше, переводческую деятельность В. Набоков начал с повести Р. Роллана «Кола Брюньон» (1922) и «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла (1923), которые в переводе получили названия «Николка Персик» и «Аня в Стране чудес». Если оценивать используемые В. Набоковым-переводчиком приемы с позиции современной науки, то можно сказать, что ведущей стратегией в данном случае стала стратегия доместикации. Однако впоследствии В. Набоков становится сторонником форенизации, т. е. буквального перевода, он требует от переводчиков соблюдения «принципа семантической эквивалентности за счет максимально точного воспроизведения ассоциативных и синтаксических особенностей подлинника» [Зверев 2004: 96].

В 1941 г. В. Набоков публикует статью «Искусство перевода», посвященную требованиям, которым должны отвечать переводчики. Вот одно из них: «Переводчик должен прекрасно знать оба народа. Оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождения слов и словообразование, исторические аллюзии» [Набоков 2016: 396].

Данное требование дает основание считать, что только автор-переводчик может в полной мере ему соответствовать. Неудивительно, что В. Набоков объяснял свое желание самому перевести «Лолиту» на русский язык тем, что он боялся «неправильного» перевода своей лучшей книги: «издавая *Лолиту* по-русски, я преследовал очень простую цель: хочу, чтобы моя лучшая английская книга – или, скажем скромнее, одна из лучших моих английских – была правильно переведена на мой родной язык» [Набоков 1991: 351].

Начав писать на английском языке, В. Набоков решает заявить о себе в новой для себя американской культуре: он пишет автобиографию и дает ей название “Conclusive Evidence”, отсылающее к юридическому термину («Убедительное доказательство»). Идею написать автобиографию писатель вынашивал долго. Так, еще в мае 1946 г. он писал сестре Елене Владимировне Сикорской (Набоковой): «Когда покончу с романом, засяду за детальную автобиографию, мне давно хотелось это написать» [Набоков 1985: 39]. А в письме Кеннету Д. Маккормику (редактору издательства *Doubleday*) он обещает: “This will be **a new kind of autobiography**, or rather a new hybrid between that and a novel” (Это будет новый вид автобиографии или, скорее, новый гибрид автобиографии и романа) [Nabokov 1989: 69]. И этот сплав автобиографии и романа действительно был признан «новым типом автобиографии». По словам Б. Аверина, «Набоков создал, на наш взгляд, новый тип автобиографической прозы, не укладывающийся в те рамки, которые до него были отведены этому жанру» [Аверин 2016: 14].

Создание воспоминаний “Conclusive Evidence” стало для В. Набокова, по его свидетельству, «мучительным трудом», книга писалась на протяжении нескольких лет (1946–1950) Главная проблема заключалась в несовпадении языковых средств в английском и русском языках: память писателя «настроена на один лад – музыкально недоговоренный русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный» [Набоков 1990: 134]. Первый вариант текста мемуаров, получившихся в результате упорного труда, не устроил автора. Он продолжил поиски верной интонации, написав русскоязычную версию воспоминаний, опубликованных под названием «Другие берега». Для этого Набокову пришлось взяться «за безумное дело перевода “Conclusive Evidence” на свой родной язык» [Набоков 1990: 119]. Автор-переводчик подчеркивает, что “Conclusive Evidence” нельзя считать переводом в традиционном понимании, так как «точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо» [Набоков 1990: 134].

Однако двенадцать лет спустя, в 1966 г., в печати появилась еще одна версия автобиографии, и снова на английском языке. Это последнее воплощение автобиографического текста называется “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”.

После этого автоперевода мировая литература, в частности мемуаристика, обогатилась тремя текстами автобиографии В. Набокова на двух языках. Владимир Набоков рассказывает о своей жизни трижды: по-английски, по-русски и снова по-английски. Удивительный «литературный психологический феномен» [Шаховская 1991], как скажет об этом переводе Зинаида Шаховская. Сопоставительный анализ этих «словесных превращений» (именно так называл перевод Владимир Набоков) представляется невероятно увлекательным занятием, о чем свидетельствует все растущее количество исследований как в России, так и в мире. Как верно отметил Борис Аверин, набоковский «дар Мнемозины» оставил неисчерпаемое богатство как для сегодняшних, так и для будущих исследователей – литературоведов, лингвистов, переводоведов.

Исследуя двойной автоперевод его биографической прозы, можно увидеть, с какой любовью и бережностью подходил В. Набоков к изображению счастливого начального периода своей жизни, который был неразрывно связан с пространством России: петербургским домом на Большой Морской и семейными усадьбами Выра, Рождествено и Батово.

Выбранная нами в качестве материала исследования двуязычная автобиография писателя представляет собой двойной автоперевод с английского на русский и с русского на английский. Она, на наш взгляд, может рассматриваться как своего рода образец автоперевода, который соответствует всем характеристикам автоперевода, приведенным выше. Это, несомненно, высшая форма автоперевода, процесс, который сам писатель называл «многоразовой метаморфозой» (“multiple metamorphosis”).

Выводы по главе 1

В данной главе рассматривалась специфика автоперевода как особого вида перевода. Исходя из того, что условием автоперевода является билингвизм автора, нами были охарактеризованы такие понятия, как билингвизм, литературный

билингвизм, переводческий билингвизм. В результате анализа теоретического материала были сделаны следующие выводы:

1. Традиционный перевод и автоперевод должны рассматриваться как разные виды перевода, поскольку они представляют собой две различные ситуации межъязыкового преобразования исходного текста. В первом случае автор и переводчик – разные личности, во втором же автор и переводчик – одна личность, что снимает проблему понимания переводимого текста, исключает возможность фактических ошибок. Это позволяет считать автоперевод «идеальным» воссозданием исходного текста.

2. Автоперевод имеет свою специфику, которая до настоящего времени недостаточно изучена. Это связано с тем, что авторский перевод только сравнительно недавно попал в исследовательское поле переводоведов и считается, по словам С. Басснетт, во многом проблемным (“problematic in several respects” [Bassnett 2013: 14]). Долгое время автоперевод не являлся общепризнанным объектом изучения в переводоведении. Однако сейчас ситуация меняется: появляются как новые исследования феномена автоперевода в целом, так и работы, посвященные творчеству отдельных писателей-переводчиков, при этом чаще всего объектом анализа становятся автопереводы И. Бродского и В. Набокова.

3. Феномен автоперевода связан с понятиями литературного и переводческого типов билингвизма, т. е. автор-переводчик должен обладать талантом создавать художественные тексты на двух языках, другими словами, быть писателем-билингвом. Однако хорошо известно, что не все писатели-билингвы сами переводили свои тексты, поскольку авторский перевод предполагает наличие у автора переводческого профессионализма, определенных переводческих навыков.

4. Осмысление феномена автоперевода требует ответа на следующие вопросы: 1) в чем отличие автоперевода и обычного перевода? 2) является ли автоперевод переводом (т. е. вторичным текстом) или новым текстом? 3) является ли автоперевод идеальным и самым надежным переводом, высшей его формой? Эти вопросы пока не получили в переводоведении однозначного ответа, для которого необходимы серьезные исследования в рамках разных направлений,

включая психолингвистические и нейролингвистические. Существующие модели традиционного перевода не отражают сущности авторского перевода. Для создания модели автоперевода требуется глубокое изучение данного процесса, а также результата этого процесса (текста перевода) и самой личности автора-переводчика, его языкового сознания.

5. Среди примеров литературного двуязычия и автоперевода, известных в мировой литературе, феномен В. Набокова можно считать одним из самых ярких. Владимир Набоков, писатель-билингв, стал классиком русской и американской литературы, переводчиком не только чужих, но и своих текстов, теоретиком и критиком перевода. Изучение двуязычного творчества писателя и его опыта автоперевода представляет огромный интерес с точки зрения осмысления феномена литературного билингвизма и автоперевода, а также дает возможность увидеть авторские приемы решения переводческих проблем, одной из которых является межъязыковая передача реалий. Все вышеперечисленное обусловило наше обращение к его творчеству. Материалом исследования стала его двуязычная автобиографическая проза, названная в работе М. Э. Маликовой «образцом перевода в обе стороны» [Маликова 2002: 3].

В качестве предмета исследования, как указано во введении, были выбраны реалии усадебного пространства, содержащиеся в автобиографических текстах писателя. Обращение к реалиям продиктовано тем, что их межъязыковая передача относится к ключевым проблемам практики перевода, требующим от переводчика в силу отсутствия межъязыковых закономерных соответствий особого внимания и специального решения. Понятие «реалия», подходы к его определению, возможные классификации реалий рассмотрены в следующей главе нашей работы.

ГЛАВА 2. РЕАЛИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

2.1. Реалии: определение и классификации

Как известно, в современной науке о переводе одним из ключевых понятий является реалия. Этот термин произошел от латинского прилагательного (*realis*, -е, мн. *Realia*), которое означает «вещественный», «действительный». Интерес к языковым единицам, получившим название «реалия», в отечественной лингвистике и в переводоведении возник в середине XX в. В отечественную теорию перевода термин ввел А. В. Федоров, один из первых российских теоретиков перевода, автор первого учебника по переводоведению «Введение в теорию перевода» (1953). «Термин служит для обозначения **национально-специфического** объекта или явления. Им же обозначают слова / словосочетания, служащие для обозначения такого объекта.

На данный момент существует целый ряд определений термина «реалия». Приведем основные из них, обратившись сначала к словарным дефинициям. Так, в переводческом словаре Л. Л. Нелюбина дается такое определение реалий: «1. Это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке. 3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [Нелюбин 2009: 178].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой реалия определяется как «всякий предмет материальной культуры» [Ахманова, 1969: 381], в частности к реалиям относятся «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке» [Ахманова, 1969: 381; Курушин 2024с: 58].

В. М. Россельс, известный отечественный переводчик и литературовед, еще в 1955 г., говоря о национальном своеобразии переводимого текста, называл именно реалию маркером данного своеобразия, при этом реалией он считал «особый предмет, понятие или явление, являющееся знаковым или отличительным для истории, культуры, быта, жизни того или иного народа, которое не встречается в языках других народов» [Россельс 1955: 169]. Автор относит к числу реалий «иностранные слова, обозначающие понятия, предметы или явления, названия которых не используются тем народом, на язык которого произведение переводится» [Там же].

К проблеме передачи реалий при переводе обращались многие переводоведы отечественной школы: Л. Н. Соболев, А. В. Федоров, Л. С. Бархударов, А. Д. Швейцер, Г. В. Чернов, А. Е. Супрун и др. Находим определения реалий и у других исследователей-переводоведов. И. С. Алексеева под реалиями понимает «отражение особенностей поведения, обычаев, привычек народа, говорящего на данном языке, которые в тексте не сводятся к употреблению отдельного слова, а воздействуют на специфику его предметного содержания в целом» [Алексеева 2006: 172].

Г. Д. Томахин относит к реалиям «названия предметов материальной культуры, исторических фактов, государственных институтов, имена фольклорных героев, мифологических существ, которые присущи той или иной нации» [Томахин 1988: 5].

Итак, мы видим, что начиная со второй половины прошлого столетия в практике перевода и в только начинающей формироваться теории перевода возникает интерес к языковым единицам, не имеющим закономерных словарных соответствий в той или иной паре языков. В 1950 г. появляется статья Я. И. Рецкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык», из которой, по замечанию В. Н. Комиссарова, выросло все отечественное переводоведение. Позднее А. Н. Крюков, автор герменевтического исследования перевода «Методологические основы интерпретативной концепции перевода» (1988), будет выделять особую переводческую ситуацию «в условиях отсутствия

переводных соответствий», когда законом перевода становится закон понимания. Можно сказать, что реалии – это и есть те самые единицы языка, которые создают названные условия.

Некоторые исследователи относят реалии к безэквивалентной лексике, другие – к экзотической, называют реалии культурно-маркированной лексикой или лингвоспецифической лексикой. В связи с формированием нового направления в лингвистике – лингвокультурологии, появились такие термины, как культурема / лингвокультурема (В. В. Воробьев), культуроним (В. В. Кабакчи). Очевидно, что все они в определенной степени могут быть соотнесены с реалиями. Так, термин «культурема» (фр. *cultureme*) изначально не являлся лингвистическим, он был введен французским социологом А. Модем (Abraham Moles, 1973) и обозначал «атом культуры». Таким образом, мы видим по дате появления этого термина, что он появился значительно позднее, чем термин «реалия». Для понимания соотношения этих двух терминов обратимся к концепции В. Г. Гака. Рассматривая проблему асимметрии в культуре, ученый обращается к названным терминам. Прочитируем его слова: «Культура может рассматриваться как совокупность определенных знаков (культурем). Всякий знак представляет собой связь двух сторон – формальной (М) и содержательной (S), и он соотносится с определенным элементом действительности для обозначения некоторой реалии – предмета или ситуации (R). В таких культурах языковой знак (М + S) является обозначающим, а реалия (R) – обозначаемым. Под реалиями в данном случае понимается все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.)» [Гак 1998: 142].

Таким образом, можно сказать, что термины «реалия» и «культурема» близки по своему значению, оба соотносимы с созданием так называемого национально-культурного колорита текста. В настоящее время оба термина используются, но их можно считать терминами разных лингвистических дисциплин: реалия – термин, используемый в лингвистике и переводоведении, культурема (а также лингвокультурема) – в лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации. В настоящее время содержание понятия «реалия»

является достаточно широким, что и отражено в дефинициях, приведенных в Таблице 1. Так, по мнению С. Влахова и С. Флорина, реалии нужно считать самостоятельным кругом лексем в пределах безэквивалентной лексики [Влахов, Флорин 2012]. Подводя итог сопоставлению терминов «реалия» и «культурема», подчеркнем, что в нашем исследовании мы оперируем именно термином «реалия» и вслед за болгарскими исследователями считаем реалии особой категорией слов и словосочетаний в пределах безэквивалентной лексики.

Возвращаясь к определению термина «реалия», нужно назвать самый известный и наиболее цитируемый в исследованиях реалий труд «Непереводимое в переводе», который принадлежит С. Влахову и С. Флорину. В нем реалии определены как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи **носителями национального и / или исторического колорита**, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, **не поддаются переводу “на общем основании”, требуя особого подхода**» [Влахов, Флорин 2012: 47] (*Выд. наше – Д. К.*).

В последние десятилетия, уже в XXI столетии, появилось несколько серьезных исследований, посвященных реалиям, их определению и классификациям. Все они в разной степени базируются на работе болгарских ученых. Рассмотрим наиболее значимые исследования. Среди них две диссертации М. Л. Алексеевой (на соискание ученой степени кандидата и доктора наук), а также и другие ее работы. В своей первой диссертации она подчеркивает неопределенность, своего рода противоречивость и размытость термина «реалия». Анализируя имеющиеся подходы к определению реалий, М. Л. Алексеева выделяет следующие их признаки: 1) национально-культурная маркированность; 2) уникальность, специфичность для одной страны, ее культуры; 3) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным существительным [Алексеева 2007: 49].

На наш взгляд, именно М. Л. Алексеева дает наиболее полное описание реалий, выделяя основные свойства этого пласта лексики. Так, она отмечает, что, во-первых, реалиями можно считать «лексические единицы, называющие

уникальные предметы и явления, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому» [Алексеева 2007: 345]. Во-вторых, по мнению М. Л. Алексеевой, понятия реалии и безэквивалентной лексики имеют область пересечения. У реалий обычно нет однозначных закономерных соответствий в языке перевода. Отмечает исследователь и определенную «гибкость» реалий, т. е. одна и та же реалия способна входить в разные лексические группы, она может быть, например, и термином, и ксенизмом [Алексеева 2007: 345].

Другим известным исследователем реалий в отечественной лингвистике является Н. А. Фененко, автор монографии «Язык реалий и реалии языка» [Фененко 2001]. В монографии рассматривается проблема перевода реалий с русского языка на французский и наоборот.

Н. А. Фененко указывает на своего рода терминологическую недостаточность термина «реалия», поскольку им обозначается «и явление внеязыковой действительности (предмет), и его культурный эквивалент (концепт), и средство номинации этого концепта в языке (лексема или фразеосочетание)» [Фененко 2001: 1]. Она предлагает различать несколько типов реалий: R-реалии, C-реалии и L-реалии. Под R-реалиями исследователь понимает предметы реальной действительности; к C-реалиям относит «идеальные эквиваленты среды обитания социума (ментефакты)» [Фененко 2007: 8]; L-реалиями считает реалии-слова. При этом, как отмечает Н. А. Фененко, термин «реалия» должен оставаться родовым понятием. Автор данной концепции считает, что такая терминологизация каждой из сторон реалии позволяет выявить главное в переводе, а именно специфику отражения «своего» и «чужого» в языке исходном и языке-рецепторе. По мнению Н. А. Фененко, «R-реалии расширяют номинативные возможности и денотативное пространство языка перевода, связывая уже имеющиеся в языке слова и значения с новыми явлениями внеязыковой действительности (денотатами). C-реалии расширяют концептосферу языка перевода, формируя новые понятия, отсутствовавшие ранее в языке-реципиенте. Наконец, L-реалии расширяют словарь языка перевода за счет новых лексем, заимствуемых из языка оригинала всегда

вместе с новым понятием и часто – вместе с новым денотатом (натурфактом, артефактом) или сигнификатом (ментефактом)» [Фененко 2007: 8].

На наш взгляд, такой подход к пониманию реалий и выделению трех их типов представляется весьма ценным для теории реалий. Нельзя не согласиться с автором, что все три типа реалий при их передаче на другой язык обогащают его (это становится очевидным при анализе англоязычной версии автобиографии В. Набокова, подробнее см. главу 3 диссертационного исследования).

Итак, в результате сопоставления приведенных выше дефиниций понятия «реалия» можно сделать вывод, что в настоящее время в лингвистике и переводоведении существует целый ряд определений реалий, предложенных исследователями, но, несмотря на их различие, нетрудно выделить то общее, что отмечается во всех дефинициях. Для обобщения сведений об определениях термина «реалия» нами была составлена сводная Таблица 1. В ней представлены основные определения термина «реалия», предложенные авторами в разные периоды. Дефиниции мы расположили в хронологическом порядке.

Таблица 1 – Определения термина «реалия»

Автор	Определение	Год
А. В. Федоров	«Национально-специфический объект или явление» [Федоров 2002]	1953
В. М. Россельс	«Особый предмет, понятие или явление, являющееся знаковым или отличительным для истории, культуры, быта, жизни того или иного народа, которое не встречается в языках других народов» [Россельс 1955]	1955
О. С. Ахманова	«Всякий предмет материальной культуры» [Ахманова 1969]	1969
С. Влахов и С. Флорин	«Слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу "на общем основании", требуя особого подхода» [Влахов 2012]	1980
Г. Д. Томахин	«Названия предметов материальной культуры, исторических фактов, государственных институтов, имена фольклорных героев, мифологических существ, которые присущи той или иной нации»	1988
В. Г. Гак	«Если под реалиями понимается всё, что относится к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения, то культурема – это языковое выражение реалии, формальный и содержательный знак, который соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реалии – предмета или ситуации» [Томахин 1988]	1998

Автор	Определение	Год
И. С. Алексеева	«Отражение особенностей поведения, обычаев, привычек народа, говорящего на данном языке, которые в тексте не сводятся к употреблению отдельного слова, а воздействуют на специфику его предметного содержания в целом» [Алексеева 2006]	2006
Н. А. Фененко	«В современном переводоведении термин "реалия" актуализировался во всей своей многозначности: для обозначения явления внеязыковой действительности используется термин R-реалия от фр. <i>réalité</i> , соответствующего понятия, культурного концепта – C-реалия от фр. <i>culturel</i> и средства номинации этого концепта в языке (лексема) – L-реалия от фр. <i>Lexeme</i> » [Фененко 2007]	2007
М. Л. Алексеева	«Реалиями называют слова, которые именуют уникальные предметы и явления, существующие в одной стране и отсутствующие в другой» [Алексеева 2007]	2007
Л. Л. Нелюбин	«1. Это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке. 3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [Нелюбин 2009]	2009
Е. А. Лютавина	«Реалии – названия, присущие только определенным нациям и народам, предметам материальной культуры, фактам истории, имена национальных героев, мифологических существ»	2015
И. С. Паревская	«Реалии – это языковые единицы, несущие информацию о целях, интересах, особенностях образа жизни и исторического прошлого, характерных исключительно для того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Лютавина 2015]	2015
A. Kharina	“ <i>Realia</i> – a set of lexical items of the source language (SL) which denote unique objects and phenomena characteristic of the SL community and which have no direct lexical counterparts in the target language (TL)” [Kharina 2019]	2019
Ю. М. Демонова, В.А. Лавриненко, В. П. Кемечеджиева	«Слово <i>реалия</i> имеет латинское происхождение и исходно обладает характеристиками прилагательного среднего рода множественного числа, но под воздействием ассимилятивных процессов, превратившееся в имя существительное. Реалиями можно назвать предметы, имеющие определенное материальное отражение» [Демонова 2021]	2021
T. Triberio	“ <i>Realia</i> identify not only objects, but signs, words characteristic of each particular culture, typical or exclusive of the material, spiritual and historical heritage of a nation, lexical items which lack of the so-to-say ‘heteronym’ in the linguistic theory” [Triberio 2021]	2021

Приведенные в таблице дефиниции понятия «реалия» позволяют нам, с одной стороны, увидеть то общее, что отмечают все авторы, а с другой – проследить, как со временем уточняется и расширяется объем понятия. Как мы видим, наиболее полное и разностороннее определение представлено в словаре Л. Л. Нелюбина. Мы будем считать это определение обобщающим.

Итак, анализ дефиниций позволяет сделать вывод, что исследователи подчеркивают этническую, национальную, социальную уникальность объектов, обозначенных лексической единицей, не имеющей соответствия в других языках. Можно говорить о пересечении понятий реалий и безэквивалентной лексики. Выше уже говорилось, что мы согласны с мнением С. Влахова и С. Флорина, что реалии нужно рассматривать как особую категорию лексических единиц в пределах безэквивалентной лексики.

Исследовательский интерес к такому сложному явлению, как реалия, породил целый ряд подходов к классификации реалий. Некоторые из них мы рассмотрим в следующей части нашей работы.

Классификации реалий

Характеристики реалий и соответствующие их классификации могут строиться на различных основаниях. Наиболее полная классификация реалий была предложена С. Влаховым и С. Флориным в уже упоминавшейся книге «Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин 2012]. В современном переводоведении она используется многими исследователями как базовая. В этой классификации представлено деление реалий по четырем основаниям: «1. Предметное деление. 2. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности). 3. Временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по принципу “знакомости”). 4. Переводческое деление» [Влахов 2012: 55].

Кратко рассмотрим предлагаемую болгарскими учеными классификацию. Итак, первым и основным делением является предметное, что совершенно закономерно, так как реалия – это прежде всего некий «предмет», и разнообразие предметов находит отражение в предлагаемой классификации.

В класс предметных реалий входят географические, этнографические и общественно-политические объекты и явления. Каждая группа включает определенное количество подгрупп. Эта классификация хорошо известна и, как уже говорилось, она стала основой других, более поздних классификаций. Одна из них – классификация Л. В. Моисеенко, представленная в работе «Лингвокультурологическая проблема классификации реалий» [Моисеенко 2005]. Данная классификация представляет собой расширенный вариант предметного деления, поэтому мы и приводим ее, при этом называем только те классы реалий, примеры которых имеются в набоковской автобиографии:

«Предметное деление реалий:

А. Географические реалии

1. Названия объектов физической географии.
2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью.

3. Названия эндемиков.

Б. Этнографические реалии

1. Быт:

- а) пища, напитки и т. п.;
- б) одежда (включая обувь, головные уборы и пр.);
- в) жилье, мебель, посуда и др.;
- г) транспорт (средства и «водители»);
- д) другие.

2. Труд:

- а) люди труда;
- б) орудия труда;
- в) организация труда.

3. Искусство и культура:

- а) музыка и танцы;
- б) музыкальные инструменты и др.;
- в) фольклор;

г) театр;

д) другие искусства и предметы искусства» [Моисеенко 2005: 157–158].

Вторым основанием для классификации реалий является так называемое **местное** деление. Согласно этому принципу, в плоскости одного языка выделяют *свои* и *чужие* реалии. В плоскости же двух языков, т. е. в ситуации перевода, «реалии делятся на *внутренние* и *внешние*» [Влахов, Флорин 2012: 63], при этом внешние «являются чужими для обоих языков данной пары» [Влахов, Флорин 2012: 62].

С точки зрения третьего основания для классификации, **временного**, реалии подразделяются на две группы, *современные* и *исторические* [Влахов, Флорин 2012: 69].

Очевидно, что реалии отличаются степенью освоенности в той или иной лингвокультуре, поэтому можно говорить о *знакомых* и *незнакомых* реалиях. С точки зрения временного деления особый интерес представляют так называемые «модные» реалии. Это те реалии, которые входят в чужой язык и достаточно быстро распространяются в нем в результате какого-то модного направления, а в дальнейшем либо осваиваются, либо забываются – в зависимости от характера и от того, остаются или исчезают реалии, обозначаемые данными словами. В русском языке к таким заимствованным реалиям относятся, к примеру, наименования популярных музыкальных направлений или танцев.

Последнее деление в классификации болгарских ученых – это **переводческое** деление, принципом деления в этом случае является **переводимость / непереводимость**. Связано это с тем, что при передаче реалий возникают две основные трудности:

1) неимение соответствия в ПЯ, вызванное отсутствием в данном языке обозначаемого реалией объекта;

2) необходимость наряду с предметным значением реалии передать национальный колорит, что справедливо считается трудным (если не самым трудным) моментом в процессе перевода [Влахов, Флорин 2012: 82].

Для нашей работы релевантным является прежде всего предметное деление, поскольку объектом исследования являются реалии усадебного пространства,

которые в основном относятся к этнографическим, а также переводческое деление. В следующем параграфе мы рассмотрим понятие усадебной реалии и обозначим специфику реалий такого типа.

2.2. Русская дворянская усадьба и ее реалии

В связи с изучением феномена дворянской усадьбы уместно привести слова Ю. М. Лотмана: «Великая русская культура, которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была **дворянской** культурой» [Лотман 2015: 15].

Сегодня роль дворянской культуры в развитии отечественной культуры неоспорима, признан и тот факт, что неотъемлемой составляющей дворянской культуры является культура **усадебная**. «Феномен русской усадьбы, находящейся на пересечении природы и цивилизации, быта и культуры, предопределил ее **особое место** в системе топики русской литературы. Являясь одновременно местом рождения, взросления и жизни многих поколений русских дворян и местом действия в русских романах, усадьба становится предметом мифологизации и литературной рефлексии (формирование усадебного мифа в середине XIX века), а также источником и, в то же время, иллюстрацией конфликта литературы и жизни (в творчестве писателей-эмигрантов, последних “певцов” дворянских гнезд)» [Гриневич 2016: 73].

В настоящее время феномен русской усадьбы активно исследуется специалистами разных направлений, и не только в России. В связи с этим необходимо упомянуть «труд Присциллы Рузвельт “Life on the Russian country estate” («Жизнь в русской усадьбе»), изданный на английском языке в 1995 г. В 2008 г. вышел его русскоязычный авторизованный перевод (переводчики Н. А. Вознесенский и А. В. Вознесенский). Присцилла Рузвельт является основателем и президентом фонда «Американские друзья русской провинциальной усадьбы» (A-FORCE: The American Friends of the Russian Country Estates), много сделавшего для восстановления ряда русских усадебных комплексов» [Курушин 2023b: 80].

Исследовательский интерес к русской усадьбе неуклонно растет: «в России возникает специальный проект Российского научного фонда «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», публикуется коллективная монография ИМЛИ по итогам международной научной конференции «Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преображения» (2021)» [Курушин 2023b: 79].

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время феномен русской дворянской усадьбы активно исследуется, при этом спектр изучаемых вопросов достаточно широк, что объясняется многогранностью самого явления дворянской усадьбы.

Хотелось бы подчеркнуть, что в имеющемся ряду близких друг другу понятий «поместье», «имение» и «усадьба» в рамках нашего исследования мы обращаемся именно к понятию «усадьба» как релевантному задачам нашей работы. Для подтверждения этого тезиса обратимся к ряду словарных дефиниций:

Усадьба – «населенный пункт изолированного, обособленного типа, состоящий из совокупности строений (жилого дома для помещика и его семьи, надворных построек) и примыкающих угодий (сада, огорода и т. п.)» [Большой толковый словарь русских... 2005: 314].

Имение – «земельное владение помещика, обычно с усадьбой; поместье» [Большой толковый словарь русского... 2000].

Поместье – «кусок земли, находящийся в частной собственности со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями»; «кусок земли выдающийся государством за несение военной и государственной службы, не подлежащий продаже, обмену и наследованию» [Словарь русского... 1999].

Смежность этих понятий и отсутствие единства в их использовании подчеркивала Л. Е. Городнова, анализируя тексты XVIII–XIX вв.: «В воспоминаниях и записках В. Н. Головиной (конец XVIII в.) и Л. Н. Энгельгардта (1826 г.) русская усадьба фигурирует под названиями – имение; Ф. Ф. Вигеля (1850-е гг.) – село, деревня; С. Н. Глинки (1847 г.) – село, поместье; В. А. Соллогуба (1880-е гг.) – поместье, усадьба. В произведениях

А. С. Пушкина – имение; Н. В. Гоголя – деревня; И. С. Тургенева – усадьба, "дворянское гнездо"» [Городнова 2010: 203].

Л. В. Беловинский рассматривает вотчину и поместье как разновидности имения и объясняет, что если изначально «вотчина – безусловное наследственное отчуждаемое владение» [Беловинский 2007: 237], а поместье – «временное условное держание, дававшееся царем дворянину на условиях службы и на срок службы» [Там же: 237–238], то после 1714 г. формальной разницы между вотчиной и поместьем нет: «С тех пор дворянское земельное владение называлось поместьем, имением, вотчиной» [Там же: 238]. Таким образом, слова «имение» и «поместье» могут использоваться как синонимы. Однако Л. В. Беловинский не считает слова «усадьба» и «поместье» полностью тождественными по своему значению: «Имение могло быть с усадьбой или без нее; помещик мог проживать в нем постоянно, наезжать время от времени, например, на лето, или же имение было “заглазным”, т. е. помещик в имении не жил, и оно управлялось старостой или управляющим» [Беловинский 2007: 237–238].

В Таблице 2 приведены дефиниции понятий «поместье», «имение» и «усадьба» с указанием источника.

Л. Е. Городнова, анализируя сферу употребления слов «поместье», «усадьба» и «имение», обращает внимание на то, что в современных гуманитарных исследованиях чаще используется понятие «усадьба», которое «своим обиходным значением и своей этимологией вызывает в сознании, определенные социально-исторические и социально-бытовые координаты жизни русского общества» [Городнова 2010: 203]. Важным при этом является тот факт, что «современная интерпретация понятия относит “усадьбу” к устоявшемуся типу лексико-грамматических концептов» [Там же]. Все вышеперечисленное дает нам основания в рамках диссертационной работы оперировать именно понятием «усадьба».

Чтобы рассматривать реалии русской дворянской усадьбы, необходимо сначала обратиться к дефинициям понятия «усадьба», которые фигурируют в современных исследовательских работах. Проведем сравнительный анализ нескольких определений, обращая внимание на смысловые акценты, расставленные авторами.

Таблица 2 – Поместье, имение, усадьба: дефиниции

Термин	Автор	Определение
Усадьба	В. И. Даль	«Господский дом на селе, со всеми ухажами, садом и огородом » [Даль 1994: 1066]
Усадьба	Большой толковый словарь русских существительных	«Населенный пункт изолированного, обособленного типа, состоящий из совокупности строений (жилого дома для помещика и его семьи, надворных построек) и примыкающих угодий (сада, огорода и т. п.)» [Большой толковый словарь русских... 2005: 314]
Усадьба	Л. В. Беловинский	«Организованный участок земли в сельской местности<...> Помещичья усадьба включала жилой дом , иногда с флигелями, людскую избу для дворовых, мастерские, конюшни, каретник, скотный двор, амбары и погреба с ледниками, оранжерею, грунтовой сарай, сад, огород, иногда парк . При усадьбе в некотором отдалении могла быть церковь » [Беловинский 2007: 704]
Имение	Словарь русского языка	«Земельное владение помещика» [Словарь русского... 1999]
Имение	Большой толковый словарь русского языка	«Земельное владение помещика, обычно с усадьбой; поместье» [Большой толковый словарь русского... 2000]
Имение	Л. В. Беловинский	«Любое земельное некрестьянское владение, независимо от принадлежности (после 1861)» [Беловинский 2007: 238]
Поместье	Л. В. Беловинский	«Временное условное держание, дававшееся царем дворянину на условиях службы и на срок службы» [Беловинский 2007: 237–238]
Поместье	Словарь русского языка	«Кусок земли выдающийся государством за несение военной и государственной службы, не подлежащий продаже, обмену и наследованию» [Словарь русского... 1999]

Так, Е. П. Барина говорит об усадьбе как о центре формирования и развития культуры: «Дворянская усадьба – многогранное явление, которое позволяет говорить исследователям о “**мире русской усадьбы**”. Усадьбы – это не просто “дворянские гнезда”, но и своеобразные центры формирования, развития, сохранения доминантных черт отечественной культуры <...> усадьбы представляли из себя социокультурную среду, формирующуюся знаниями, стремлениями, вкусами владельца усадьбы, его социальным окружением» [Барина 2008: 30]. В этом определении важным для нас является указание на существование особого «мира русской усадьбы». Как нам представляется, именно реалии становятся для писателей средством воссоздания мира русской усадьбы в рамках конкретного текста.

Г. Ю. Стернин подчеркивает взаимосвязь усадебного пространства и пространства науки и культуры, определяя усадьбу как «**особое культурное пространство**, насыщенное философскими размышлениями об основных

жизненных ценностях, здесь рождалась усадебная мифология, имеющая выходы и в христианский космос, и в общие идеологические формулы российской действительности, и в поэтические представления о смысле бытия <...> Усадебное строительство старалось реализовать на практике общественно-философские идеи своего времени <...> усадебный мир России – это не только проекция распространенных эпохальных идей на русскую действительность, но и самостоятельная жизненная стихия, обладающая собственной внутренней энергией, своими имманентными законами развития» [Стернин 1996: 11]. Об усадьбе как сочетании природного и культурного говорят и авторы монографии об усадебном мифе Е. Е. Дмитриева и О. Н. Купцова: «Помещичья усадьба не была деревенским домиком. С самого начала она претендовала на то, чтобы быть **пространством культуры, но в естественном, природном ландшафте**» [Дмитриева 2008: 16]. Такой взгляд на дворянскую усадьбу объясняет свойство усадебного пространства порождать значимые для культуры тексты, в число которых мы можем включить и автобиографические произведения В. Набокова.

С. Д. Домников видит в усадьбе единство целого ряда составляющих материального и культурного плана: «Это полностью автономный, самодостаточный **социально-природный и культурно-хозяйственный космос**, провозгласивший независимость и "свободное" существование как принцип бытия. Две основные функции усадьбы: сохранение традиций и обеспечение развития – важные факторы для осмысления положения дворянской усадьбы в условиях аграрного общества» [Домников 2002: 577]. В рамках нашей работы важным является указание исследователя на сохранение традиций как на одну из функций усадьбы. С этой точки зрения способность усадебного пространства порождать эмоционально насыщенные и в то же время детальные и предметно точные описания, которые мы можем встретить в мемуарной прозе В. Набокова, как раз и объясняется влиянием этой функции. Утраченные традиции, ушедший усадебный быт тщательно реконструируется в автобиографических текстах В. Набокова, а усадебные реалии служат для писателя инструментом такой реконструкции.

Исследователи отмечают, что обращение к теме русской усадьбы в литературе неразрывно связано с идеализацией прошлого, при этом идеализация

основана на обращении к конкретному, вещному усадебному пространству и к обитателям усадьбы: «Для идеализации прошлого нужны были объективные признаки постоянства, потребность опереться на одушевленных (старые **слуги**) и неодушевленных свидетелей (**убранство комнат, усадебные постройки, кладбища**) – хранителей бытовых и семейных традиций, восстанавливающих связь времен» [Стернин 1996: 261]. Таким образом, реалии русской усадьбы, отраженные в текстах, наполняются не только предметным, но и символическим значением. Особое значение при этом приобретают мотивы детства, проведенного в русской усадьбе, как утраченного рая [Попова, Соболева 2023: 8]. Подобные мотивы мы встречаем и в автобиографической прозе В. Набокова.

Символическое значение в усадебном пространстве, как правило, приобретает сад (подробнее об этом см. [Богданова 2019: 104–114]). Дом в контексте усадьбы также наделяется символическим значением: он «идеализируется и мифологизируется, что способствует переходу конкретного материального объекта в категорию духовных ценностей» [Городнова 2010: 204].

«Необходимо отметить, что в гуманитарных исследованиях появился и широко используется термин «усадебный текст», введенный В. Г. Щукиным, автором геокультурологического исследования «Миф дворянского гнезда» (2007, первая публикация работы в Кракове в 1997 г.). Исследователь называет «усадебный текст» одним из сложнейших, но в то же время интереснейших сверттекстовых образований, отражающих русскую «усадебную культуру», которая, по словам В. Г. Щукина, «срослась с соответствующими этой культуре литературными формами» [Щукин 2007: 400].

Согласно описанию В. Г. Щукина, усадебное пространство «представляет из себя целый комплекс, включающий как **произведения разных видов искусства** <...> и разных стилей, так и **вещи**, просто необходимые в быту и хозяйстве: разнообразные **помещения, мебель, одежду, транспортные средства, утварь, книги, принадлежности для письма, игры в карты, рыбной ловли, охоты, купанья** и т. п. К этому надо прибавить отличные друг от друга категории людей – **обитателей усадьбы**. Люди и вещи в пространственном отношении вписывались в тот **природный и культурный ландшафт**, который представляла из себя

усадьба с ближайшими окрестностями, бывшими во владении помещика и осмысливавшимися как своя земля, своя округа. Из этого и складывалось реальное пространство усадьбы» [Щукин 2007: 249]» [Курушин 2023b: 80].

Опираясь на определение усадебного пространства, которое было предложено В. Г. Щукиным, мы предприняли попытку классифицировать усадебные реалии. Определение содержит детальный перечень отдельных составляющих усадебного пространства, при описании которых необходимо использовать реалии. «При анализе корпуса реалий, выявленных в автобиографических текстах В. Набокова, мы в качестве отдельных групп и рассматриваем реалии, относящиеся к обитателям усадьбы, к вещному миру усадьбы, к природному ландшафту» [Курушин 2023b: 81]. Необходимо отметить, что мы не стали опираться на рассмотренную нами классификацию русских усадебных реалий, предложенную Н. М. Нестеровой и О. В. Соболевой [Нестерова, Соболева 2012], так как она представляется нам слишком обобщенной (в работе выделены лишь две группы реалий: «обитатели усадьбы и отношения между ними» [Нестерова, Соболева 2012: 78] и «предметный мир усадьбы» [Там же: 79]). Для нас было очевидно, что классификация усадебных реалий должна быть более подробной. Подтверждение этому предположению мы нашли в диссертационном исследовании И. В. Плоткиной [Плоткина 2006]. Хотя работа базируется на англоязычном материале (анализируется перевод романов У. Коллинза на русский язык), классификация усадебных реалий (в работе они обозначены термином «поместные реалии») имеет предельно обобщенный характер, без выраженной национальной специфики, поэтому предпринятая попытка структурировать реалии показалась нам ценной. Приведем эту классификацию:

- «1. Само поместье – дом (лестницы, комнаты и т. д.), предметы на территории поместья (конюшня, подъездная аллея и т. д.);
2. Социальная структура поместья – слуги, их иерархия и обязанности;
3. Природа – описание территории поместья (розарий, кустарник, пруд и т. д.);
4. Предметы быта – мебель, одежда, посуда и т. д.;
5. Социальные взаимоотношения – взаимоотношения хозяев поместья с окружающими их людьми (хозяин – врач, хозяин – священник и т. д.);

6. Досуг в поместье – все, что связано со способами проведения свободного времени» [Плоткина 2006]. Таким образом, мы утвердились в своем предположении о том, что наша классификация усадебных реалий должна быть достаточно подробной.

Для того чтобы классифицировать усадебные реалии, мы сопоставили между собой ряд определений усадьбы (приведенных выше) и выявили повторяющиеся в них элементы усадебного пространства (в цитатах, приведенных в тексте параграфа, эти элементы выделены шрифтом). К таким элементам мы отнесли дом (с его интерьером), сад и огород, парк, хозяйственные постройки, церковь, хозяйственные постройки. В отдельную группу мы выделили обитателей усадьбы (владельцев усадьбы и слуг).

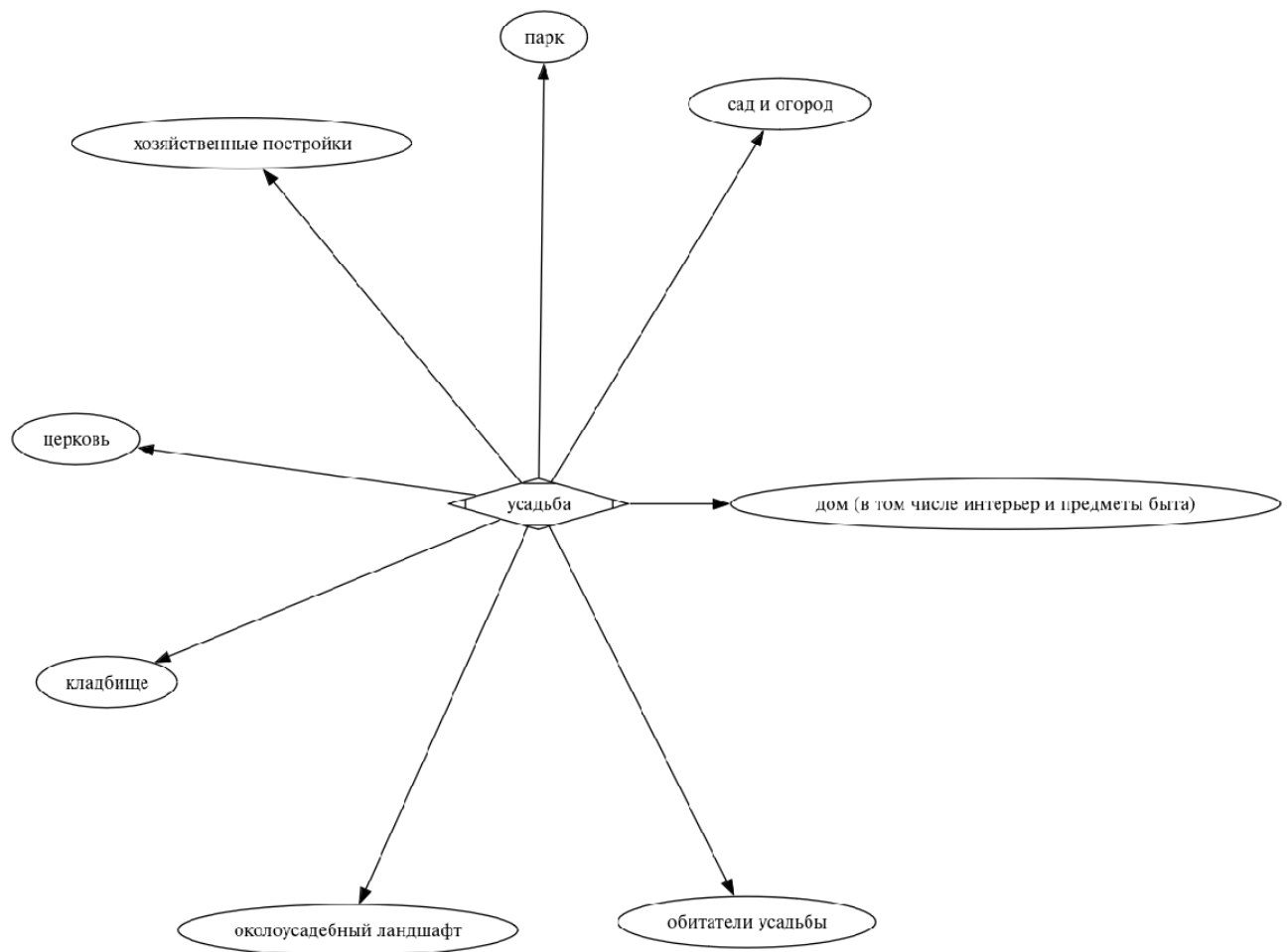

Рисунок 1 – Модель усадебного пространства, построенная на основе дефиниций понятия «усадьба» и описаний усадебного пространства в исследовательских работах

Совершенно очевидно, что все перечисленные элементы являются типичными для русской усадьбы, поэтому они так или иначе будут упомянуты в автобиографической прозе В. Набокова, а для их описания писателю потребуются

использовать реалии. На базе выявленных нами элементов построили модель усадебного пространства, представленную на Рисунке 1.

Таким образом, имеющиеся дефиниции понятия «усадьба» и описание усадебного пространства, данное В. Г. Щукиным, О. А. Богдановой, Г. Ю. Стерниным и другими исследователями, позволило нам выявить те элементы усадебного пространства, которые являются значимыми для классификации усадебных реалий, представленных в автобиографической прозе В. Набокова. Найденные нами элементы легли в основу модели усадебного пространства, которая впоследствии была уточнена и расширена в ходе нашей работы с конкретными текстовыми примерами. Полученная в итоге классификация усадебных реалий описана в третьей главе данной работы.

2.3. Реалии как переводческая проблема

Как уже не раз отмечалось выше, реалии относятся к сложным вопросам в практике перевода, они являются своего рода критическими точками переводимого текста. Практически все исследователи подчеркивают, что межъязыковая передача реалий требует особого подхода к выбору переводческого решения, основанного на понимании того, что скрыто за номинацией.

Выше уже отмечалось, что проблема перевода реалий, начиная с середины прошлого столетия, широко обсуждается в отечественном переводоведении (среди исследователей, которые так или иначе обращались к этой проблеме, нужно упомянуть Я. И. Рецкера, А. В. Федорова, И. И. Ревзина, В. Ю. Розенцвейга, В. Г. Гака, А. Д. Швейцера, Л. С. Бархударова, Л. Я. Черняховскую, Л. К. Латышева, В. С. Виноградова, Р. К. Миньяр-Белоручева, В. Н. Комисарова, Н. А. Фененко, М. Л. Алексееву, А. Н. Читалина, И. В. Чарычанскую и др.).

Считаем необходимым отметить, что само терминологическое выражение «перевод реалий» не является корректным, поскольку, как следует из дефиниционных характеристик реалий, они относятся к «непереводимому в переводе», соответственно, следует, на наш взгляд, говорить о межъязыковой передаче реалий. Это же подчеркивает один из основателей отечественной науки

о переводе А. Ф. Федоров. Он считает, что реалия – это «понятие экстралингвистическое и не может “переводиться”, как не может “переводиться” с одного языка на другой любая существующая в природе вещь» [Федоров 2002: 124]. Переводятся, как подчеркивал ученый, названия реалий, а не сами реалии.

Как уже говорилось, переводоведы считают необходимым различать реалии как объекты или явления, относящиеся к культуре (В. Г. Гак), а с другой стороны – как знаки-реалии, имена-реалии (Н. К. Гарбовский), как слова-реалии (Г. Д. Томахин, С. С. Волков).

Анализ исследовательских работ в первом параграфе этой главы дает основание считать, что сегодня нет единого мнения относительно того, что входит в понятие реалии. Существует достаточно узкое понимание реалий, при котором они определяются как «нарицательные имена существительные, именующие уникальные предметы и явления» [Алексеева 2008: 20]. Но есть и другой подход, расширяющий понятие реалии и позволяющий относить к реалиям не только апеллятивную, но ономастическую лексику. В этом случае в разряд реалий попадают различного рода онимы – антропонимы, топонимы, названия произведений искусства и литературы, исторические факты, прецедентные феномены (цитаты, афоризмы, крылатые слова, паремии). Очевидно, что выбор того или иного понимания термина «реалия» зависит от целей проводимого исследования. В данной работе реализуется именно широкое понимание реалии, что нашло отражение в нашем подходе к выбору реалий из автобиографических текстов В. Набокова и формированию корпуса усадебных реалий.

Как уже отмечалось выше, при всем различии понимания реалий общепризнанной является их близость к понятию безэквивалентной лексики. Так, Л. К. Латышев подразделяет безэквивалентную лексику на четыре класса, в один из которых и входят реалии, которые можно считать «безэквивалентными, так как в опыте носителей языка перевода отсутствуют предметы или явления, обозначенные единицей исходного языка» [Латышев 2001: 160]. Это свойство реалий вызывает определенные трудности в процессе перевода. Они связаны с тем, что перед переводчиком стоит двойная задача: во-первых, необходимо понять (распознать) тот

предмет (или явление), который стоит за языковым знаком, а это не всегда легко, и найти способ представить его на языке перевода; во-вторых, необходимо передать на другом языке национально-культурный и исторический колорит.

Проблеме межъязыковой передачи реалий сегодня посвящено немалое количество исследовательских работ, содержащих характеристику основных приемов, которыми пользуются переводчики, работающие с этим сложным лексическим материалом. Ниже мы рассмотрим позицию ряда исследователей, занимавшихся этими проблемами. С. Влахов и С. Флорин считают, что есть два основных способа передачи реалий: транслитерация (транскрипция) и собственно перевод. Эти два способа противопоставлены друг другу, так как первый из них позволяет «чужое» сделать «своим», а второй стремится сохранить «чужое» через средства «своего». Второй способ включает в себя ряд приемов, а именно создание неологизма, приблизительный перевод, контекстуальный перевод.

В своей работе мы взяли за основу приемы перевода, предложенные С. Влаховым и С. Флориным, поскольку именно их труд «Непереводимое в переводе» является наиболее фундаментальным исследованием реалий и проблемы их межъязыковой передачи. Обратимся к способам перевода, предлагаемым болгарскими переводоведами. Они рассматривают два способа передачи реалий: транскрипцию и перевод. При этом ученые опираются на позицию А. А. Реформатского, состоящую в том, что данные приемы «могут быть друг другу противопоставлены, так как они по-разному осуществляют формулу Гердера: “Надо сохранять своеобразие чужого и норму родного”, а именно: 1) перевод стремится “чужое” максимально сделать “своим”; 2) транскрипция стремится сохранить “чужое” через средства “своего”» (приводится по: [Влахов, Флорин 2012: 86]).

Ниже приведем предлагаемую С. Влаховым и С. Флориным классификацию. Среди приемов межъязыковой передачи реалий можно выделить следующие:

«I. Транскрипция (и транслитерация).

II. Перевод (замены, субституция):

1. Неологизм:

а) калька;

б) полукалька;

- в) освоение;
- г) семантический неологизм.

2. Приблизительный перевод:

- а) родо-видовое соответствие;
- б) функциональный аналог;
- в) описание, объяснение, толкование.

3. Контекстуальный перевод» [Влахов, Флорин 2012: 93].

Прокомментируем данный перечень способов передачи реалий. Итак, болгарские переводоведы первым приемом называют **транслитерацию** (в этом их точка зрения совпадает с концепциями А. В. Федорова и В. С. Виноградова). «Это вполне закономерно, поскольку этот прием (при его удачной реализации) позволяет переводчику, как отмечают С. Влахов и С. Флорин, добиться двойного эффекта – и передать содержание реалии, и сохранить национальный колорит [Влахов, Флорин 2012: 88].

Перевод (замена) как прием предполагает несколько способов передачи реалии: *создание неологизма, замена реалии, приблизительный и контекстуальный переводы*. Болгарские авторы считают, что именно создание нового слова (неологизма) позволяет в наибольшей степени (после транслитерации / транскрипции) сохранить содержание и колорит переводимой реалии. Неологизм может быть создан разными способами: *калькированием, полукалькированием, освоением*.

Как известно, **калькирование** – это воспроизведение комбинаторного состава исходного слова в слове языка перевода, другими словами, это пословная и даже поморфемная передача оригинальной реалии. Считается, что чаще калькируются реалии, выраженные словосочетаниями, чем те, что выражены отдельными словами. Кроме калькирования, при передаче реалий используются так называемые **полукальки**. Данный прием состоит в том, что калькируется не вся языковая единица, а только одна ее часть, в то время как другая часть реалии передается при помощи транскрипции или транслитерации.

Освоением С. Влахов и С. Флорин называют лингвокультурную адаптацию иноязычной реалии, т. е. вхождение данной реалии в язык перевода в форме

родного слова. Другими словами, это освоенное принимающими языком и культурой заимствование.

Замена реалий, по мнению болгарских исследований, не самый удачный прием перевода, поскольку он приводит к превращению чужой (инокультурной) реалии в свою.

Приблизительный перевод, как отмечают Влахов и Флорин, – это наиболее частотный прием передачи реалий. Разновидностями такого перевода они называют *родовидовую замену* (эта замена в теории перевода известна как генерализация), *функциональный аналог* (замена, которая позволяет вызвать у читателя перевода реакцию, аналогичную реакции читателя исходного текста) и *описание* (объяснение). Описательный перевод – это, как правило, переводческое примечание, которое очень часто бывает необходимым при переводе реалий, особенно в тех случаях, когда реалия представляет собой, например, ссылку на какой-либо известный исторический или литературный персонаж текста оригинала.

Последним в перечне приемов, описанных С. Влаховым и С. Флориным, назван **контекстуальный перевод**, который обычно противопоставляется переводу, в котором используется словарное соответствие.

Помимо перечисленных приемов перевода реалий, исследователи называют также **опущение**. Строго говоря, в этом случае перевод как таковой отсутствует, такой прием часто называют «нулевым переводом».

Таким образом, мы можем сказать, что существуют различные приемы перевода реалий, выбор которых зависит от типа реалии и личности переводчика.

Наличие различных приемов межъязыковой передачи реалий создает для переводчика проблему выбора способа для передачи конкретной реалии» [Курушин 2023b: 30–31]. С. Влахов и С. Флорин указывают на несколько факторов, обуславливающих выбор переводчика. К таким факторам они относят знакомость / незнакомость реалии, словообразовательные и грамматические традиции ИЯ и ПЯ, потенциального читателя перевода. Вполне закономерно, что именно последний фактор называется болгарскими учеными самым важным, что подтверждает анализ автоперевода В. Набокова.

Набор приемов межъязыковой передачи можно найти у разных авторов. Приведем наиболее известные подходы к описанию приемов передачи реалий. Так, в известном учебнике одного из наиболее авторитетных отечественных переводоведов В. Н. Комиссарова «Теория перевода (лингвистические аспекты)» названо пять типов межъязыковых соответствий:

«1. Соответствия-заимствования, которые воспроизводят в переводящем языке форму или произношение реалии. Такие соответствия создаются транскрибированием или транслитерацией. Многие из них со временем входят в язык-рецептор.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие поморфемный состав исходного слова или, если языковая единица представляет собой устойчивое сочетание, его составные части.

3. Соответствия-аналоги, которые представляют собой наиболее близкое по значению слово переводящего языка, однако оно может быть употреблено, как правило, только в данном контексте.

4. Соответствия – лексические замены, которые образуются в процессе переводческих трансформаций, например, конкретизации или модуляции, их перевод в таком случае зависит от контекста.

5. Описание – прием, используемый тогда, когда остальные способы не уместны или не представляется возможным их использовать. Описание позволяет раскрыть значение исходной единицы именно через описание ее значения» [Комиссаров 1990: 148–150].

В. С. Виноградов предлагает следующие приемы передачи реалий:

1. Транскрипция или транслитерация.

2. Гипо-гиперонимический способ, который используется после введения в текст перевода исходной единицы в транскрибированном или транслитерированном виде.

3. Уподобление.

4. Перифрастический (дескриптивный) перевод.

5. Калькирование [Виноградов 2001: 14].

Один из основоположников отечественного переводоведения А. В. Федоров называет следующие приемы для передачи реалий:

1. Транскрипция или транслитерация.
2. Описательный перевод.
3. Уподобление.
4. Гипонимический перевод [Федоров 2002: 368].

Системный обзор переводческих приемов представлен в работах М. Л. Алексеевой, которая подчеркивает, что «изучение работ, посвященных передаче реалий на иностранный язык, показывает, что, несмотря на расхождения в подходах к проблеме классификации переводческих приемов, можно выделить группы приемов, которые присутствуют у всех авторов и не зависят от языковой пары» [Алексеева 2007: 68]. М. Л. Алексеева называет четыре группы таких приемов (опираясь при этом на принцип систематизации приемов межъязыковых отношений, предложенный Х. Шмидт):

1. **Приемы механической передачи** – это «автоматический перенос звукового или графического облика реалии языка источника в языке перевода (транслитерация или транскрипция). Исходная единица остается в тексте перевода без изменений. В этом случае содержательная сторона реалии раскрывается только через контекст, она может остаться непонятой или быть понятой достаточно приблизительно.

2. **Приемы создания нового слова** – это образование нового слова или словосочетания по модели исходного языка с помощью языковых средств языка перевода» [Алексеева 2007: 69]. Такой прием позволяет сохранить форму исходной языковой единицы, возможно, содержание и иногда, как отмечает М. Л. Алексеева, национальное своеобразие.

3. **Разъясняющие приемы** – это «приемы, позволяющие раскрыть содержание реалии посредством описания или толкования в различных формах. При этом у реципиента может сложиться представление о реалии, но в языке-рецепторе не появляется словарное соответствие, данный вариант перевода остается единичным, в языке он не закрепляется.

4. Уподобляющие приемы — наиболее часто используемые приемы. Они включают в себя различные замены: родовидовые, а также замены своим, чужим или контекстуальным аналогом. В этом случае у реципиентов (читателей перевода) складывается неточное и даже, возможно, неверное представление об исходной реалии. Исчезает в переводе и национальный колорит» [Алексеева 2007: 69–70].

Проанализировав сведения о приемах передачи реалий, была составлена обобщающая Таблица 3, где приведены основные приемы межъязыковой передачи реалий, описанные в работах исследователей. Материал в таблице расположен в алфавитном порядке (по фамилии исследователя).

Таблица 3 – Приемы передачи реалий при переводе

Автор	Прием перевода
М. Л. Алексеева	«1. Приемы механической передачи. 1.1. Прямой перенос (Пп) 1.2. Транслитерирование (Тл) 1.3. Транскрибирование (Тк) 2. Приемы создания новой лексемы. 2.1. Полное калькирование (пК) 2.2. Частичное калькирование (чК) 2.3. Авторский неологизм (аН) 3. Разъясняющие приемы. 3.1. Описание (О) 3.2. Пояснения внутри текста (П) 3.3. Пояснения в сносках (Пс) 3.4. Пояснения в комментарии (Пк) 4. Уподобляющие приемы. 4.1. Замена своим аналогом (сА) 4.2. Замена чужим аналогом (чА) 4.3. Родовидовые замены (рвЗ) 4.4. Контекстуальный аналог (кА) 5. Опускание (о)» [Алексеева 2007]
В. С. Виноградов	«1. Транскрипция или транслитерация. 2. Гипо-гиперонимический способ, который используется после введения в текст перевода исходной единицы в транскрибированном или транслитерированном виде. 3. Уподобление. 4. Перифрастический (дескриптивный) перевод. 5. Калькирование» [Виноградов 2001]
С. Влахов и С. Флорин	«I. Транскрипция (и транслитерация). II. Перевод (замены, субституция): 1. Неологизм: калька; полукалька; освоение; семантический неологизм. 2. Приблизительный перевод: родо-видовое соответствие; функциональный аналог; описание, объяснение, толкование. 3. Контекстуальный перевод» [Влахов 2012]
В. Н. Комиссаров	«1. Соответствия-заимствования, которые воспроизводят в переводящем языке форму или произношение реалии. 2. Соответствия-кальки, воспроизводящие поморфемный состав исходного слова или, если языковая единица представляет собой устойчивое сочетание, его составные части

Автор	Прием перевода
	3. Соответствия-аналоги, которые представляют собой наиболее близкое по значению слово переводящего языка, однако оно может быть употреблено, как правило, только в данном контексте. 4. Соответствия – лексические замены, которые образуются в процессе переводческих трансформаций, например, конкретизации или модуляции, их перевод в таком случае зависит от контекста. 5. Описание – прием, используемый тогда, когда остальные способы не уместны или не представляется возможным их использовать» [Комиссаров 1990]
И. А. Самохина	«1. Приемы механической передачи реалии: 1.1. Прямой перенос; 1.2. Транслитерация; 1.3. Транскрибирование. 2. Прием перевода реалии: 2.1. Создание неологизма; 2.2. Разъясняющие приемы; 2.3. Компенсирующие приемы. 3. Опускание реалии. 4. Восстановление реалии языка перевода. 5. Комбинированные приемы» [Самохина 2012]
Г. Д. Томахин	«1) транслитерация и транскрипция; 2) калькирование; 3) описание или разъяснительный перевод; 4) приближенный (приблизительный) перевод (при помощи аналога); 5) трансформационный (контекстуальные) перевод» [Томахин 1998]
А. В. Федоров	«1. Транскрипция или транслитерация. 2. Описательный (перефразистический) перевод. 3. Уподобление. 4. Гипонимический перевод» [Федоров 2002]

Как следует из данных Таблицы 3, наиболее детальная классификация приемов межъязыковой передачи реалий была предложена М. Л. Алексеевой [Алексеева 2007]. Исследователь также подчеркивает, что частотными приемами передачи реалий в практике перевода являются комбинированные, такие как:

- «1. Транскрибирование + пояснения в постраничных сносках.
- 2. Транскрибирование + пояснения в затекстовом комментарии.
- 3. Калькирование + пояснения в затекстовом комментарии.
- 4. Прямой перенос + пояснения в затекстовом комментарии» [Алексеева 2007: 71–72].

Как видим, приемы передачи реалий, предлагаемые разными исследователями, во многом совпадают, это свидетельствует, что данные приемы широко используются в практике перевода, их можно считать своего рода

общепринятыми рекомендациями для переводчиков-практиков. К анализу конкретных авторских приемов передачи реалий мы обратимся в главе 3. А здесь считаем необходимым обратиться к понятию **делакунизации**, также используемому в переводоведении.

«В отечественной лингвистике теория лакун прежде всего связана с именами Ю. А. Сорокина и его ученицы и соавтора И. Ю. Марковиной. Они явились основателями лакунологии как особого направления в исследованиях межкультурной коммуникации, ориентированного на изучение причин недопонимания, возникающих на стыке двух языков и культур. Им же принадлежат первые исследования национально-культурной специфики художественного текста [Сорокин, Марковина 1989], ими и была впервые сформулирована концепция лакунарности, предложена классификация лакун, а также описаны способы их элиминирования в процессе межъязыкового перевода [Марковина, Сорокин 2010].

Сегодня теория лакун и проблема делакунизации исследуется достаточно активно [Рябова, 2011; Липатова, 2008; Булгакова, 2013 и др.]» [Курушин 2024с: 58]. Существуют различные дефиниции термина «лакуна», и очень часто оно употребляется параллельно с термином «реалия».

Как соотносятся между собой эти понятия, можно выяснить, обратившись к их определениям. В параграфе 1 нашей работы мы привели ряд дефиниций термина «реалия». Наиболее развернутым из них можно считать определение, представленное в «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина. Оно вобрало в себя основные подходы к трактовке этого понятия (см. параграф 2.1). В этом же словаре представлена и дефиниция лакуны: «Отсутствие лексических эквивалентов в одном языке обозначениям, преимущественно национальных реалий, в другом» [Нелюбин 2009: 94]

Как следует из приведенных дефиниций, понятия реалии и лакуны связаны между собой. На это обращает внимание и С. Ю. Булгакова, в работе которой выдвинут тезис о том, что «лакуны и реалии должны рассматриваться как комплементарные понятия: там, где в ИТ имеется лингвокультурная реалия, в

сознании носителя языка ПТ, в первую очередь, переводчика, возникает лакуна, “белое пятно” на “семантической карте” текста» [Булгакова, 2013: 188].

Если согласиться с представлением о том, что понятия лакуны и реалии комплементарны, то можно рассматривать процесс межъязыковой передачи реалий как способ делакунизации, при котором происходит элиминирование «белых пятен» принимающей лингвокультуры.

Подводя итоги, подчеркнем, что «проблема элиминирования лакун – это объективная проблема любого переводчика и, как нам кажется, автор-переводчик эту проблему ощущает особенно остро, и именно авторские приемы делакунизации можно считать наиболее адекватными, так как он хорошо представляет себе, какую лакуну он заполняет или элиминирует» [Курушин 2004а: 63]. В следующей главе рассмотрим приемы делакунизации, использованные В. Набоковым при межъязыковой передаче российских усадебных реалий.

Выводы по главе 2

1. Термин «реалия» получил распространение в переводоведении в середине 1950-х гг., когда наука о переводе начала формироваться как самостоятельное направление в лингвистических исследованиях, а «непереводимое в переводе» стало объектом изучения. В лингвистике и переводоведении термин используется для обозначения национально-специфического объекта или явления. Существуют разные подходы к его толкованию и, соответственно, дефинициям.

2. Анализ дефиниций термина «реалия» свидетельствует о его многозначности и недостаточной терминологической разработанности. Его используют как для номинации предметов и / или явлений внеязыковой действительности, так и для обозначения языковых единиц, являющихся наименованиями данных предметов.

3. В подходах к пониманию понятия «реалия» можно выделить более узкое и более широкое понимание этого термина. Согласно первому, реалиями считаются нарицательные имена существительные, являющиеся именованиями национально-специфических уникальных объектов и / или явлений. Более широкое толкование термина позволяет относить к реалиям не только

апеллятивные языковые единицы, но и разного рода «-онимы» (антропонимы, топонимы, названия произведений искусства и литературы, исторические факты, прецедентные феномены и пр.). В данном исследовании мы опираемся на более широкое понимание реалий.

4. Понятия реалии и безэквивалентной лексики связаны между собой, при этом понятие безэквивалентной лексики является более широким. В пределах безэквивалентной лексики реалии образуют особый круг. В связи с формированием лингвокультурологического направления в исследовании языковых единиц реалии могут пониматься как культуремы или лингвокультуремы. Объединяет все эти понятия проблема их полной или частичной непереводаемости, связанной с отсутствием словарных закономерных соответствий в той или иной паре языков.

5. Разнообразие типов реалий привело к появлению их классификаций на основе разных признаков. Базовой для современных исследований реалий считается классификация, созданная С. Влаховым и С. Флориным, в которой авторы предлагают следующие основания для выделения классов реалий: предметное, местное, временное и переводческое. Предметное деление является наиболее важным для анализируемых нами усадебных реалий, содержащихся в автобиографической прозе В. Набокова.

6. Среди большого разнообразия реалий можно выделить особую группу – реалии усадебного пространства. В настоящее время русская дворянская усадьба как культурный феномен привлекает внимание исследователей в рамках разных направлений. Изучается так называемый усадебный миф, появляется понятие «усадебный текст» (В. Г. Щукин). В литературе создается идеализированный образ усадебного пространства, реалии которого представлены в произведениях писателей-эмигрантов, для которых усадьба ассоциируется с «потерянным раем».

7. Усадебные реалии можно разделить на несколько тематических групп в соответствии с основными элементами усадебного пространства: дом, сад и огород, парк, церковь, кладбище, хозяйственные постройки, околоусадебный ландшафт.

8. В практике и теории перевода межъязыковая передача реалий является одной из ключевых проблем. К настоящему времени накоплен и обобщен большой опыт решения данной проблемы, предложены и детально описаны (как рекомендации) переводческие приемы, используемые для адекватной передачи различных типов реалий на другом языке. К таким приемам относятся транслитерация, функциональный аналог, замена, калька, объяснение и т. д.

Выбор переводческого решения, т. е. приема передачи реалии при переводе определенного исходного текста на другой язык каждый раз требует особого внимания со стороны переводчика, так как необходимо, во-первых, точно понять реалию (объект или явление) и, во-вторых, найти способ ее представить в тексте перевода. В случае, когда переводчиком является сам автор, первая проблема снимается, но очень острой становится вторая. Именно этой второй проблеме посвящена следующая глава, в которой анализируются приемы, используемые В. Набоковым для передачи русских усадебных реалий в англоязычном переводе его автобиографии.

ГЛАВА 3. УСАДЕБНЫЕ РЕАЛИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИЯХ АВТОБИОГРАФИИ В. НАБОКОВА

3.1. Усадебный мир В. Набокова и его реалии

Как известно, В. Набоков начал думать о создании автобиографии задолго до появления первой английской версии “Conclusive Evidence”. Так, в 1946 г. в одном из писем к сестре он писал: «Когда покончу с романом, засяду за детальную автобиографию, **мне давно хотелось это написать**» [Набоков 1985: 39]. И в 1951 г. выходит первый вариант этой давно задуманной автобиографии. Этой книге предшествовал текст на французском языке «Мадемуазель О» (1936), затем англоязычный “It is Me” (1950), который и перерос в книжную версию “Conclusive Evidence” (1951). В 1953 г. Владимир Набоков заканчивает и публикует перевод книги на русский язык под названием «Другие берега» (1953) (данная версия включала в себя и «Мадемуазель О»). Наконец, в 1966 г. выходит “Speak, Memory. An Autobiography Revisited” – расширенная и окончательная версия автобиографии. В результате автором создается своеобразная автобиографическая «трилогия», в которой исходным оригинальным текстом можно считать “Conclusive Evidence”. Следующая (и окончательная) английская версия автобиографии была написана уже после возвращения писателя-переводчика из Америки в Европу. В предисловии к этой версии В. Набоков рассказал о процессе создания англоязычных воспоминаний: «Для данного, окончательного издания книги “Speak, Memory” я не только внес основные изменения и многочисленные дополнения в окончательный текст на английском языке, но и воспользовался исправлениями, которые я внес при переводе на русский язык. Это переосмысление русской версии того, что изначально было английским пересказом русских воспоминаний, оказалось дьявольской задачей, но некоторое утешение мне принесла мысль о том, что такие многочисленные метаморфозы, знакомые бабочкам, еще не были опробованы ни одним человеком» [Nabokov 1999: 11–10]. Нельзя не согласиться с автором, что его двуязычная и дважды переведенная автобиография – беспрецедентный случай в мировой литературе и в практике перевода.

В данной работе мы не рассматриваем первый английский вариант. Для нас исходным текстом является русскоязычная версия мемуаров, названная автором «Другие берега». Таким образом, в данной работе рассматриваются две версии автобиографии: «Другие берега» и “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”, причем первая понимается нами как исходный текст. На наш взгляд, это вполне логично, так как именно в «Других берегах» и представлен усадебный мир писателя.

Совершенно очевидно, что реальное пространство под пером писателя в определенной степени трансформировано, и поэтому, как отмечают О. А. Попова и О. В. Соболева [Попова, Соболева 2023: 9], в этом случае можно говорить о **топоэксфрасисе**, понимаемом как «описание в литературном произведении места действия, которое несет на себе особую эстетическую нагрузку» [Клинг 2002: 97]. Усадебное пространство на страницах «Других берегов», несомненно, сохраняет связь с реальным топографическим прототипом, но преобразуется, в определенной степени «романизируется» и «романтизируется», все вещи (реалии) становятся живыми, они приобретают цвет и запах. Кажется, что В. Набоков помнит буквально каждую деталь, о чем он и сам писал: «Еще в первые годы изгнания моя мать и я могли без труда обойти весь парк, и старую и новую его часть, по памяти» [Набоков 1990: 210].

Уместно вспомнить слова Брайана Бойда, автора двухтомного труда, посвященного изучению творчества В. Набокова, писавшего об особой точности памяти писателя: «Сияние личного прошлого никого не влекло к себе так, как Набокова, да и никто не вспоминал прошлого с большей, чем он, точностью. Одного этого довольно, чтобы его автобиография заняла место в ряду лучших образцов этого жанра» [Бойд 2010: 178].

Благодаря удивительной памяти Владимира Набокова мы можем увидеть усадебное пространство, где, по словам Г. В. Щукина, люди и вещи вписаны в «природный и культурный ландшафт». Это пространство оставалось с В. Набоковым до конца его жизни и проникало в его тексты, начиная с первого русскоязычного романа «Машенька» и заканчивая его последним англоязычным “Look at the Harlequins!” («Смотри на арлекинов!»).

В «Других берегах» мы видим многочисленные и разнообразные детали, которыми заполнено пространство усадьбы, это и есть те вещи, которые остались в его памяти навсегда. Как известно, быт играет очень большую роль в жизни каждого из нас. Ю. М. Лотман писал: «Быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение. Быт окружает нас как воздух, и, как воздух, он замечен нам только тогда, когда его не хватает или он портится» [Лотман 2015: 12]. Слова Ю. М. Лотмана объясняют, почему В. Набоков стремился столь детально воссоздать в своих текстах утраченный мир дорогих его сердцу вещей, привычной обстановки, сопровождавшей его счастливое детство. Ему есть о чем жалеть. Он утратил навсегда, но воссоздал в текстах «лепные углы потолка», «бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно», «белую с голубыми мельницами печку» [Набоков 1990: 173], «чугунную лестницу», «паркетную площадку второго этажа», «старомодные комодобразные умывальники с педалями» [Набоков 1990: 177], «белый рояль», «палевый паркет гостиной», «разноцветные стекла веранды», «пружинистое круглое место в голубом сукне карточного столика» [Набоков 1990: 171] и др.

Как уже отмечалось выше, вещи оживают под пером писателя, многие из них имеют особый запах («клетчатая клеенка на круглом столе пахнет клеем») и, конечно, цвет. Разнообразие цветов и оттенков, которыми наделяет писатель описываемые вещи, объясняется его природным даром, который он сам называл *audition coloree* (цветным слухом). Поражает обилие цветов и оттенков описываемых вещей: бирюзовый, белый, голубой, палевый, зеленый, малиновый, красный, розовый, пурпурный, изумрудный... [Набоков 1990]. Все это создает особый усадебный мир В. Набокова.

Анализируя текст автобиографии «Другие берега» методом сплошной выборки, мы отобрали 285 реалий, которые были использованы В. Набоковым в этом произведении. Затем мы предприняли попытку разделить их на тематические группы. При этом мы опирались на классификацию С. Влахова и С. Флорина, дополненную Л. В. Моисеенко (см. главу 2 диссертации). В соответствии с этой

классификацией, в «Других берегах» были использованы реалии, принадлежащие к следующим группам: «1) реалии, относящиеся к искусству, культуре и образованию; 2) реалии, относящиеся к усадебному быту; 3) реалии-топонимы; 4) этнографические реалии; 5) географические реалии; 6) политические реалии; 7) реалии – слова и выражения.

Среди этих реалий особый интерес для нас представляют реалии быта, а также реалии – слова и выражения русского языка («Голубчик», «Боже мой!» и другие)» [Курушин 2023а: 29]. Хотя русскоязычная автобиография «Другие берега» формально является переводом, однако не будем забывать, что В. Набоков писал вдали от России, в окружении неродного английского, поэтому ощущение «возвращения» к родной русской речи особенно заметно при чтении русскоязычной версии. По сравнению с первым текстом, англоязычной “Conclusive Evidence”, русская версия гораздо более эмоциональна, и автор-переводчик, как нам кажется, не случайно поменял название при переводе. В письме М. М. Карповичу (27 апреля 1954 г.) Владимир Набоков писал: «Книгу я назвал “Другие берега” из пушкинского *Вновь я посетил*

Вот холм лесистый, над которым часто

Я сживал недвижим – и глядел

На озеро, вспоминая с грустью

Иные берега, иные волны...» [Набоков 1989: 17].

Диалог русского и английского языков, сравнение этих языков, ощущения писателя, который создает тексты на каждом из них, представляют собой значимый компонент содержания автобиографической прозы В. Набокова. Размышления о себе как о билингве, творческие и переводческие возможности при работе с каждым из языков вообще крайне значимы для Владимира Набокова. Известно, что решение перейти на английский язык было принято Набоковым уже в Америке. А. А. Долинин подчеркивает, что писательская судьба писателя за границей складывалась достаточно успешно: «он относительно быстро вошел в американские литературные круги, обычно закрытые для эмигрантов, и получил доступ в престижные издательства и журналы» [Долинин 2019: 163]. Но переход с

русского на английский совсем по-разному происходил в бытовой сфере и в сфере художественного творчества. В общении переключиться на английский было легко, но для Набокова как очень требовательного к себе писателя смена языка стала мучительной, «особенно когда он хотел представить исконные русскоязычные воспоминания новой англоговорящей публике. Одной из серьезных проблем, вставших перед писателем, стало желание автора-переводчика перенести в английский текст реалии своего счастливого усадебного детства» [Курушин 2023а: 27]. Для автора было важно оставаться предельно точным в описаниях, передавать без искажений каждую деталь. Нанизывание этих деталей и создавало особый колорит набоковской автобиографической прозы. Как отмечает известный набоковед и переводчик произведений В. Набокова Геннадий Александрович Барабтарло, «сила Набокова, которая приводила в движение все, заключалась в разных способах **описывать тварный мир** в его разновидностях» [Барабтарло 2011].

Сам Набоков безоговорочно признавал влияние бытовой обстановки, окружавших его вещей, на творчество: «...молодые мои чувства подвергались — не знаю, как выразиться — телеологическому, что ли, "целеобусловленному" воздействию, как будто собравшиеся в полутьме знакомые предметы сознательно и дальновидно стремились создать этот определенный образ, который у меня теперь запечатлен в мозгу; эту **тихую работу вещей** надо мной я часто чувствовал в минуты пустых, неопределенных досугов» [Набоков 1990: 181].

Свидетельства того, что «тихая работа вещей» действительно в дальнейшем отразилась в набоковских текстах, мы находим в двух версиях автобиографии писателя, как русскоязычной, так и англоязычной. В каждом из этих произведений детально запечатлен быт семьи в петербургском доме и в трех фамильных имениях. Автобиографии наполнены реалиями как городского, так и усадебного быта семьи Набоковых. В нашей работе мы взяли за основу только усадебную составляющую этого представительного корпуса реалий.

Усадебный мир Владимира Набокова — это своего рода «усадебный треугольник», который составляют фамильные поместья Выра, Батово и

Рождествено. Самой парадной была усадьба дяди писателя, Василия Рукавишникова (дяди Руки, как его называли дети Набоковы). Это имение Рождествено, владельцем которого и должен был впоследствии стать Владимир Набоков. Сегодня это музей-усадьба, как и особняк на Большой Морской в Петербурге. В Рождествено сохранились старинный «дремучий» парк и сад с редкими цветами и растениями, с оранжереями, урнами, парковыми скульптурами. Сохранился и дом с белыми колоннами «и по фасаду, и по антифронтону» [Набоков 1990: 164], построенный так, как «замки строиться должны», а внутри дома – мраморный пол, лиловые занавески, зеркальный предзальник с множеством фарфоровых кошек и пр.

Как правило, в усадьбах проводили лето, когда «ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память» [Набоков, 1990: 173]. Поэтому основной объем реалий, который мы рассматриваем, используется при описании летней усадьбы. Но зимняя усадьба также представлена в «Других берегах», и ее описания тоже насыщены реалиями: «валенки, и снеговики, и гигантские синие сосульки, свисающие с крыши красного амбара, и запах мороза и смолы, и гул печек» [Набоков 1990: 185].

А. А. Бабилов пишет: «Репортеры часто спрашивали Набокова, намерен ли он вновь побывать в России, и всякий раз получали отрицательный ответ, обоснованный его стойким убеждением, что вся Россия, которая ему нужна, и так при нем – литература, язык и его собственное русское детство» [Бабилов 2019: 800]. Это счастливое детство, его «драгоценности» писатель, по его словам, щедро «раздавал» персонажам своих книг, желая «как-нибудь отделаться от бремени этого богатства» [Набоков 1990: 119].

Первая попытка поделиться своими воспоминаниями с персонажем была предпринята В. Набоковым в процессе создания образа Ганина, героя романа «Машенька», написанного в 1926 г., то есть уже в эмигрантский период творчества, когда обстановка счастливого усадебного детства была безвозвратно утрачена, но еще очень отчетливо проступала в памяти. Англоязычная версия произведения создавалась значительно позже, в 1970 г. Это авторизованный (а не

авторский) перевод, который выполнялся в тесном взаимодействии с известным переводчиком М. Гленни. Параллель между текстами романа и автобиографии была ненамеренной. В предисловии к английскому изданию романа «Машенька» (“Mary”) В. Набоков отметил целый ряд неосознанных текстуальных совпадений между своими произведениями: «Мой первый роман... Читатель моих “Других берегов” (начатых в сороковых годах) не может не заметить некоторых совпадений между моими и ганинскими воспоминаниями. Его Машенька и моя Тамара – сестры-близнецы; тут те же дедовские парковые аллеи; через обе книги протекает та же Оредежь; и подлинная фотография Рождественского дома, каков он теперь (прекрасно воспроизведенная на обложке Пингвиновского издания “Speak, Memory”, 1969 г.), могла бы служить отличной иллюстрацией перрона с колоннами в “Воскресенске” из романа. Я не заглядывал в “Машеньку”, когда, спустя четверть века, писал двенадцатую главу автобиографии, а теперь, когда в нее заглянул, был поражен, что, несмотря на выдуманные эпизоды (как, например, с деревенским хулиганом или свидание среди светляков в безымянном городке), **настойка личной реальности** в романтизированном рассказе оказалась крепче, чем в строго-правдивом автобиографическом изложении» [Nabokov 1970].

Для воспроизведения этой «настойки личной реальности» на неродном языке Набокову было необходимо проявить высочайшее мастерство переводчика, литературный и переводческий билингвизм, на котором мы подробно остановились в первой главе диссертации.

Несмотря на то что первый вариант автобиографии был написан на английском языке, при отборе реалий мы опирались на русскоязычную версию «Другие берега», поскольку, как отмечает Жужи Хетини, венгерский литературовед и переводчик, автор книги «Сдвиги. Узоры прозы Набокова», память работает лучше на родном языке. Приведем ее слова: “From the complicated transformation how Nabokov’s memoirs in English entitled *Conclusive Evidence* (1951) (including a chapter on Mademoiselle O, written originally in French) were transformed through *Другие берега* into the second edition of *Speak, Memory!* (1967), I wish to underline a remark of the author from the foreword to this last one, allowing to understand that memory works more **deeply and more accurately** in his native

Russian” [Hetényi 2018: 50]. (После сложной трансформации мемуаров Набокова на английском языке под названием “*Conclusive Evidence*” (1951) (включая главу о мадемуазель О, первоначально написанную на французском языке), они были преобразованы через русскую версию «Другие берега» во вторую англоязычную версию “*Speak, Memory!*” (1967). В связи с этим я хочу обратить внимание на замечание автора из предисловия к этой последней книге, позволяющее понять, что память работает **глубже и точнее** на его родном русском языке).

Как уже было отмечено ранее, в ходе нашего исследования было отобрано около 285 реалий, среди которых 156 относятся к усадебному быту дореволюционной России. Эти цифры показывают, насколько разнообразен и обширен вещный (тварный) мир Владимира Набокова. К системе реалий такого детально проработанного мира, отраженного в тексте, применимо понятие «реаликон».

Во второй главе мы уже говорили о том, что Н. А. Фененко и ее коллеги из Воронежского университета внесли большой вклад в теорию реалий. Н. А. Фененко предложила и понятие «художественный реаликон». В своей работе [Фененко 2020] исследователь рассматривает национально-культурную специфику художественного текста. Н. А. Фененко подчеркивает, что проблема национального колорита текста начала разрабатываться именно в теории художественного перевода, став одной из центральных, поскольку перед переводчиком всегда стоит задача сохранения национального и исторического колорита переводимого текста (на эту задачу переводчиков указывали и С. Влахов и С. Флорин).

Н. А. Фененко, говоря о национально-культурной специфике текста, называет именно реалии маркерами данной специфики в создании национального колорита художественного текста, им, по словам исследователя, принадлежит особая роль в создании национально-культурного фона в тексте. В связи с этим она вводит понятие художественного реаликона, понимаемого «как совокупность реалий, которые функционируют в художественном тексте как единый системно-организованный идейно-эстетический и культурно значимый комплекс, участвующий в создании национального колорита текста» [Фененко 2020: 95]. Автор подчеркивает, что «художественный реаликон отражает не только

национальную картину мира, фрагментом которой выступает данный текст, но и художественную модель мира его автора» [Фененко 2020: 103].

В совместной работе Н. А. Фененко и С. Ю. Буряковой [Фененко, Бурякова 2024] анализируется реаликон текстов И. А. Бунина (повести «Деревня» и рассказа «Косцы»). Авторы подчеркивают, что в своем исследовании они используют максимально широкое понимание реалии и поэтому включают в реаликон не только лексические единицы, являющиеся именами артефактов (предметов быта, одежды, еды) и натурфактов (фактов природной среды), но и факты духовной культуры (обычаи, традиции и верования). При таком подходе в реаликон включаются фольклорные герои и образы, литературные персонажи и сами литературные произведения. Так, авторы данной работы включают в реаликон повести «Деревня» И. А. Бунина реалии русского быта, реалии-традиции и праздники, религиозные реалии, а также реалии-просторечия, аллюзивные реалии и исторические реалии.

Мы согласны с авторами данной работы в том, что «понятие художественного реаликона логично встраивается в терминологическую парадигму таких категорий лингвистики текста, как художественный ономастикон, художественный антропонимикон, и содержит значительный потенциал для текстологических исследований, направленных на системное описание средств создания национального и временного колорита текста, а также возможностей его сохранения при переводе» [Фененко, Бурякова 2024: 82]. Как нам представляется, опыт Н. А. Фененко и С. Ю. Буряковой имеет несомненную ценность и для нашего исследования.

В исследовании сделана попытка представить своего рода реаликон усадебных реалий автобиографии В. Набокова в ее русской («Другие берега») и английской (“Speak, Memory. An Autobiography Revisited”) версиях. Работа включала в себя несколько этапов. На первом из них был рассмотрен выявленный нами корпус реалий произведения «Другие берега», из него методом сплошной выборки были отобраны реалии, относящиеся к усадебному миру писателя (при этом мы, как и Н. А. Фененко и С. Ю. Бурякова, понимаем термин «реалия» в самом широком его

значении. Как отмечалось выше, именно такое понимание отражено в дефиниции, приводимой Л. Л. Нелюбиным в «Толковом переводческом словаре»).

Отобранные для анализа реалии усадебного пространства позволили нам уточнить и дополнить первоначальную модель усадебного пространства, которую мы планировали использовать для классификации реалий (см. главу 2). На Рисунке 2 представлена модель усадебного пространства, построенная нами на основе анализа приведенных выше определений понятий «усадьба» и «усадебное пространство», а также описаний усадебного пространства в исследовательских работах.

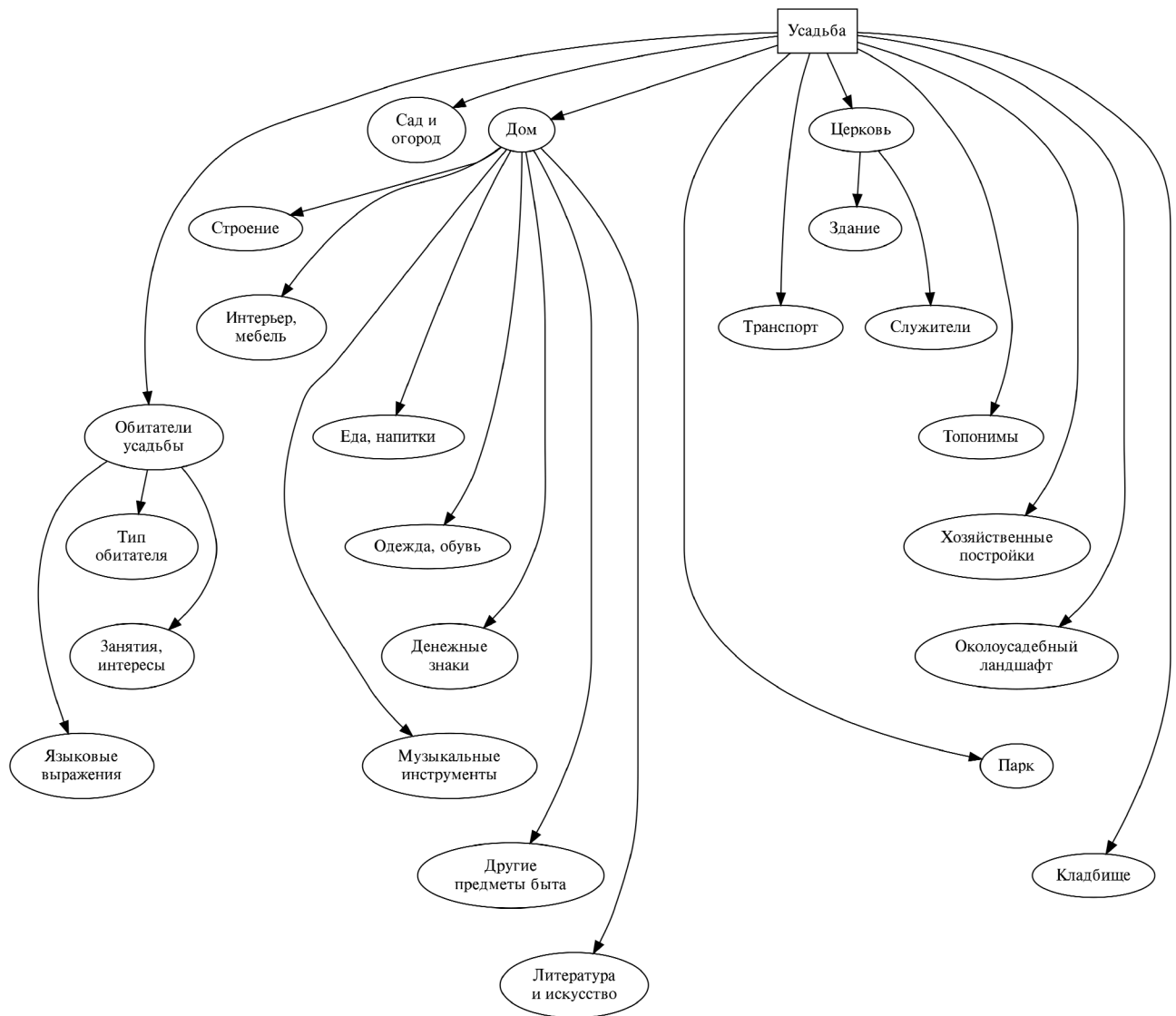

Рисунок 2 – Классификация русскоязычных усадебных реалий в автобиографическом произведении В. Набокова «Другие берега»

Данная модель является по своей структуре иерархической, что и нашло отражение в ее визуализации. Именно ее мы использовали для дальнейшей тематической классификации отобранных реалий.

Полученную нами классификацию мы использовали в процессе анализа исходных реалий, а также для сравнительного анализа способов их передачи. Кроме того, на основании классификации была создана база данных реалий автобиографической прозы Владимира Набокова (свидетельство о государственной регистрации № 2025622282). База данных размещена в сети Интернет и доступна по ссылке <https://clck.ru/3F2qUn>. Доступ к базе с мобильных устройств осуществляется с помощью QR-кода, размещенного в Приложении 1.

Данная модель, как уже отмечалось, легла в основу нашей классификации реалий, их распределения по тематическим группам. Очевидно, что в некоторых случаях достаточно трудно однозначно отнести реалию к той или иной группе (например, «цыганская скрипка» – это категория «занятия, интересы» обитателей усадьбы или часть категории «музыкальные инструменты»), но в целом модель, на наш взгляд, делает возможным представить объективную картину усадебного мира В. Набокова, его реаликон.

Количественное и процентное распределение выявленных нами реалий усадебного пространства по тематическим группам (в соответствии с предложенной моделью) представлено на Рисунке 3.

Отбор, анализ и классификация русскоязычных усадебных реалий составляли первую часть нашего исследования. На втором этапе мы провели сравнительный анализ тех способов передачи усадебных реалий, которые были использованы В. Набоковым в тексте “*Speak, Memory. An Autobiography Revisited*”. Сохранить при переводе атмосферу усадебного мира, воссозданного в тексте с помощью реалий, было крайне важно для писателя. «Нам представляется, что в процессе авторского перевода В. Набоков особенно сильно ощутил неразрывность культуры и языка, поскольку языковая картина, которая сложилась у писателя в детстве, должна была рассматриваться в зеркале иностранного языка, что не могло не вызвать определенного языкового конфликта в сознании Владимира Набокова как автора и переводчика.

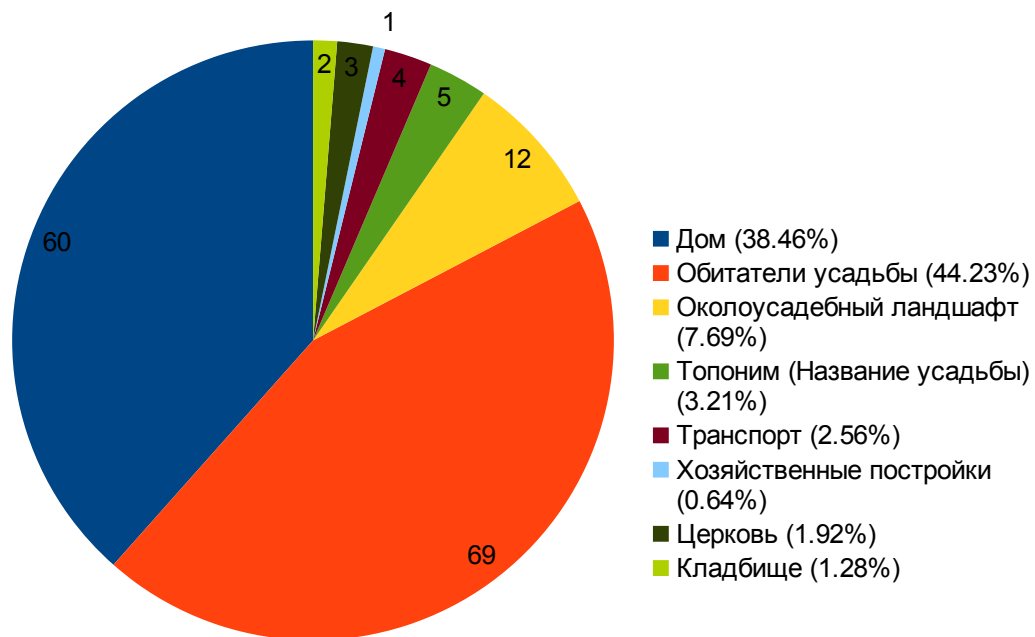

Рисунок 3 – Распределение русскоязычных усадебных реалий по тематическим группам

Переписка В. Набокова свидетельствует, что автоперевод порой был для него напряженным и мучительным процессом. «Ужасная вещь – переводить себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку, и чувствуя в лучшем словаре не друга, а вражеский стан», – признавался В. Набоков в письме к Зинаиде Шаховской [Шаховская 1991]» [Курушин 2023а: 29].

В следующем параграфе рассмотрим проблему, связанную с межъязыковой передачей реалий в ситуации автоперевода.

3.2. Реалии в автоперевode В. Набокова

В историю мировой литературы В. Набоков вошел как выдающийся писатель-билингв, как переводчик чужих и собственных текстов и как теоретик перевода. Он так охарактеризовал соотношение русского и английского языков в своем творчестве: «Русский и английский годами пребывали в моем сознании в виде двух отдельных миров <...> Я остро сознавал синтаксическую пропасть, разделяющую структуры их предложений» [Набоков 2010: 163–164]. Однако этим «отдельным мирам» все же суждено было встретиться, когда Набоков начал переводить собственные произведения.

Как отмечалось в первой главе, в случае автоперевода нет проблемы понимания исходного текста, однако, как писал В. Набоков, автоперевод – это «дьявольски трудная задача», поскольку при ее решении остро встает проблема поиска средств самовыражения на втором языке, появляется необходимость «вписать свой собственный текст в матрицу другого языка, а это не может не вести к определенным жертвам и потерям» [Курушин 2017: 16].

Сущность автоперевода, как уже отмечалось, точно определила исследовательница творчества русских писателей-билингвов Е. Beaujour, которая рассматривала тексты оригинала и автоперевода как “avatars of a hypothetical total text” [Beaujour 1989: 112] (*воплощения одного гипотетического текста*). Двухязычную автобиографию В. Набокова исследовательница называет “linguistically chameleonic autobiography” («лингвистическим хамелеоном») [Там же].

В. Набоков выступал не только переводчиком-практиком, работавшим как с чужими, так и со своими произведениями. Он много размышлял о переводе как теоретик, был автором ряда трудов, направленных на изложение собственной концепции перевода. Работы “The Servile Path”, “Problems of Translation”, “Onegin in English”, «Искусство перевода», предисловие к собственному переводу «Героя нашего времени» содержат немало новых для того времени наблюдений и выводов. Анализируя ошибки переводчика, В. Набоков отмечает: «Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по **незнанию или непониманию**» [Набоков 2016: 103]. (*Выд. наше – Д. К.*).

Безусловно, в случае автоперевода подобные ошибки исключены. Но возникает другая проблема, связанная с тем, что автор-переводчик более остро ощущает несовпадение культурных кодов в исходном языке и языке перевода. В связи с этим важной составляющей процесса автоперевода является использование приемов делакунизации, позволяющих бережно сохранить культурные смыслы оригинала.

Для В. Набокова как переводчика автобиографического текста характерно стремление к существенной переработке исходного варианта, в том числе и в области передачи реалий. Это вполне объяснимо. С. Влахов и С. Флорин

отмечают, что «с точки зрения теории перевода особенно интересны те случаи, когда переводчиком произведения является сам автор. Два момента отличают такого переводчика от обычного. Будучи полновластным хозяином своего произведения, не ограниченным в своей переводческой деятельности никакими чисто переводческими установками, он волен переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и любой степени, менять композицию, образы и средства выражения, пренебрегая чуть ли не любой рекомендацией теоретиков перевода» [Влахов, Флорин 2012: 168].

Говоря далее о возможностях автоперевода, они подчеркивают: «В этом отношении в автопереводе намечаются две противоположные тенденции: сохранить и даже, по мере возможности, подчеркнуть национальную специфику произведения, или же, наоборот, за счет тех или иных деталей ослабляя в некоторой степени интенсивность национальной окраски, надежнее довести до сознания иноязычного читателя идейную основу и фабулу произведения. Практически это выражается в сохранении (транскрипции) реалий или в их замене неокрашенными средствами» [Там же: 169].

Сравнению приемов межъязыковой передачи культурно-исторических реалий в разных видах перевода посвящено исследование И. А. Самохиной «Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста» (2012), выполненное на материале трех видов перевода текстов В. Набокова – традиционного, авторизованного и авторского. Данная работа выполнена в русле филологической герменевтики, разрабатываемой Тверской школой, основанной Г. И. Богиным. Соответственно, приемы передачи реалий в трех видах перевода рассматриваются и оцениваются И. А. Самохиной с точки зрения рецепции переводного текста. Мы такой задачи перед собой не ставили: в данном исследовании анализировали переводческие решения, принимаемые писателем-переводчиком для передачи реалий усадебного пространства, а не рецепцию текста, переведенного с использованием этих приемов.

Исходя из того, что для нас самым важным является именно способ передачи реалий, во время проведения второго этапа исследования отобранные

нами примеры классифицировали не по типам реалий, **а по приемам их передачи на английский язык**. Ниже приведены Таблицы 4–14, в каждой из которых представлен тот или иной прием перевода, а также даны реалии из русскоязычного текста автобиографии В. Набокова, их переводные соответствия из англоязычного текста автобиографии, указаны тип реалий и прием перевода.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу примеров, считаем нужным еще раз подчеркнуть, что В. Набоков, будучи билингом, знавшим обе лингвокультуры, при передаче реалий использовал те приемы передачи реалий, которые, по-видимому, на его взгляд, могли создать наиболее точное представление об исходной реалии средствами другого (английского) языка.

В результате анализа параллельного корпуса усадебных реалий все приемы в соответствии с классификациями, имеющимися в переводоведческой литературе (см.: [Алексеева 2007]), были нами разделены на **простые и комбинированные**.

Начнем с описания **простых приемов**. К ним были отнесены *родовидовая замена (генерализация, конкретизация), функциональный аналог, замена, добавление, опущение, калькирование (калька и полукалька), перевод (прямой и приблизительный), транслитерация, объяснение, использование исходной формы*. Перечисленные приемы хорошо известны и описаны в соответствующих исследованиях, в частности, в работах М. Л. Алексеевой (2007, 2008). Но, как уже было показано в примерах выше, Набоков как автор-переводчик прибегал и к не очень типичным для передачи реалий приемам, таким как использование исходной формы или использование третьего языка (немецкого и французского).

Ниже приведем примеры простых приемов, выявленных в ходе сопоставительного анализа русскоязычной и англоязычных версий автобиографии В. Набокова. Анализируемый материал представлен следующим образом: сначала приводится диаграмма с указанием **групп реалий**, при передаче которых использовался тот или иной прием, за ней следует таблица с текстовыми примерами и последующим комментарием.

1. **Функциональный аналог** (17,07 %), т. е. замена, которая позволяет вызвать у читателя перевода реакцию, аналогичную реакции читателя исходного

текста (*хумор – Ukrainian hamlet*). Отметим, что данный прием использовался Набоковым достаточно часто (Рисунок 4).

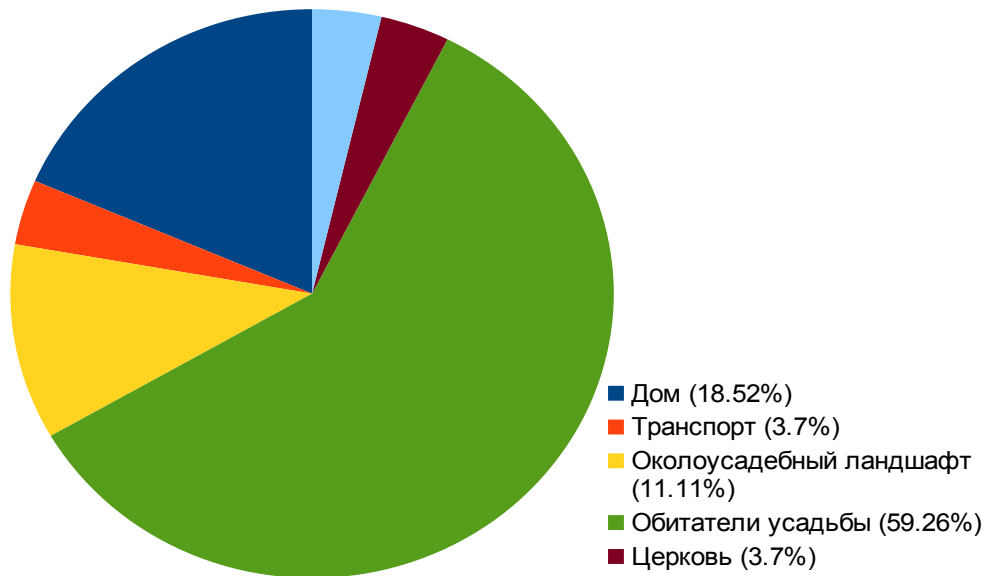

Рисунок 4 – Функциональный аналог

В вышеприведенных примерах наиболее интересными мы считаем примеры с русскими словами «буфетчик» и «парк».

1) «... **буфетчик** Алексей наклонялся с удрученным видом к отцу» [Набоков 1990: 144]. – “... Aleksey, **the butler**, with an unhappy expression on his face” [Nabokov 2016: 24].

Для сравнения исходной и переводной лексических единиц, именующих реалии, мы обратились к словарным дефинициям.

Так, **буфетчик** – это «работник, обслуживающий буфет» [Словарь русского языка... 1999], в то время как **butler** – это “the chief male servant of a household who has charge of other employees, receives guests, directs the serving of meals, and performs various personal services” [Merriam-Webster... 2024].

Как видно из приведенных дефиниций, русское и английское слова, обозначающие реалии, не совпадают по своему значению: английский «дворецкий» (*butler*) имеет более высокий статус в иерархии слуг, работающих в усадьбе. Очевидно, что использование функционального аналога вызвано отсутствием в английском языке точного соответствия и В. Набоков, называя буфетчика “*butler*”, подчеркивает значимость данного обитателя усадьбы в семье писателя.

Таблица 4 – Функциональный аналог

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«... буфетчик Алексей наклонялся с удрученным видом к отцу...» [Набоков 1990: 144]	“... Aleksey, the butler , with an unhappy expression on his face...” [Nabokov 2016: 24]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
2	«Туда заходили лоси, что менее сердило нашего сторожа Ивана... » [Набоков 1990: 210]	“... would drive our hoary gamekeeper Ivan crazy by scrawling ribald words on the benches and gates” [Nabokov 2016: 107]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
3	«... с песчаными проплешинами да сиреневыми кустами вдоль замшелых изб... » [Набоков 1990: 143]	“... with bald patches of sandy soil, between the road and the lilac bushes behind which walled, mossy log cabins stood in a rickety row...” [Nabokov 2016: 25]	Околоусадебный ландшафт
4	«... которая переехала на юг и жила на хуторе... » [Набоков 1990: 268]	“... was living in a Ukrainian hamlet... ” [Nabokov 2016: 188]	Околоусадебный ландшафт
5	«... он вдруг оказался страстным собачником: то и дело в течение дня улучал минуту, чтобы посетить псарню... » [Набоков 1990: 227]	“At odd moments during the day, he would sneak off to the kennels in order to feed and cajole our chained watchdogs...” [Nabokov 2016: 124]	Хозяйственные постройки
6	«На том месте, где сидит очередной гувернер... » [Набоков 1990: 236]	“In the place where my current tutor sits, there is a changeful image, a succession of fade-ins and fade-outs...” [Nabokov 2016: 134]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
7	«... сберегавшую лай до того мгновения, когда она очутится вровень с коляской... » [Набоков 1990: 144]	“... saving his voice for the brief outburst he would enjoy when his muted spurt would at last bring him close to the speeding carriage... ” [Nabokov 2016: 25]	Транспорт
8	«... на которой скрещивались бридочки его вязаных, темно-синих штанишек...» [Набоков 1990: 298]	“... his bare back crisscrossed by the shoulder straps of his knitted navy-blue shorts...” [Nabokov 2016: 232]	Дом (одежда)
9	«... лениво вытянувшаяся с раскрытой ладонью в ожидании чего-то – быть может, щипцов для орехов... » [Набоков 1990: 236]	“... in lazy expectancy of something – perhaps the nutcracker... ” [Nabokov 2016: 134]	Дом (предмет быта)
10	«... на которой скрещивались бридочки его вязаных, темно-синих штанишек... » [Набоков 1990: 298]	“... his bare back crisscrossed by the shoulder straps of his knitted navy-blue shorts... ” [Nabokov 2016: 232]	Дом (одежда)
11	« Парк , отделявший усадьбу от полей и лесов...» [Набоков 1990: 210]	“ The “English” park that separated our house from the hayfields...” [Nabokov 2016: 107]	Околоусадебный ландшафт

Известно, что в англо-саксонской культуре *butler* – весьма значимая фигура (“the **chief male servant** of a household”), как правило, более всех приближенная к хозяину дома, к его семье. Представляется, что в русской усадебной культуре ему в определенный степени соответствует «управляющий имением».

2) «**Парк**, отделявший усадьбу от полей и лесов, был дик и дремуч в приречной своей части» [Набоков 1990: 210]. – “**The “English” park** that separated our house from the hayfields” [Nabokov 2016: 107].

В данном примере обычный усадебный «парк», о котором идет речь в «Других берегах», превращается в «английский парк» при переходе в “Speak, Memory”. Вероятно, замена произошла как продолжение уже присутствующей в оригинале темы описания «английского» образа жизни семьи Набоковых, контрастирующего с их русским окружением (или, наоборот, дополняемого им). Возможно, В. Набоков так хотел и подчеркнуть, что это был именно «английский» (то есть не регулярный) парк, который отличается от «французского» (регулярного).

2. Прямой / приблизительный перевод (26,02 %), определяемый М. Л. Алексеевой как «перевод, предполагающий небольшие изменения в семантике лексемы языка перевода под влиянием контекста» [Алексеева 2007: 65] (*розовая церковь – rosy-red church*) (Рисунок 5).

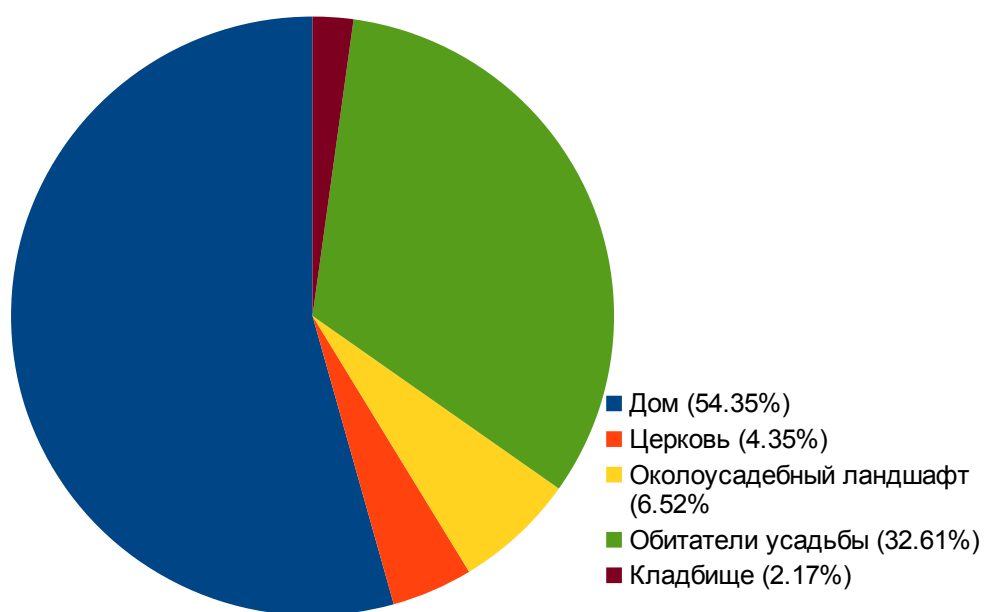

Рисунок 5 – Прямой / приблизительный перевод

Таблица 5 – Прямой / приблизительный перевод

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«Мать в вуали, в котиковой шубе, поднимала муфту к лицу...» [Набоков 1990: 149]	“I saw my mother’s seal furs and, as the icy speed increased, the muff she raised to her face...” [Nabokov 2016: 31]	Дом (одежда)
2	«... через рукав Оредежи, другой холм, с липами, розовой церковью... » [Набоков 1990: 143]	“the linden-treed hill with its rosy-red church... ” [Nabokov 2016: 25]	Церковь (здание)
3	«Ее русский словарь состоял из одного короткого слова...» [Набоков 1990: 186]	“Her Russian vocabulary consisted, I know, of one short word...” [Nabokov 2016: 77]	Дом (денежные знаки)
4	«Мать любила и всякие другие игры, особенно же головоломки и карты... » [Набоков 1990: 151]	“She loved all games of skill and gambling... ” [Nabokov 2016: 35]	Обитатели усадьбы (занятия и интересы)
5	«В кружевных митенках , пышном шелковом пеньюаре...» [Набоков 1990: 224]	“In a flowing silk gown and net mitts , a period piece rather than a live person...” [Nabokov 2016: 121]	Дом (одежда)
6	«...с липами, розовой церковью, мраморным склепом Рукавишниковых...» [Набоков 1990: 143]	“... the linden-treed hill with its rosy-red church and marble mausoleum where my mother’s dead reposed...” [Nabokov 2016: 25]	Кладбище
7	«... постепенно складывалась на ломберном столе картина из английской охотничьей жизни... » [Набоков 1990: 151]	“... the thousand bits of a jigsaw puzzle gradually formed an English hunting scene... ” [Nabokov 2016: 35]	Обитатели усадьбы (занятия и интересы)
8	«Истомленные приключениями в вырском чапаррале , мы ложились на траву и говорили о женщинах...» [Набоков 1990: 250]	“Exhausted by our adventures in the chaparral , we lay on the grass and discussed women...” [Nabokov 2016: 158]	Околоусадебный ландшафт
9	«В доме было пять ванных комнат... » [Набоков 1990: 179]	“There were five bathrooms in our country house...” [Nabokov 2016: 67]	Дом (помещение)
10	«...переименовать своего кучера Петра в Льва...» [Набоков 1990: 167]	“... he changed his coachman’s name from Pyotr to Lev...” [Nabokov 2016: 57]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)

Прокомментируем некоторые примеры:

1) «... через рукав Оредежи, другой холм, с липами, **розовой церковью...**» [Набоков 1990: 143]. – “...the linden-treed hill with its **rosy-red church...**” [Nabokov 2016: 25].

При описании усадебного пространства своей семьи для Владимира Набокова важны не только усадьба и ее обитатели, но и окружающее пространство. Важной частью околоусадебного пространства была церковь.

Для передачи этого понятия, знакомого англоязычной аудитории, В. Набоков не вносит лишних деталей, не перегружает текст перевода, не акцентирует внимание на том, что это именно православная церковь, а использует распространенное понятие “church”, сохраняя цвет храма в обеих версиях автобиографии.

2) «В **кружевных митенках**, пышном шелковом пеньюаре...» [Набоков 1990: 224]. – “In a flowing silk gown and **net mitts**, a period piece rather than a live person...” [Nabokov 2016: 121].

В тексте «Других берегов» много реалий, относящихся к классу «одежда», которые частично передаются прямым/приблизительным переводом, о чем и свидетельствует вышеприведенный пример: «кружевные митенки» успешно передаются как “net mitts”, в данном случае обе реалии имеют одно и то же референциальное значение, что и подтверждается словарными дефинициями: *митенки* – «женские перчатки без пальцев» [Словарь русского языка... 1999]; *net mitts* – “a woman's glove that leaves the fingers uncovered” [Merriam-Webster... 2024].

3. Транслитерация (6,5 %), т. е. «взаимно-однозначная обратимая система соответствий букв одного алфавита буквам другого (например, кириллицы и латиницы) без ориентации на какой-то конкретный язык [Алексеева 2007: 75] (*закуски* – *zakuski*) (Рисунок 6).

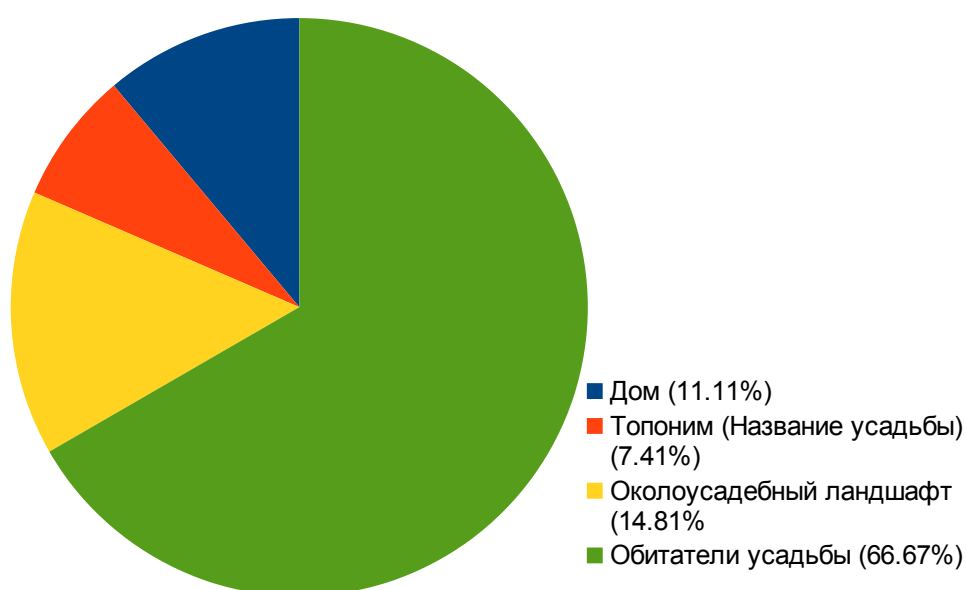

Рисунок 6 – Транслитерация

Таблица 6 – Транслитерация

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«Он жаловался моей матери, что мы с братом – иностранцы, барчуки, снобы , и патологически равнодушны к Гончарову...» [Набоков 1990: 229]	“He complained to my mother that Sergey and I were little foreigners, freaks, fops, <i>snobi</i> , “pathologically indifferent,” as he put it, to Goncharov...” [Nabokov 2016: 126]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
2	«... которую бабушка, зимовавшая в своем Батове , по бестактности сочла нужным послать нам...» [Набоков 1990: 224]	“... my tactless grandmother (who was wintering at Batovo)...” [Nabokov 2016: 121]	Топоним (название усадьбы)
3	«К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусочек , музыки – и задушевных бесед...» [Набоков 1990: 288]	“I detest crowds, harried waiters, Bohemians, vermouthe concoctions, coffee, <i>zakuski</i> , floor shows and so forth...” [Nabokov 2016: 219]	Дом (еда)
4	«... это был в сущности очень чистый, порядочный человек, тяжеловесные “ диктанты ” которого я до сих пор помню...» [Набоков 1990: 164]	“... he was, really, a very pure, very decent human being, whose private principles were as strict as his grammar and whose bracing <i>diktanti</i> I recall with joy...” [Nabokov 2016: 133]	Обитатели усадьбы (занятия и интересы)
5	«... оттуда доносилось учтивое жужжанье, невидимая гурьба приветствовала барина ...» [Набоков 1990: 144]	“...the butler, with an unhappy expression on his face, would bend over and inform my father in a low voice (especially low if we had company) that a group of villagers wanted to see the <i>barin</i> outside...” [Nabokov 2016: 26]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)

Рассмотрим примеры транслитерации более подробно.

1) «Он жаловался моей матери, что мы с братом-иностранцы, барчуки, **снобы**, и патологически равнодушны к Гончарову...» [Набоков 1990: 229]. – “He complained to my mother that Sergey and I were little foreigners, freaks, fops, *snobi*, “pathologically indifferent,” as he put it, to Goncharov...” [Nabokov 2016: 126].

Несмотря на наличие в английском языке слова “snobs”, которое полностью передает слово «снобы», В. Набоков передает транслитерировать его как *snobi*, передавая особенность произношения своего гувернера. Нам представляется, что так автор-переводчик пытался сделать образ живее и ярче.

2) «... которую бабушка, зимовавшая в своем **Батове**, по бестактности сочла нужным послать нам...» [Набоков 1990: 224]. – “... my tactless grandmother (who was wintering at **Batovo**)...” [Nabokov 2016: 121].

Важной частью мемуаров В. Набокова является время, проведенное им в имениях его семьи: Рождествено, Выре и Батово. В тексте “Speak, Memory” можно встретить ряд вариаций для передачи слова «имение» – estate, manor house, country house. Но названия каждого из этих мест были важны для автора-переводчика, и он передавал их написание и произношение с помощью транслитерации, как в данном примере с Батово / Batovo.

4. Замена (8,13 %), т. е. «использование слов родного языка, означающих нечто близкое или похожее по функции, хотя бы и не абсолютно тождественное» [Федоров, 2002: 212] (*ельник – park*) (Рисунок 7).

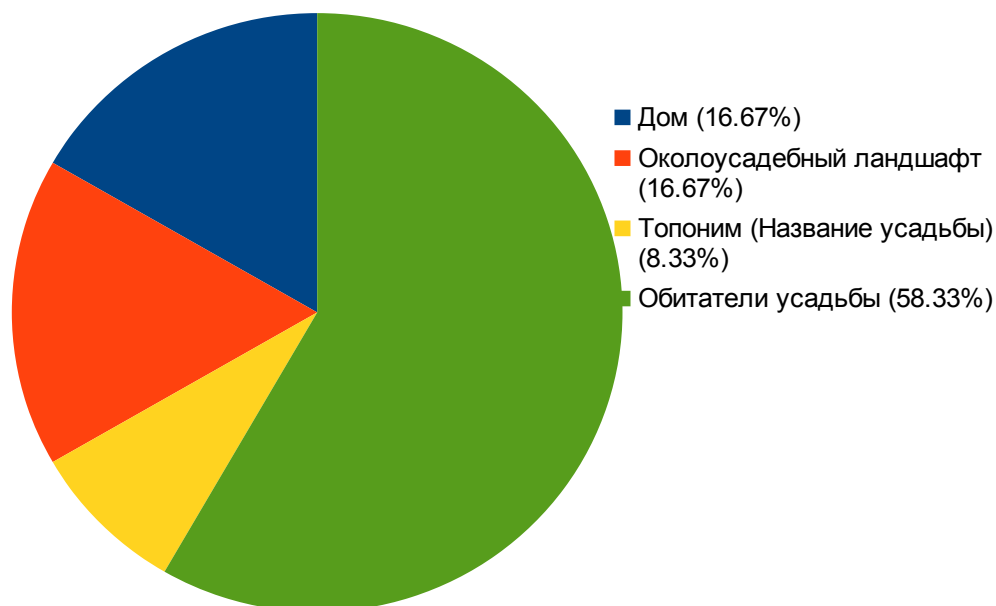

Рисунок 7 – Замена

Из вышеприведенных примеров прокомментируем три:

1) «... дядин **управляющий Евсей** почтительно мне об этом доложил, и я пожаловался матери» [Набоков 1990: 260]. – “... my uncle’s purple-nosed **old gardener Apostolski** (incidentally, a great tumbler of weeding-girls) who very kindly reported it to my mother” [Nabokov 2016: 179].

Реалии, относящиеся к обитателям усадьбы, В. Набоков, как правило, передает достаточно точно. Однако наблюдаются интересные исключения. Например, «**управляющий**» превращается в “**gardener**” (садовника). Помимо того, что у «управляющего» есть английские аналоги, такие как “manager” или “steward”,

решение кажется странным, поскольку роли садовника и управляющего значительно отличаются в обоих лингвокультурах. Мы можем только предположить, что смена произошла благодаря добавлению “purple-nosed” к описанию Евсея, и тем самым В. Набоков создает образ выпивающего слуги, который отсутствовал в оригинале.

Таблица 7 – Замена

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«... дядин управляющий Евсей почтительно мне об этом доложил, и я пожаловался матери...» [Набоков 1990: 260]	“... my uncle’s purple-nosed old gardener Apostolski (incidentally, a great tumbler of weeding-girls) who very kindly reported it to my mother...” [Nabokov 2016: 179]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
2	« Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно: есть солнце – будут и бабочки...» [Набоков 1990: 201]	“ From the age of seven , everything I felt in connection with a rectangle of framed sunlight was dominated by a single passion...” [Nabokov 2016: 94]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
3	«Дважды, трижды он возносился, под уханье и ура незримых качалыщиков... » [Набоков 1990: 144]	“Thrice, to the mighty heave-ho of his invisible tossers , he would fly up in this fashion...” [Nabokov 2016: 27]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
4	«... удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе... » [Набоков 1990: 288]	“There are few things in modern world poetry comparable to the poems of his Heavy Lyre... ” [Nabokov 2016: 219]	Дом (литература и искусство)
5	«... тот самый Устин, который был швейцаром у нас в Петербурге, но почему-то оказался тем летом в Выре...» [Набоков 1990: 202]	“Agile Ustin, our town-house janitor , who for a comic reason (explained elsewhere) happened to be that summer in the country with us...” [Nabokov 2016: 94]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)

2) «... тот самый Устин, который был **швейцаром** у нас в Петербурге, но почему-то оказался тем летом в Выре» [Набоков 1990: 202]. – “Agile Ustin, our **town-house janitor**, who for a comic reason (explained elsewhere) happened to be that summer in the country with us” [Nabokov 2016: 94].

Здесь тоже мы видим изменение статуса обитателя усадьбы: в русской версии это столичный «швейцар», в английской он «уборщик». Очевидно, что их функции и место в иерархии слуг не совпадают. Приведем словарные дефиниции: швейцар – «сторож у дверей в подъездах гостиниц, ресторанов, учреждений и жилых домов» [Словарь русского языка... 1999], janitor – “one who keeps the premises of a building (such as an apartment or office) clean, tends the heating system, and makes minor repairs” [Merriam-Webster... 2024]. В данном случае можно

считать, что в английской версии автобиографии происходит определенное снижение статуса данного обитателя усадьбы.

3) «Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно: есть солнце – будут и бабочки» [Набоков 1990: 201]. – “**From the age of seven**, everything I felt in connection with a rectangle of framed sunlight was dominated by a single passion” [Nabokov 2016: 94].

Учитывая количество необычных, авторских слов, которые переданы на английский в транслитерированной форме с переводом и комментарием, любопытно посмотреть этот пример, где очень выразительное слово «сыздетства» превращается в обычное «с семи лет».

5. Опускание (14,63 %) – это ситуация, при которой перевод как таковой отсутствует. Говоря в целом о приемах передачи реалий, нужно отметить, что не все усадебные реалии из «Других берегов» нашли отражение в английском тексте, т.е. В. Набоков использует такой прием, как опускание (*ландолет* – (-)) (Рисунок 8).

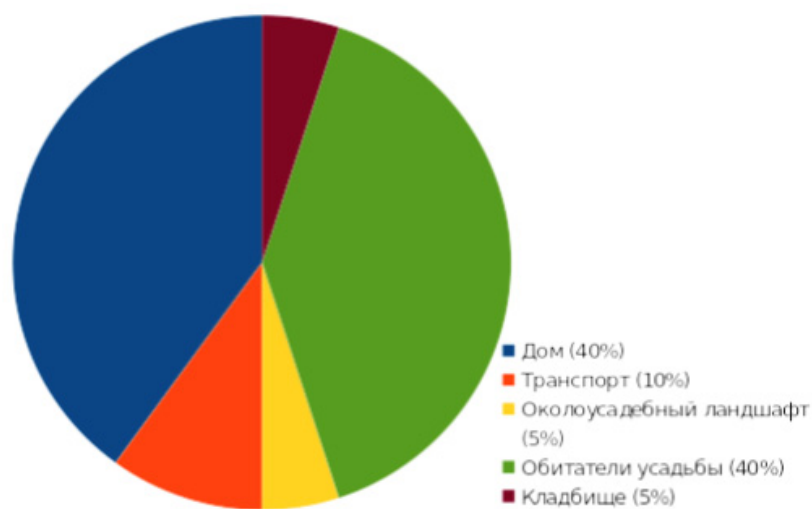

Рисунок 8 – Опускание

Прокомментируем несколько примеров.

1) «Зима, среди которой она приехала к нам, была единственной, проведенной нами в деревне, и все было ново и весело – **и валенки, и снеговики, и гигантские синие сосульки, свисающие с крыши красного амбара, и запах мороза и смолы, и гул печек в комнатах усадьбы, где в разных приятных занятиях тихо кончалось бурное царство мисс Робинсон**» [Набоков 1990: 185]. –

“That winter of 1905–1906, when Mademoiselle arrived from Switzerland, was the only one of my childhood that I spent in the country” [Nabokov 2016: 77].

Таблица 8 – Опускание

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«Зима, среди которой она приехала к нам, была единственной, проведенной нами в деревне, и все было ново и весело – и валенки, и снеговики, и гигантские синие сосульки, свисающие с крыши красного амбара, и запах мороза и смолы, и гул печек в комнатах усадьбы, где в разных приятных занятиях тихо кончалось бурное царство мисс Робинсон... » [Набоков 1990: 185]	“That winter of 1905–1906, when Mademoiselle arrived from Switzerland, was the only one of my childhood that I spent in the country...” [Nabokov 2016: 77]	Дом (интерьер)
2	«Набокова говорила уже совсем по старинке: аглицки... » [Набоков 1990: 173]	(-)	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
3	«Из Батова в тарантасах и шарабанах приезжали Набоковы, Лярские, Рауши, из Рождествена — Василий Иванович, держась за кушак кучера...» [Набоков 1990: 196]	“The ancient lady, skipping one generation, naïvely mistook Elena for our mother, then a girl of eighteen, who used to drive up with Mlle Golay from Vyra to Batovo...” [Nabokov 2016: 93]	Транспорт
4	«Запоминались навек длинные сапоги, картуз и расстегнутая жилетка садовника , подпирающего зелеными шестиками пионы...» [Набоков 1990: 191]	“ Egor was pottering among the peonies...” [Nabokov 2016: 83]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
5	«... с заросшего дикой малиной старого кладбища... » [Набоков 1990: 258]	(-)	Кладбище
6	«Первый из них состоял под управлением кроткого бледнолицего шофера Волкова; это был мышиного цвета ландолет... » [Набоков 1990: 238]	(-)	Транспорт

Данный пример насыщен усадебными реалиями, передающими быт и саму атмосферу русской усадьбы зимой. Однако в английской версии практически весь этот эпизод сведен к фразе «Зимой 1905-6, когда Мадмуазель О прибыла из Швейцарии», а такие реалии, как «валенки», «снеговики», «запах мороза и смолы», «гул печек в комнатах усадьбы» и даже «бурное царство мисс Робинсон», опущены.

2) «Запоминались навек **длинные сапоги, картуз и расстегнутая жилетка садовника**, подпирающего зелеными шестиками пионы» [Набоков 1990: 191]. – “**Egor** was pottering among the peonies” [Nabokov 2016: 83].

Как показали предыдущие примеры, описание одежды является очень важным для Владимира Набокова, особенно для создания и передачи образов жителей усадьбы, окружавших его в детстве. В связи с этим необычно смотрится данный пример, где описание одежды полностью опускается, вместо одежды садовника называется лишь его имя.

Данные примеры показывают, что В. Набоков не всегда считал необходимым передавать каждую реалию, присутствующую в его русскоязычном тексте. В случае традиционного перевода это можно было бы рассматривать как «переводческий грех» (причем, по мнению самого Владимира Набокова) [Набоков 2016: 440], но в случае автоперевода переводчик имеет право на такие отступления от оригинала. Поскольку в автопереводе исчезает проблема понимания и осознания значимости произведения, можно предположить, что В. Набоков намеренно акцентировал внимание не на этих эпизодах, так как передать речь матери или звучные русские слова для него было важнее, чем описать одежду садовника.

К сожалению, данное предположение проверить мы не можем, но можно однозначно сказать, что опущения в переводах Владимира Набокова – это скорее исключения, которые подтверждают правило. В целом В. Набоков стремился к максимальному представлению русских реалий в англоязычном тексте.

6–7. Калькирование / полукалькирование (4.07 %). **Калька** – пословная и даже поморфемная передача имени оригинальной реалии («Хозяин и Работник» – “*Master and man*”). При **полукальке** калькируется не вся языковая единица, а лишь часть ее, другую же часть реалии передают с использованием транскрипции или транслитерации (*клеверным краном по белому кретону* – *cretonne-covered divan*) (Рисунки 9, 10).

Прокомментируем первый из примеров:

1) «... сто или двести **рублей**...» [Набоков 1990: 233]. – “... the token sum of one hundred **rubles** (about as many dollars of the present time) ...” [Nabokov 2016: 136].

Одной из неотъемлемых реалий любой социальной среды являются денежные единицы. Из-за того, что в разных странах в разное время валюты не соотносились 1 : 1, В. Набоков использует приемлемое в англоязычной среде слово “ruble”, но уточняет, что в тот период количество рублей и долларов было соотноσιμο.

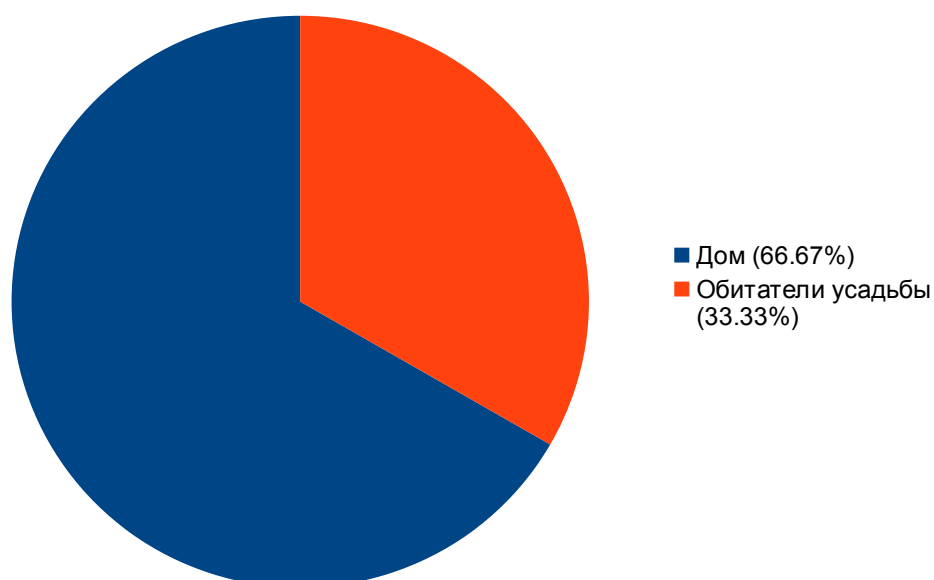

Рисунок 9 – Калька

Таблица 9 – Калька

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«... сто или двести рублей... » [Набоков 1990: 233]	“... the token sum of one hundred rubles (about as many dollars of the present time)...” [Nabokov 2016: 136]	Дом (денежные знаки)
2	«... т. е. портрет, составленный из печатного текста, в данном случае «Хозяина и Работника»... » [Набоков 1990: 223]	“A complete Tolstoy story (“ Master and Man ”) had gone to make its author’s bearded face...” [Nabokov 2016: 121]	Дом (литература и искусство)
3	«... цветная бабочка в шелку , порхать, шуршать и трепетать по...» [Набоков 1990: 202]	“... And there will fly into the room A colored butterfly in silk To flutter, rustle and pit-pat...” [Nabokov 2016: 101]	Обитатели усадьбы (занятия и интересы)

Прокомментируем приведенные примеры:

1) «Передо мной встает **большой диван, с клеверным крапом** по белому кретону...» [Набоков 1990: 138]. – “A **big cretonne-covered divan**, with black trefoils...” [Nabokov 2016: 20].

В этом примере клевер превратился в трилистник, что является другой разновидностью растения, но кретон (ткань для обивки) остался кретоном. Как уже упоминалось, оба слова – «диван» и “divan” – являются заимствованиями из турецкого и одинаково передают атмосферу быта из детства В. Набокова.

2) «Прямо над **диваном висит батальная гравюра в раме из черного дерева**, намечая еще один исторический этап...» [Набоков 1990: 138]. – “On the wall against

which the **divan** stands, another phase of history is marked by a **gray engraving in an ebony frame**—one of those Napoleonic-battle pictures...” [Nabokov 2016: 20].

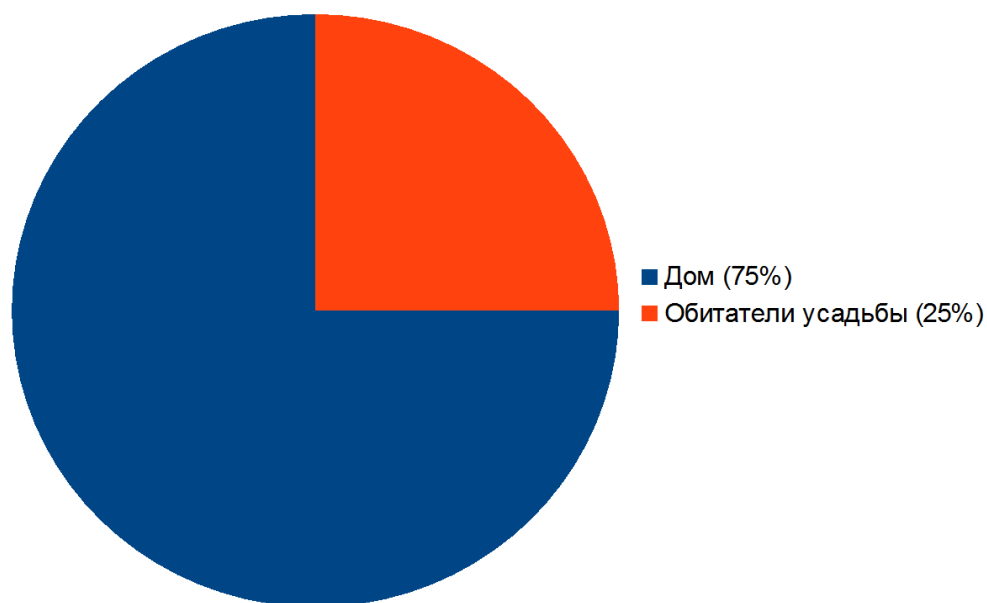

Рисунок 10 – Полукалька

Таблица 10 – Полукалька

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«Передо мной встает большой диван, с клеверным крапом по белому кретону...» [Набоков 1990: 138]	“A big cretonne-covered divan , with black trefoils...” [Nabokov 2016: 20]	Дом (мебель)
2	«Прямо над диваном висит батальная гравюра в раме из черного дерева, намечая еще один исторический этап...» [Набоков 1990: 138]	“On the wall against which the divan stands, another phase of history is marked by a gray engraving in an ebony frame – one of those Napoleonic-battle pictures...” [Nabokov 2016: 20]	Дом (литература и искусство)

Данный пример интересен тем, что и в русской, и в английской версии автобиографии используется слово «диван»/“divan” изначально турецкого происхождения и считающееся калькой в обоих языках. Нам кажется интересным, что автор-переводчик не стал использовать английский аналог “sofa”. Такое решение опять же можно объяснить желанием Владимира Набокова как можно точнее передать реалии усадебного быта своего детства.

8. Объяснение (4,07 %), т. е. «развитие содержания реалии путем ее детализации, использование дополнительных сведений (имена, даты и др.), характер и

полнота которых зависят от того, насколько существенна реальия для понимания данного текста» [Алексеева 2007: 80] (*бубнение* – *words of no importance*) (Рисунок 11).

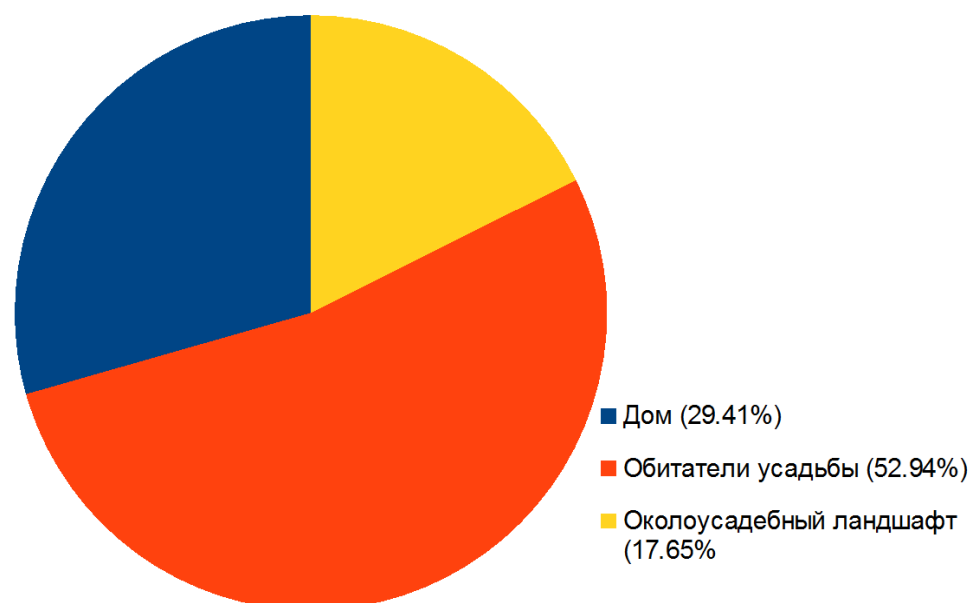

Рисунок 11 – Объяснение

Таблица 11 – Объяснение

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«Ко мне ребенку, он обращался на вы , как взрослый к взрослому, то есть совершенно по-новому...» [Набоков 1990: 142]	“When addressing me, a small boy, he used the plural of the second person... ” [Nabokov 2016: 24]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
2	«... совершенно посторонний голос произносит слова и фразы... дабы нечаянно не заострить хоть слабым смыслом тупость этого бубнения... » [Набоков 1990: 145]	“It is a neutral, detached, anonymous voice, which I catch saying words of no importance to me whatever – an English or a Russian sentence...” [Nabokov 2016: 28]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
3	«Мисс Рэчель, простую толстуху в переднике, помню только по английским бисквитам... » [Набоков 1990: 179]	“The was a dim miss Rachel, whom I remember mainly in terms of Huntley and Palmer biscuits... ” [Nabokov 2016: 68]	Дом (еда)
4	«... пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ... » [Набоков 1990: 146]	“... thus, the fluffy-gray three-stemmed Russian letter that stands for <i>sh</i> ...” [Nabokov 2016: 28]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
5	«...к тем обрывочным пустякам, которые – подняв телефонную трубку – тотчас прихлопываешь, не желая подслушивать чужой вздор...» [Набоков 1990: 145]	“... to hear between lifting and clapping down the receiver of a busy party-line telephone... ” [Nabokov 2016: 27]	Дом (предмет быта)

Прокомментируем несколько примеров:

1) «Мисс Рэчель, простую толстую в переднике, помню только по **английским бисквитам...**» [Набоков 1990: 179]. – “The was a dim miss Rachel, whom I remember mainly in terms of **Huntley and Palmer biscuits...**” [Nabokov 2016: 68].

При описании жителей и гостей усадьбы автор-переводчик вновь подчеркивает «английскость» семейного быта Набоковых и с этой целью упоминает «английские бисквиты». В англоязычной версии автобиографии писатель-переводчик уточняет марку бисквитов (“**Huntley and Palmer**”), что вполне закономерно, так как она может быть знакома англоязычным читателям.

2) «... пушисто-сизое **Ш** и такое же, но с прожелтью, **Щ**» [Набоков 1990: 146]. – “thus, the fluffy-gray **three-stemmed Russian** letter that stands for *sh*...” [Nabokov 2016: 28].

Данный фрагмент, на наш взгляд, является одним из самых любопытных примеров приема объяснения. В нем В. Набоков описывает то, как он представлял себе буквы русского алфавита. Будучи синестетиком (человеком, который может иметь цветовые ассоциации с буквами), автор-переводчик хотел передать свое видение букв русского алфавита. Нужно отметить, что весь фрагмент достоин отдельного анализа, но нам в нем особенно необычным кажется представление буквы «Ш».

Интересным представляется способ описания русской буквы, отсутствующей в английском алфавите. Если отсутствие буквы «Щ» можно объяснить отсутствием соответствующего звука в английском языке, то русская «Ш» превращается у автора в трехкорневой аналог “*sh*”. Это своеобразное переводческое решение. Трудно представить себе, как этот образ воспринимали в то время носители английского языка. Однако нам, хорошо знающим написание этой буквы, он все же кажется удачным.

Оценивая все найденные нами случаи объяснения, вспоминаем кредо Набокова-переводчика: перевод должен быть в первую очередь точным, а не легко читаемым. Нам представляется, что объяснение, как и использование опущения,

является исключением, которое доказывает, что В. Набоков придерживался своего кредо в этом переводе.

9. Родовидовая замена (12,2 %) – «замена реалии словом языка перевода, обозначающим видовое (гипоним) или родовое понятие (гипероним), таким образом сужая или расширяя его значение» [Алексеева 2007: 84] (*крепостник* – *slaveowner*) (Рисунки 12, 13).

Рисунок 12 – Родовидовая замена (генерализация)

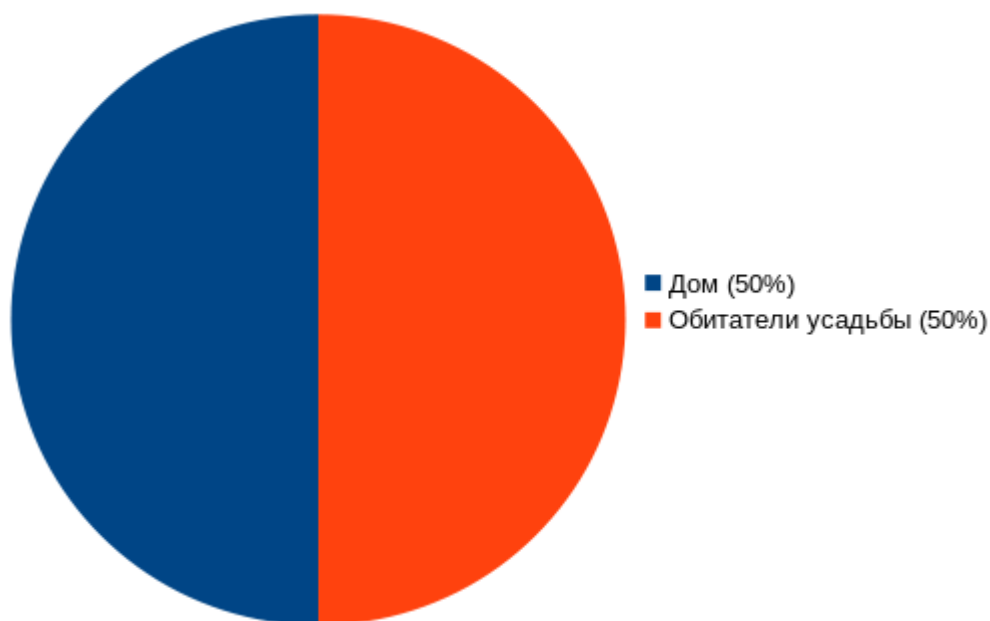

Рисунок 13 – Родовидовая замена (конкретизация)

Таблица 12 – Родовидовая замена

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«... мой отец обозвал его крепостником... » [Набоков 1990: 167]	“... my father (who was always a little sharp with him) accused him of a slaveowner’s mentality... ” [Nabokov 2016: 57]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
2	«К рыжеватой комплекции пухлого Пирогова очень шла лисыя шуба , надетая поверх его вельветиновой формы...» [Набоков 1990: 238]	“Pirogov, the second chauffeur, was a very short, pudgy fellow with a russet complexion that matched well the shade of the furs he wore over his corduroy suit and the orange-brown of his leggings...” [Nabokov 2016: 142]	Дом (одежда)
3	«Мать ехала с отцом со станции Сиверской, ... путь из нашей Выры в село Рождествено , по ту сторону Оредежи...» [Набоков 1990: 143]	“We children had gone down to the village , and it is when I recall that particular day that I see with the utmost clarity the sun-spangled river...” [Nabokov 2016: 25]	Топоним (название усадьбы)
4	«Все чаще и чаще уходила она из-за стола, — и какой-нибудь пломбир или профитроль , о котором она бы пожалела, дипломатично посылался ей вдогонку...» [Набоков 1990: 199]	“More and more frequently she would leave the table, and the dessert she would have missed was diplomatically sent up in her wake...” [Nabokov 2016: 90]	Дом (еда)
5	«Комната Mademoiselle, и в Выре и в Петербурге , была странным и даже жутким местом...» [Набоков 1990: 192]	“Mademoiselle’s room, both in the country and in town , was a weird place to me...” [Nabokov 2016: 84]	Топоним (название усадьбы)
6	«Следующим нашим гувернером – зимой 1907-го года – был украинец, симпатичный человек с темными усами и светлой улыбкой...» [Набоков 1990: 225]	“Next came a Ukrainian, an exuberant mathematician with a dark mustache and a sparkling smile...” [Nabokov 2016: 123]	Обитатели усадьбы (тип обитателя)

Прокомментируем случаи использования родовидовой замены:

1) «Страдая нервным заиканьем на губных звуках, он не задумался переименовать своего кучера Петра в Льва – и мой отец обозвал его **крепостником**» [Набоков 1990: 167]. – “Because he stammered and had difficulty in pronouncing labials, he changed his coachman’s name from Pyotr to Lev; and my father (who was always a little sharp with him) accused him of a **slaveowner’s mentality**” [Nabokov 2016: 57].

В данном весьма любопытном примере исконно русское слово «крепостник» («помещик – сторонник и защитник крепостного права» [Словарь русского языка... 1999]) с помощью генерализации превращается в более

понятное для англоязычной аудитории «рабовладелец» (“someone who holds one or more people involuntarily and under threat of violence within a system of chattel slavery” [Merriam-Webster... 2024]). Нам кажется интересным, что В. Набоков использовал в данном случае не транслитерацию, а формальное соответствие, в котором подчеркивается официально признанное право использовать «рабов», по отношению к которым их владелец может применить любое насилие (“violence”).

2) «К рыжеватой комплекции пухлого Пирогова очень шла **лисья шуба**, надетая поверх его вельветиновой формы...» [Набоков 1990: 238]. – “Pirogov, the second chauffeur, was a very short, pudgy fellow with a russet complexion that matched well the shade of the **furs** he wore over his corduroy suit and the orange-brown of his leggings” [Nabokov 2016: 142].

Лисья шуба – это бытовая реалия, относящаяся к классу «одежда». Владимир Набоков в данном случае использует генерализацию, заменяя русскую «лисью шубу» на обобщенное *furs* (меха). Оба варианта указывают на богатство героя и его социальный статус. Данное переводческое решение представляется очень удачным.

10. Добавление (3,25 %) – добавление лексических единиц в переводе для передачи имплицитных (подразумеваемых, оставшихся невыраженными) семантических компонентов оригинала ((-) – *Russian nose blowing*) (Рисунок 14).

1) «... подъем, столь крутой, что приходилось велосипедистам спешиваться» [Набоков 1990: 153]. – “... at the steepest bit where one preferred to take one’s **“bike by the horns”** (*bika za roga*) as my father, a dedicated cyclist, liked to say” [Nabokov 2016: 33].

Данный фрагмент представляется нам любопытным, поскольку в нем автор-переводчик не изменяет изначального посыла предложения: подъем для велосипедистов был очень сложным. Однако в англоязычной версии автобиографии В. Набоков расширяет текст, добавляя комментарии своего отца и не только давая англоязычной аудитории узнать, что его отец был «заядлым велосипедистом», но и воспроизводя его связанную с велосипедистами реплику. Одновременно обыгрываются два выражения: русское «быка за рога» и

английское “bull by the horns”, которое у Набокова превратилось в “bike by the horns” (велосипед за руль / за рога велосипеда).

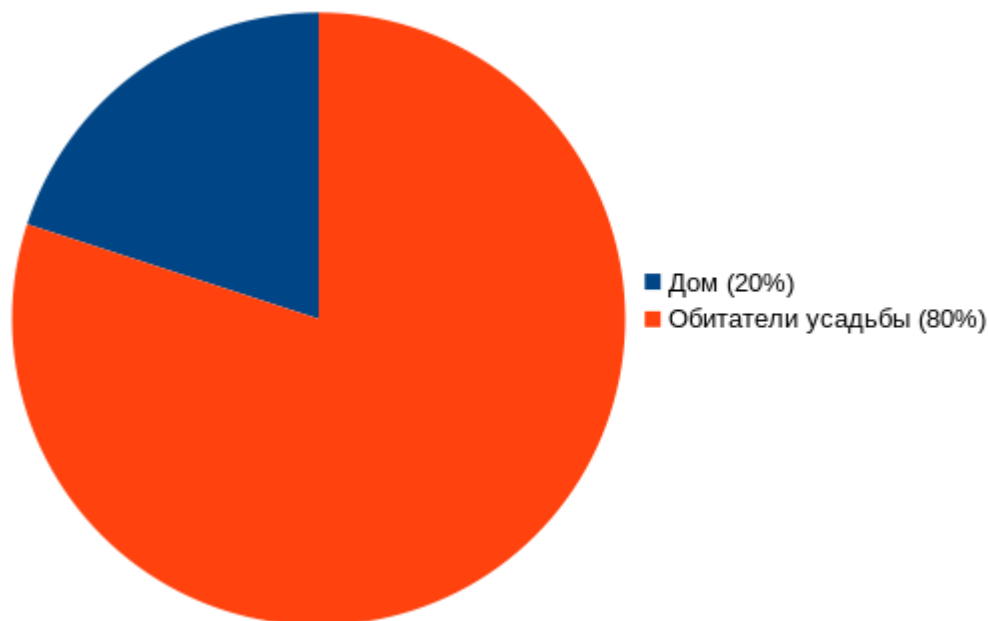

Рисунок 14 – Добавление

Таблица 13 – Добавление

№	Русский текст	Английский текст	Тип реалий
1	«... подъем, столь крутой, что приходилось велосипедистам спешиваться...» [Набоков 1990: 153]	“... at the steepest bit where one preferred to take one’s “bike by the horns” (bika za roga) as my father, a dedicated cyclist, liked to say... ” [Nabokov 2016: 33]	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
2	(-)	“Aleksandr Ivanovich Herten (1812–1870) was a famous liberal (whom this commemoration by a police state would hardly have gratified) as well as the talented author of Biloe i Dumi (translatable as "Bygones and Meditations") , one of my father's favorite books...” [Nabokov 2016: 36]	Дом (литература и искусство)

Возможно, В. Набоков посчитал, что в «Других берегах» этот эпизод недостаточно передавал весь колорит образа его отца и посчитал необходимым добавить его в новой, англоязычной версии автобиографии.

2) Другой пример добавления наблюдается в следующем фрагменте: “Aleksandr Ivanovich Herten (1812–1870) was a famous liberal (whom this

commemoration by a police state would hardly have gratified) as well as the talented author of *Biloe i Dumi* (translatable as "**Bygones and Meditations**"), one of my father's favorite books". Здесь Владимир Набоков вводит в английскую версию название одного из известных русских текстов «Былое и думы» А. И. Герцена, представляя его в транслитерированной форме и предлагая свой возможный перевод "Bygones and Meditations". Однако принятый перевод этого названия на английский язык – "My Past and Thoughts", буквально «Мое прошлое и мысли». Вариант, который предлагает В. Набоков, как нам кажется, точнее передает значения русских слов «былое» и «думы». Русское слово «былое» – это «минувшее, прошлое», словарь дает при этом стилистическую помету «высок.» [Семантический словарь...]. Нейтральное английское "my past", используемое в общепринятом переводе названия произведения А. И. Герцена, не передает этого добавочного значения, в то время как "bygone" имеет значение не только "past", но "outmoded" (устаревший, старомодный). Согласно словарю Merriam-Webster, слово это впервые стало известно в XV в. [Merriam-Webster... 2024].

На наш взгляд, русскому слову «думы» (в частности, в контексте названия произведения А. И. Герцена) больше соответствует предлагаемое Владимиром Набоковым английское слово «meditations», значение которого включает в себя "a discourse intended to express its author's reflections or to guide others in contemplation" [Merriam-Webster... 2024]. Английские слова "reflections" (размышления) и "contemplation" (созерцание), содержащиеся в приведенной дефиниции, дают основание считать, что вариант В. Набокова более точно передает русское слово.

11. Использование исходной формы языка перевода или лексемы третьего языка (4,7 %) (Рисунок 15) – это ситуация, когда в переводе появляется исходная форма целевого языка (*брекфаст* – *breakfast*). Набоков вводил в англоязычную версию и фразы на немецком и французском языках:

(«*Ин ден Целттен ахтцен А*» – "*In den Zelten achtzehn A*") – нем.

(*tenue-de-ville-pour-fillettes* (городской наряд для девочек) – *tenue-de-ville-pour-fillettes way*), – франц.

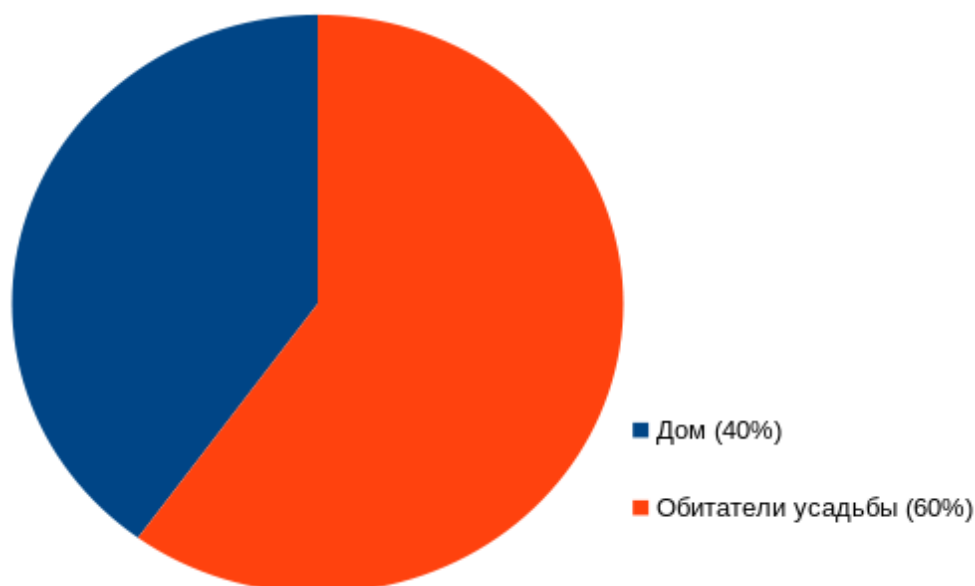

Рисунок 15 – Использование исходной формы и иноязычных выражений

Прокомментируем один из примеров (остальные приведены в нашей базе данных, ссылка на которую размещена в приложении):

1) «Владея английским с колыбельных дней, я мог наслаждаться "Безглавым Всадником" (перевожу точно)» [Набоков 1990: 246]. – “I could savor his *Headless Horseman* in the unabridged original” [Nabokov 2016: 152].

Роман Томаса Майн Рида, написанный в 1865 г., был переведен на русский язык как «Всадник без головы». Несмотря на наличие принятого перевода, В. Набоков решает использовать собственную «прямую» форму перевода “Headless Horseman”. Стоит отметить, что автор-переводчик не пытается выдать свой вариант перевода за общепринятый, подчеркивая, что переводит «точно», то есть буквально. Можно предположить, что это еще один пример, иллюстрирующий стремление Владимира Набокова переводить названия литературных произведений иначе, чем это было сделано в общепринятом, устоявшемся варианте.

Итоговый анализ соотношения использованных **простых приемов** представлен на Рисунке 16.

Как показал статистический анализ используемых простых приемов передачи реалий, наиболее частотными оказываются **приблизительный перевод, функциональный аналог и опущение**. Это, по всей видимости, объясняется тем,

что Набоков хорошо себе представлял англоязычные языковые средства, которые наиболее точно передают представление о русских реалиях.

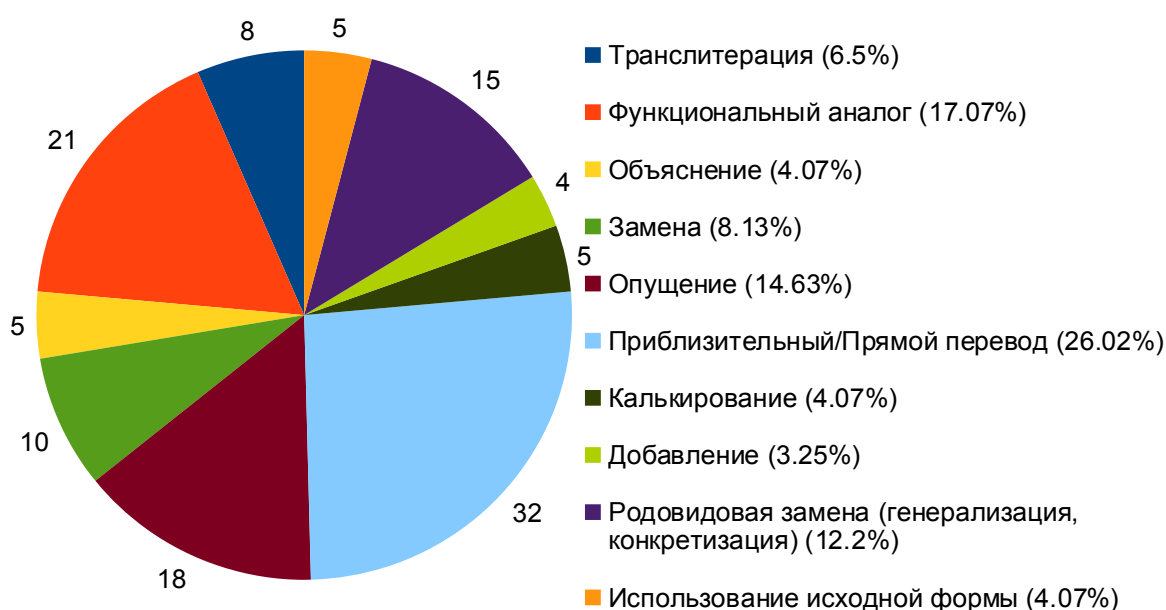

Рисунок 16 – Используемые В. Набоковым простые приемы передачи русскоязычных усадебных реалий

Как уже неоднократно говорилось выше, В. Набоков использовал большое количество не только простых, но и комбинированных приемов передачи реалий при автопереводе. Данные приемы описаны достаточно детально в работе М. Л. Алексеевой. В частности, она выделяет следующие сочетания приемов:

- «1. Прямой перенос + пояснения в затекстовом комментарии.
2. Транскрибирование + пояснения в постраничных сносках.
3. Транскрибирование + пояснения в затекстовом комментарии.
4. Калькирование + пояснения в затекстовом комментарии» [Алексеева 2007: 86–87].

В ходе анализа приемов межъязыковой передачи усадебных реалий Набокова нами было выявлено большее количество разнообразных комбинаций. Ниже даются описания всех выявленных комбинаций с примерами. Более детальное комментирование примеров приводится после Таблицы 14.

Добавление + функциональный аналог. Данный прием включает два простых приема: расширение описания (появление транслитерированной формы реалии,

отсутствующей в оригинале) и одновременно добавление функционального аналога, вызывающего аналогичную реакцию / ассоциацию у читателя.

*[В русскоязычной версии автобиографии нет соответствующего фрагмента] – “Once, at sunset, near the orange and black river, a young **dachnik (vacationist)** with a riding crop in his hand bowed to her in passing...” [Nabokov 2016: 179].*

Замена + объяснение. Этот прием мы понимаем как комбинацию замены реалии на нечто близкое или похожее по функции и объяснение непередаваемых оттенков значения слова.

*«... и то, что казалось сначала лошадиной ногой, оказывалась частью ильма, а никуда не входившая **пупочка** (материнское слово для всякой кругловатой штучки)...» [Набоков 1990: 151]. – “... what had seemed to be the limb of a horse would turn out to belong to an elm and the hitherto **unplaceable piece** would snugly fill up a gap in the mottled background...” [Nabokov 2016: 35].*

Опущение + замена. Под данным приемом мы понимаем комбинацию «нулевого» перевода в конкретном фрагменте текста, а также использование новой реалии, которая является близкой или похожей по функции исходной реалии.

*«Запоминались навек **длинные сапоги, картуз и расстегнутая жилетка садовника**, подпирающего зелеными шестиками пионы...» [Набоков 1990: 191]. – “Egor was pottering among the peonies...” [Nabokov 2016: 83].*

Калькирование + использование третьего языка. Данный прием интересен тем, что он включает в себя как воспроизведение комбинаторного состава исходного слова в языке перевода, так и употребление слова из третьего языка.

*«... обмахиваясь веером из слоновой кости, поглощая круглые **леденцы-бульдегомы** и все сетуя о том, что некие темные силы, опутав любимейшего из ее сыновей, отвлекли его от блестящей чиновной карьеры» [Набоков 1990: 224]. – “... fanning herself with an ivory fan A **box of boules de gomme**, or a glass of almond milk were always within her reach, as well as a hand mirror, for she used to repowder her face...” [Nabokov 2016: 121].*

Прямой перевод + добавление. Благодаря этому приему в тексте перевода появляется лексема, являющаяся прямым переводом исходной, к которой добавляется расширение текста перевода деталями, которых не было в тексте оригинала.

«Мать иногда играла до четырех часов утра и впоследствии вспоминала с наивным ужасом, как **шофер** дожидался ее во всю морозную ночь...» [Набоков 1990: 152]. – “... she used to imagine (with the same wonder and dismay with which she recalled old Dmitri) the **chauffeur Pirogov** who still seemed to be waiting for her in the relentless frost” [Nabokov 2016: 87].

Прямой перевод + опущение. Под данным приемом мы понимаем ситуацию, когда часть реалии передается за счет прямого перевода лексемы с одного языка на другой, а вторая часть опускается.

«В доме было... много старомодных **комодообразных умывальников с педалями...**» [Набоков 1990: 179]. – “There were ... and a medley of **venerable washstands...**” [Nabokov 2016: 67].

Приблизительный перевод + транслитерация. Данный прием определяется как комбинация примерной передачи лексемы с одного языка на другой, который сопровождается транслитерацией, передающей изначальное произношение и звучание слова.

«...мой дядя Рукавишников как-то ездил...» [Набоков 1990: 154]. – “A crowd of patriots and my uncle Ruka stoned the German Embassy” [Nabokov 2016: 39].

Прямой перевод + уточнение. Данный прием предполагает комбинацию прямой передачи лексемы с одного языка на другой и конкретизации элементов реалии, отсутствующих в исходном тексте (*орехом обшитой столовой вырского дома*).

«Не раз случалось, что, во время завтрака в **многооконной, орехом обшитой столовой** вырского дома...». [Набоков 1990: 144]. – “... **walnut-paneled dining room** on the first floor of our Vyra manor...” [Nabokov 2016: 24].

Транслитерация + перевод. Данный пример включает в себя комбинацию прямой передачи лексемы с одного языка на другой, который сопровождается транслитерацией.

«...которое за ручку вращал **швейцар** Устин, занимаясь бесконечной очинкой «комитетских» карандашей» [Набоков 1990: 242]. – “There, in a recess under the marble staircase, **our shveitsar (doorman)** would be busy sharpening pencils when I came home from school” [Nabokov 2016: 145].

Транслитерация + объяснение. Под данным приемом мы понимаем комбинацию транслитерации и описания реалии, объясняющего элементы, не воспроизводимые при прямой передаче реалии.

«На подъемном столике мать играет со мной в **дурачки**» [Набоков 1990: 215]. – “At a collapsible table, my mother and I played a card game called *durachki*” [Nabokov 2016: 114].

Транслитерация + уточнение. Этот прием предполагает комбинацию транслитерации и описания реалии, воссоздающей контекст, пропадающий при прямой передаче реалии.

«Рождествено с этой белой усадьбой на зеленом холму, с дремучим парком за ней, с еще более дремучими лесами...» [Набоков 1990: 169]. – “The estate *Rozhestveno*, with a large village of the same name, extensive lands, and a manor house high above the *Oredezh*...” [Nabokov 2016: 52].

Транслитерация с объяснением + функциональный аналог. Данный прием мы определяем как комбинацию транслитерированной формы исходной реалии, а также объяснения и замену реалии функциональным аналогом.

«А **барчук-то** меня не признал...» [Набоков 1990: 256]. – “A *barchuk-to* *menya ne priznal* [Look, the **young master** does not know me]...” [Nabokov 2016: 156].

Транслитерация + функциональный аналог. Данный прием включает комбинацию транслитерации и замены реалии функциональным аналогом.

«Голубчик, вы не знаете ничего...» [Набоков 1990: 234]. – “*Golubchik* [my dear fellow], you cannot but fail – you simply don’t know a thing...” [Nabokov 2016: 131].

Функциональный аналог + калькирование. Под данным приемом мы понимаем комбинацию замены реалии функциональным аналогом и воспроизведения комбинаторного состава исходной лексемы в тексте перевода.

«С помощью **взрослого домочадца** (которому приходилось действовать сначала обеими руками, а потом мощным коленом)» [Набоков 1990: 138]. – “With the help of the **grown-up person**, who would use first both hands and then a powerful leg” [Nabokov 2016: 20].

Итак, всего нами было выявлено 14 комбинированных приемов, их количественное и процентное соотношение представлено на Рисунке 17.

Рисунок 17 – Используемые В. Набоковым **комбинированные** приемы передачи русскоязычных усадебных реалий

В Таблице 14 приведены наиболее интересные, на наш взгляд, примеры комбинированных приемов с последующим комментарием.

Таблица 14 – Комбинированные приемы передачи реалий

№	Русский текст	Английский текст	Способ перевода	Тип реалий
1	«С помощью взрослого домочадца (которому приходилось действовать сначала обеими руками, а потом мощным коленом)...» [Набоков 1990: 138]	“With the help of the grown-up person , who would use first both hands and then a powerful leg...” [Nabokov 2016: 20]	Функциональный аналог + полукалька	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
2	«В доме было... много старомодных комодообразных умывальников с педалями... » [Набоков 1990: 179]	“There were ... and a medley of venerable washstands... ” [Nabokov 2016: 67]	Прямой перевод + опущение	Дом (помещение)
3	« Рождествено с этой белой усадьбой на зеленом холму, с дремучим парком за ней, с еще более дремучими лесами...» [Набоков 1990: 169]	“ The estate Rozhestveno , with a large village of the same name, extensive lands, and a manor house high above the Oredezh...” [Nabokov 2016: 52]	Транслитерация + уточнение	Топоним (название усадьбы)
4	«...Je suis triste et seul comme une былинка в поле! » [Набоков 1990: 167]	“Je suis triste et seul comme une bylinka v pole [as lonesome as a "grass blade in the field!"]” [Nabokov 2016: 57]	Транслитерация (с переводом)	Обитатели усадьбы (языковые выражения)

№	Русский текст	Английский текст	Способ перевода	Тип реалий
5	«Любимейшим ее занятием было хождение по грибы... » [Набоков 1990: 152]	“ Hodit' po gribi (looking for mushrooms)...” [Nabokov 2016: 35]	Транслитерация с объяснением	Обитатели усадьбы (занятия и интересы)
6	«... обмахиваясь веером из слоновой кости, поглощая круглые леденцы-бульдегомы и все сетуя...» [Набоков 1990: 224]	“... fanning herself with an ivory fan A box of boules de gomme , or a glass of almond milk were always within her reach...” [Nabokov 2016: 121]	Полукалька + использование третьего языка	Дом (еда)
7	«А барчук-то меня не признал...» [Набоков 1990: 256]	“ <i>A barchuk-to menya ne priznal</i> [Look, the young master does not know me]...” [Nabokov 2016: 24]	Транслитерация с объяснением + функциональный аналог	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
8	« Голубчик , вы не знаете ничего...» [Набоков 1990: 234]	“ Golubchik [my dear fellow], you cannot but fail – you simply don't know a thing...” [Nabokov 2016: 131]	Транслитерация + функциональный аналог	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
9	«... которое за ручку вращал швейцар Устин, занимаясь бесконечной очинкой «комитетских» карандашей...» [Набоков 1990: 242]	“There, in a recess under the marble staircase, our shveitsar (doorman) would be busy sharpening pencils...” [Nabokov 2016: 145]	Транслитерация и перевод	Обитатели усадьбы (тип обитателя)
10	«Очень скоро путем слежки я выяснил, где мать ее снимала дачку : ее скрывала рощица яблоней...» [Набоков 1990: 258]	“Very soon I traced Tamara to the modest dachka (summer cottage) that her family rented in the village...” [Nabokov 2016: 178]	Транслитерация и перевод	Околоусадебный ландшафт
11	«... и то, что казалось сначала лошадиной ногой, оказывалась частью ильма, а никуда не входившая пупочка (материнское слово для всякой кругловатой штучки)...» [Набоков 1990: 151]	“... what had seemed to be the limb of a horse would turn out to belong to an elm and the hitherto unplaceable piece would snugly fill up a gap in the mottled background, affording one the delicate thrill of an abstract and yet tactile satisfaction...” [Nabokov 2016: 35]	Замена + объяснение	Обитатели усадьбы (языковые выражения)
12	«... за рекой Оредежь , против нашей Выры... » [Набоков 1990: 164]	“... the bridges across the Oredezh (properly Oredezh') which, in its winding, branching and looping course, bathed Vyra on either side...” [Nabokov 2016: 50]	Транслитерация с уточнением	Околоусадебный ландшафт

Прокомментируем некоторые из приведенных примеров.

1) «**Рождествено с этой белой усадьбой на зеленом холму, с дремучим парком** за ней, с еще более дремучими лесами...» [Набоков 1990: 169]. – “**The estate Rozhestveno, with a large village** of the same name, extensive lands, and a **manor house** high above the Oredezh...” [Nabokov 2016: 52].

В данном фрагменте содержится описание одной из семейных усадеб, Рождествено, которая должна была по наследству перейти к автору мемуаров. Она по праву считалась самой парадной из всех принадлежащих семье усадеб, писатель даже называет ее «Царским селом». В русском варианте это **белая** усадьба (белый дом с колоннами), стоящая на возвышении (зеленом холме), старинный дух усадьбы подчеркивается тем, что она окружена **дремучим** парком и **дремучими** лесами. Важным словом в русском описании является прилагательное «дремучий», которое в английском варианте отсутствует. Данное русское слово можно перевести как *dense* или *thick*, но они оба не передают всех тех ассоциаций, которые вызывает русское слово. Возможно, именно поэтому В. Набоков не стал его переводить, заменив на “extensive lands”, подчеркнув тем самым величину земельных владений своего дяди.

Интересным представляется и передача самого понятия “усадьба”. В английском варианте В. Набоков уточняет, что Рождествено – это «estate», в котором есть барский дом (“manor house”) и «деревня» с тем же именем. Из описания пропадает и «зеленый холм», вместо него просто указывается, что барский дом стоял над рекой Оредеж. Таким образом, в данном случае мы видим в переводе как опущение, так и добавление.

2) «...которое за ручку вращал **швейцар Устин**, занимаясь бесконечной очинкой «комитетских» карандашей» [Набоков 1990: 242]. – “There, in a recess under the marble staircase, **our shveitsar (doorman)** would be busy sharpening pencils when I came home from school” [Nabokov 2016: 145].

Вновь используя слово «швейцар» в русском тексте, Владимир Набоков меняет английский вариант, он уже не называет слугу “janitor”, а использует транслитерацию слова и объясняет обязанности Устина. Использование

функционального аналога в одном случае и транслитерации в другом представляется нам интересным решением. Оба адекватно передают роль Устина в жизни семьи Набоковых, и, возможно, автор использует оба слова, чтобы описать все обязанности этого человека в доме своей семьи. Также хочется отметить утрату имени собственного «Устин» при переводе, но сохранение фамильярности с помощью местоимения “our”.

3) «... за рекой **Оредежь**, против нашей Выры» [Набоков 1990: 164]. – “... the bridges across the **Oredezh (properly Oredez h')** which, in its winding, branching and looping course, bathed Vyra on either side” [Nabokov 2016: 50].

4) «... за рекой Оредежь, против нашей **Выры**» [Набоков 1990: 164]. – “... the bridges across the Oredez h (properly *Oredezh h'*) which, in its winding, branching and looping course, bathed **Vyra** on either side” [Nabokov 2016: 50].

В автобиографии В. Набокова имеется множество описаний дворянской усадьбы и прилегающих к ней земель и рек. В этом случае закономерно использование именно транслитерации. Но интересно отметить, что к транслитерированной форме названия реки (гидрониму) Владимир Набоков добавляет и фонетическую форму, чтобы подчеркнуть наличие в слове звука, отсутствующего в английском языке (*жсь*). То, что звучание слова было важным для писателя, подчеркивает данный пример, где в скобках автор уточняет именно русское произношение названия реки, возле которой провел свое детство. Топоним Выра (название усадьбы) просто транслитерируется без каких-либо уточнений.

5) «Очень скоро путем слежки я выяснил, где мать ее снимала **дачку**: ее скрывала рощица яблоней» [Набоков 1990: 258]. – “Very soon I traced Tamara to the modest **dachka (summer cottage)** that her family rented in the village” [Nabokov 2016: 178].

Русское слово «дача» не имеет полноценного аналога в английском языке. Предлагаемый английский вариант *Summer cottage* передает денотативное значение реалии, но все сопутствующие коннотации исчезают. К тому же в русском варианте используется диминутивная форма (образуемая с помощью уменьшительного суффикса), подчеркивающая определенную «скромность» –

малый размер снимаемой дачи. Использование именно уменьшительной формы подчеркивает различие между усадебными домами семьи Набоковых и этой скромной съемной «дачкой». Однако для англоязычной аудитории дается и англоязычное соответствие, позволяющее понять, что речь идет о летнем загородном месте проживания.

6) «Любимейшим ее занятием было **хождение по грибы ...**» [Набоков 1990: **po gribi (looking for mushrooms**152]. – “One of her greatest pleasures in summer was the very Russian sport of **hudit'**) ...” [Nabokov 2016: 35].

В воспоминаниях В. Набокова значительное место отведено образу матери, Елены Ивановны Набоковой (Рукавишниковой). Писатель с любовью описывает ее занятия, привычки, увлечения, ее привязанность к фамильным усадьбам, особенно к Выре, к усадебному парку и лесу. Неправильное с точки зрения литературной нормы русское выражение он не переводит, а дает транслитерированную форму, меняя при этом русский девербатив «хождение» на инфинитивную глагольную форму «ходить». К транслитерации В. Набоков добавляет в скобках приблизительный перевод и комментирует это непонятное для англо-саксонской культуры занятие русских. Проведенный анализ приемов транслитерации показал, что этот прием писатель-переводчик использует тогда, когда он передает слова или выражения русского языка, служащие, как в данном примере, для обозначения какого-либо бытового понятия, специфического занятия. Нужно выделить использование просторечного управления «по грибы» (ср.: «по воду», «по ягоды»): этот стилистический оттенок опущен в переводе.

7) «... обмахиваясь веером из слоновой кости, поглощая **круглые леденцы-бульдегомы** и все сетуя о том, что некие темные силы, опутав любимейшего из ее сыновей, отвлекли его от блестящей чиновной карьеры» [Набоков 1990: 224]. – “... fanning herself with an ivory fan **A box of boules de gomme**, or a glass of almond milk were always within her reach, as well as a hand mirror, for she used to repowder her face, with a large pink puff, every hour or so, the little mole on her cheekbone showing through all that flour, like a currant” [Nabokov 2016: 121].

Данная категория приемов является самой малочисленной, но оттого она не становится менее важной. Описывая жизнь обитателей усадьбы, В. Набоков

передает и их привычки, в том числе и увлеченность «леденцами-бульдегомами». Данный пример кажется нам любопытным, так как здесь полукалька используется в обоих языках: английском и русском. Также хочется отметить сочетание элементов русской и французской культур. Слово «леденец» имеет русские корни и не является полной передачей французского “boules de gomme”, прямым переводом которой был бы «мармелад». В процессе перевода «круглые леденцы» превратились в «коробку мармелада».

8) «С помощью **взрослого домочадца** (которому приходилось действовать сначала обеими руками, а потом мощным коленом)» [Набоков 1990: 138]. – “With the help of the **grown-up person**, who would use first both hands and then a powerful leg” [Nabokov 2016: 20].

Как уже неоднократно отмечалось, описание жителей усадьбы является важной составляющей мемуаров Владимира Набокова. Для передачи очень естественного для автора слова «домочадец» автор-переводчик использует английское “grown-up person” (взрослый). Однако при этом В. Набоков в то же время подчеркивает своеобразную «детскость» воспоминаний и выражает положительное отношение к человеку, которое в оригинале передавалось словом «домочадец», а в переводе это выражено через причастие (grown) и послелог (up).

В целом проведенный анализ приемов межъязыковой передачи реалий, использованных В. Набоковым в автопереводе, позволяет считать, что специфика подхода писателя к передаче реалий заключается в применении **комбинированных приемов**, которые включают в себя разнообразные комбинации, перечисленные выше.

Из 14 видов комбинаций наиболее часто встречающимися являются следующие: **транслитерация + перевод, транслитерация + объяснение, перевод + добавление.**

Если говорить о соотношении простых и комбинированных приемов передачи реалий, то нужно отметить, что **количество комбинированных приемов превышает количество простых.** Как уже было показано выше, нами было выявлено 10 видов простых приемов и 14 комбинированных, из которых 123 примера относятся к простым и 33 к комбинированным.

Особо нужно отметить использование в англоязычной версии транслитерированных форм русских лексем. Автор-переводчик использует транслитерацию как самостоятельный прием и в комбинации с другими приемами. Связано это, по-видимому, с тем, что для русского писателя Набокова было очень важно представить англоязычному читателю звуковой и графический образ русского слова. Как известно, в его более поздних англоязычных произведениях эта особенность будет не только сохраняться, но и становиться более заметной (см. последний англоязычный роман “Look at Harlequins!”).

Ниже приводятся диаграммы, отражающие соотношение количества текстовых примеров, содержащих усадебные реалии, для передачи которых были использованы комбинированные и простые приемы (Рисунок 18), а также общее соотношение количества простых и комбинированных приемов, использованных В. Набоковым (Рисунок 19).

Как нам представляется, именно использование разнообразных комбинированных приемов можно считать характерной особенностью техники автоперевода В. Набокова. По-видимому, связано это с его стремлением дать более точное представление о передаваемой реалии, расставить те или иные смысловые акценты. Это и позволяют сделать комбинированные приемы, особенно такие, как «приблизительный перевод + транслитерация», «прямой перевод + уточнение», «транслитерация + перевод», «транслитерация + объяснение», «транслитерация с объяснением + функциональный аналог». Такое стремление к наиболее точной передаче усадебных реалий говорит о том, что данные реалии являются важными элементами текста воспоминаний, поскольку, как мы видим, в своем переводе он специально заостряет внимание англоязычного читателя на этих реалиях, часто сопровождая перевод разного рода объяснениями. Некоторые приемы, которыми пользуется В. Набоков-переводчик, на наш взгляд, возможны только в случае автоперевода, поскольку в ситуации традиционного перевода переводчик, не будучи автором исходного текста, вряд ли заменил бы безымянного «садовника» на конкретного «Егора»: **«Запоминались навек длинные сапоги, картуз и расстегнутая жилетка садовника, подпирающего зелеными шестиками пионы»** [Набоков 1990: 191]. – **“Egor was pottering among the peonies”** [Nabokov 2016: 83].

Рисунок 18 – Соотношение количества текстовых примеров, в которых использованы простые и комбинированные приемы передачи реалий

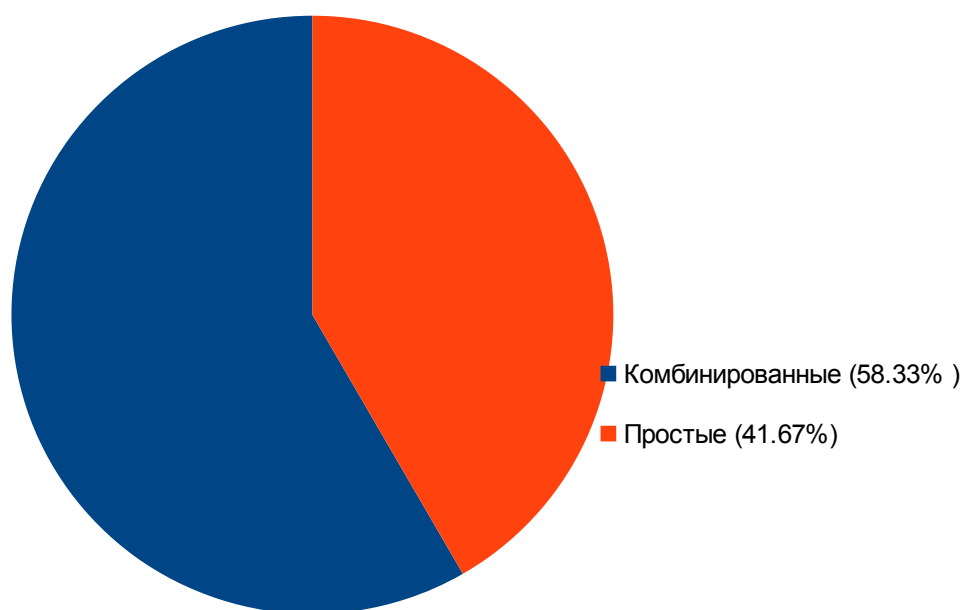

Рисунок 19 – Соотношение количества типов простых и комбинированных приемов передачи реалий

Набоков как автор не всегда считал необходимым передавать каждую реалию, присутствующую в его русскоязычном тексте. В случае традиционного перевода это можно было бы рассматривать как «переводческий грех» (причем, по мнению самого Владимира Набокова) [Набоков 2016: 440], но в случае автоперевода переводчик имеет право на такие отступления от оригинала.

Считаем, что многие из приведенных примеров авторской передачи реалий можно рассматривать и как **приемы делакунизации**. Во второй главе мы уже обращались к термину и понятию «лакуна», анализировали связь этого понятия с понятием «реалия». Подчеркнем еще раз, что считаем правомерным рассматривать проблему межъязыковой передачи реалий в свете теории делакунизации. На наш взгляд, приемы делакунизации, используемые в автопереводе, представляют большой интерес, так как автор-переводчик понимает, какую лакуну он элиминирует, и, соответственно, выбирает наиболее адекватный, по его мнению, способ элиминирования.

Выше уже говорилось, что в отечественном переводоведении основателями лакунологии являются Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина. С именами этих ученых связаны первые исследования национально-культурной специфики художественного текста [Сорокин, Марковина 1989]. Ю. А. Сорокину и И. Ю. Марковиной принадлежит концепция лакунарности. Учеными была создана классификация лакун и предложены основные способы их элиминирования в процессе межъязыкового перевода [Марковина, Сорокин 2010].

Нужно отметить, что проблема делакунизации в исследованиях автоперевода, насколько нам известно, пока еще не рассматривалась. Как уже отмечалось в главе 2, существуют работы, в которых лакуны и делакунизация анализируются в контексте проблем художественного перевода. Так, серьезный анализ проблемы лакунарности и перевода представлен в статье И. Панасюка «Теория лакун и проблема эквивалентности перевода» (2007). Автор подчеркивает, что «при определении лакуны речь идет, в первую очередь, о потере сем исходной культуры или их несоответствии семам целевой культуры (целевого языка)» [Панасюк 2007: 52]. Именно такое различие семного состава единиц русского и английского языка остро ощущал, как нам кажется, В. Набоков, переводя собственный текст. С. Ю. Бурякова анализирует переводческий комментарий как способ делакунизации [Бурякова 2019]. С таким пониманием делакунизации нельзя не согласиться. Многие представленные выше переводческие приемы В. Набокова (прежде всего, комбинированные приемы, включающие в себя объяснение) можно рассматривать как краткие метакомментарии.

Анализ приемов делакунизации, использованных В. Набоковым, подробно изложен в нашей работе «Приемы делакунизации в автопереводах Владимира Набокова (на материале двуязычной автобиографической прозы писателя: “Другие берега”, “Speak, Memory”))» [Курушин 2024], поэтому в рамках данного исследования лишь кратко представим основные положения.

Прежде всего, необходимо определить границу между понятиями транслемы и транслята. Эти термины были предложены Ю. А. Сорокиным и И. Ю. Марковиной, при этом под траслемами ученые подразумевают единицы содержания оригинала, которые нуждаются в перекодировании. Транслятами же считаются переводные соответствия. Рассмотрим анализируемый нами материал с этих позиций. Транслемами мы можем считать российские усадебные реалии, представленные в русскоязычном варианте автобиографии, в качестве транслятов будут выступать их англоязычные аналоги, которые В. Набоков использует в процессе автоперевода. Транслемами можно считать и русские слова и выражения, которые автор-переводчик посчитал нужным пояснить и расшифровать для иностранного читателя.

Компенсация лакун подразумевает использование квазиэквивалента, который может быть аналогом «чужого» в своей культуре. В роли квазиэквивалента используются понятия или предметы, знакомые иноязычному читателю. При этом авторы теории делакунизации различают эксплицитную и имплицитную компенсацию (см. примеры ниже).

При втором способе делакунизации, который Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина называют заполнением, элиминирование лакуны происходит за счет сохранения единицы исходного языка в транслитерированном виде и ее переводе, часто сопровождаемым пояснением на языке перевода. Анализ авторских переводческих решений В. Набокова позволяет считать, что он предпочитал именно второй способ, но и первым тоже пользовался.

Рассмотрим наиболее яркие примеры делакунизации, представив примеры пар «транслема – транслят»:

1. «... мой отец обозвал его **крепостником**» [Набоков 1990: 167]. – / “... my father accused him of a **slaveowner’s mentality**...” [Nabokov 2016: 57].

Исконно русское слово «крепостник» непонятно англоязычным читателям, так как требует основательного знания истории России. Эту лексическую единицу можно отнести к разряду этнографических реалий. Считаем, что в качестве метода делакунизации В. Набоков применил имплицитную компенсацию. Английский термин “slaveowner” выступает в роли квазианалога, который сохраняет отрицательную коннотацию исходного слова.

2. «С помощью **взрослого домочадца...**» [Набоков 1990: 138]. / “With the help of the **grown-up person...**” [Nabokov 2016: 20].

«Русское слово «домочадец» действительно не имеет точных аналогов в английском языке, что свидетельствует о лексической лакуне. Предложенный В. Набоковым вариант перевода можно рассматривать как имплицитную компенсацию, поскольку он не содержит отсылок к русскому слову. Вместо «домочадца» В. Набоков использует выражение “grown-up person”, которое не передает прямого значения слова (lived-in servant) и его стилистической окраски, однако сохраняет теплое эмоциональное отношение к лицу старшего возраста» [Курушин 2024с: 62].

3. «Это простое словечко «где» превращалось у нее в «**гиди-э**»...» [Набоков 1990: 186]. / “her pronunciation may be phonetically rendered as “**giddy-eh**” (actually it is gde with e as in “yet”), meant “Where?”” [Nabokov 2016: 77].

Описывая особенности речи своей гувернантки, особое внимание В. Набоков обращает на нюансы произношения. Пытаясь разъяснить особенности нехарактерных для английского языка звуков, автор-переводчик применяет прием заполнения, давая объяснение и описание звуков, произносимых гувернанткой.

4. «Летние **сумерки** («сумерки»— какой это томный сиреневый звук!)...» [Набоков 1990: 175]. / “Summer **soomerki** – the lovely Russian word for dusk...” [Nabokov 2016: 64].

«Приведенный пример представляет особый интерес, так как Набоков-переводчик применяет как транслитерацию, так и английское слово, обозначающее эту часть дня. В русскоязычном варианте В. Набоков делится своими впечатлениями о звучании слова, в то время как в англоязычном тексте переводчик акцентирует внимание на том, что это слово является русским,

добавляя, что оно «прекрасное». В данном случае можно говорить о применении эксплицитной компенсации» [Курушин 2024с: 62].

5. «... представляет стилизованную **домну**...» [Набоков 1990: 158]. / “... *a stylized version of a **domna** (primitive blast furnace)*...” [Nabokov 2016: 53].

«Слово «домна», происходящее от древнего глагола «дамати» – «раздувать», в русском языке считается почти устаревшим. Совершенно очевидно, что англоязычной аудитории эта этнографическая реалья неизвестна. Возможно, функциональный аналог «печь» может подойти для перевода, но для В. Набокова, на наш взгляд, было важно передать звучание и значение слова, поэтому он дает понять, что это не просто «печь», а именно «примитивная» (устаревшая) печь, не ограничиваясь словом “furnace”. Это типичный пример заполнения» [Курушин 2024с: 61].

6. «**Классная** разрисована ломаными лучами солнца...» [Набоков 1990: 174]. / “The **schoolroom** was drenched with sunlight...” [Nabokov 2016: 63].

В данном примере, как нам кажется, можно говорить о грамматической лакуне. «Классная» в русском языке – это субстантивированное прилагательное из тематической группы «помещение» (по аналогии со *столовая*, *гостиная* и т. д.). В английском языке также существуют группы субстантивированных прилагательных, но конкретно данная группа отсутствует, поэтому вместо «классной комнаты» усадебного дома в переводе фигурирует нейтральное существительное “classroom”.

7. «... над мучительной, каменной, совершенно непроницаемой кротостью искалеченных **мужиков**...» [Набоков 1990: 155] / “... those crippled **peasants** and the ineffectiveness of part-time compassion...” [Nabokov 2016: 50].

В английской версии автобиографии Владимир Набоков употребляет нейтральное слово *peasants* (крестьяне). Слово «мужик» в русскоязычном тексте – это этнографическая реалья, и автор использует имплицитную компенсацию, чтобы передать ее, заменяя национально окрашенное русское слово «мужики» нейтральным “peasants”.

Таким образом, анализ авторских приемов межъязыковой передачи реалий, которыми пользовался В. Набоков при создании англоязычной версии

автобиографии, позволяет считать, что Набоков-переводчик не только стремился как можно точнее воссоздать мир своих вещей, свой «тварный мир» (выражение Г. А. Барабтарло), но и пытался заполнить «пробелы на семантической карте» англоязычной аудитории, используя разные приемы межъязыковой передачи реалий, многие из которых одновременно являются и способами делакунизации.

Выводы по главе 3

В данной главе приведен сопоставительный анализ усадебных реалий, выявленных в русскоязычной версии автобиографии В. Набокова «Другие берега», и их переводных вариантов, используемых в англоязычной версии “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”, что позволяет сделать следующие выводы:

1. Усадебное пространство, представленное в автобиографической двуязычной автобиографической прозе В. Набокова, является отражением реального усадебного мира, который писатель потерял, но который сохранился в его памяти и приобрел определенную сакральность. Сакральными для писателя становятся и реалии, составлявшие усадебный мир писателя, ими он наполнял свои тексты, начиная с первого русскоязычного романа «Машенька», написанного в 1926 г., и заканчивая последним завершенным англоязычным романом “Look at the Harlequins”, созданным в 1973–1974 гг.

2. Анализ понятий «усадьба» и «усадебное пространство» позволил построить модель усадебного пространства, на основании которой была проведена классификация выявленных реалий, их распределение по соответствующим тематическим группам и был сформирован параллельный русско-английский корпус данных реалий, в состав которого вошло 156 русскоязычных (т. е. исходных) реалий и 129 их англоязычных соответствий, используемых автором-переводчиком для межъязыковой передачи реалий в англоязычной версии автобиографии “Speak, Memory. An Autobiography Revisited” (в некоторых случаях соответствия отсутствуют, так как при передаче реалии использовался прием опущения).

3. Структура корпуса реалий была определена в соответствии с тематическими группами усадебных реалий, что позволило провести

сопоставительный статистический анализ и определить соотношение реалий внутри корпуса. Структурированный корпус можно рассматривать как художественный реаликон (термин Н. А. Фененко) двуязычной автобиографии В. Набокова «Другие берега»/“Speak, Memory. An Autobiography Revisited”.

4. Двуязычный корпус реалий позволил выявить приемы межъязыковой передачи, которыми пользовался В. Набоков как переводчик. Анализ таких приемов показал, что Набоков-переводчик использовал как простые, так и комбинированные приемы. Всего было выделено 10 простых и 14 комбинированных приемов. Группу простых составили такие приемы, как *родовидовая замена (генерализация, конкретизация), функциональный аналог, замена, добавление, опущение, калькирование (калька и полукалька), перевод (прямой и приблизительный), транслитерация, объяснение, использование исходной формы*. Комбинированные приемы представлены следующими комбинациями: *добавление + функциональный аналог, замена + объяснение, опущение + замена, калькирование + использование третьего языка, прямой перевод + добавление, приблизительный перевод + опущение, приблизительный перевод + транслитерация, прямой перевод + уточнение, транслитерация + перевод, транслитерация + объяснение, транслитерация + уточнение, транслитерация с объяснением + функциональный аналог, транслитерация + функциональный аналог, функциональный аналог + калькирование*. В использовании именно комбинированных приемов, на наш взгляд, и заключается уникальность переводческих решений В. Набокова, принимаемых им для точной передачи рассматриваемых нами усадебных реалий. Эти же приемы можно считать эффективным способом элиминирования лакун в языке перевода.

5. В. Набоков не всегда сохранял реалии в англоязычном тексте, он свободно их «перевыражал», добавляя, уточняя что-то в их описании или, наоборот, опуская какие-то детали. Как автор русского и английского текстов, писатель сохраняет в англоязычной версии практически все русские реалии, передавая тем самым русский национальный колорит, который очень ощутим в английском варианте автобиографии. В то же время, будучи автором обоих текстов, В. Набоков сам

решает, какие реалии можно опустить, таким образом, в англоязычной версии отражены не все реалии, представленные в «Других берегах». Из 156 реалий в англоязычную версию не вошло 27 реалий.

6. Частое использование транслитерации с последующим комментарием, на наш взгляд, объясняется не невозможностью для Набокова-переводчика найти соответствия в языке перевода, а именно желанием дать англоязычному читателю возможность «услышать» русское слово. Этим же, по-видимому, объясняется достаточно большое число транслитерированных русских слов, которые не являются именованиями реалий. Условно их можно назвать языковыми реалиями.

В целом проведенный анализ подтверждают мнение С. Влахова и С. Флорина о том, что писатель-переводчик более свободен в выборе способов межъязыковой передачи реалий, поскольку он точно знает, что представляет собой та или иная реалья. Это означает, что в случае автоперевода не может быть ошибки, вызванной незнанием, которое Владимир Набоков как теоретик перевода относил к основным грехам переводчика.

Этим, по всей вероятности, объясняется использование большого количества так называемых комбинированных приемов (например, «транслитерация + функциональный аналог», «замена + объяснение» и др.). При этом нужно отметить, что прием транслитерации используется В. Набоковым в разных комбинациях: *транслитерация* без каких-либо внутритекстовых «вставок», *транслитерация с переводом*, *транслитерация с переводом и объяснением*, причем это может быть объяснение значения исходной реалии или объяснение специфики произношения русского слова (ударения, мягкости звука). В-третьих, являясь автором обоих текстов, их «полновластным хозяином» (С. Влахов и С. Флорин), В. Набоков использовал не только так называемые опущения, но и *добавления*. Благодаря этому приему, в англоязычном тексте автобиографии появлялись реалии, отсутствовавшие в русском.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящей работы заключалась в изучении приемов межъязыковой передачи реалий в ситуации автоперевода, т. е. в ситуации, когда автор исходного текста является и автором переведенного текста на другом языке.

Сегодня феномен автоперевода начинает все больше привлекать внимание исследователей, в то время как в науке о переводе еще в прошлом столетии он практически не рассматривался как особый, специфический вид межъязыкового перевода. Свидетельством возрастающего интереса к авторскому переводу являются новые публикации разного уровня – от отдельных статей до серьезных диссертационных исследований и монографических изданий, проводимые конференции (как в России, так и за рубежом). К наиболее дискуссионным вопросам в изучении авторского перевода можно отнести сам процесс такого перевода, результат процесса (переведенный текст), особенности билингвальной личности автора-переводчика. Появление интереса к феномену автоперевода именно в начале XXI в. исследователи объясняют все возрастающим количеством авторов, пишущих на двух языках и занимающихся переводом собственных текстов. В связи с этим можно сказать, что сегодня мы наблюдаем формирование специального направления в науке о переводе – теории автоперевода (Self-Translation Studies).

В работе подчеркивается различие когнитивных процессов перевода в ситуации традиционного перевода и автоперевода. Если в первом случае это понимание исходного текста, от уровня которого зависит качество и точность перевода, то в случае автоперевода проблема понимания отсутствует, но, на наш взгляд, значительно обостряется проблема, которую можно назвать вслед за В. Набоковым проблемой «словесных превращений», проблемой вторичного рождения собственного текста, уже написанного на одном (как правило, на родном) языке. Данный процесс можно назвать вторичным «оязыковлением» уже реализованного замысла, и при этом первичная языковая форма, несомненно, влияет на автора-переводчика как при отборе слов другого языка, так и при их комбинировании.

Уже сегодня термин «автоперевод» включается в справочно-информационные издания, которые предлагают дефиниции этого вида перевода, подчеркивают

преимущества такого перевода, называют его идеальным вариантом межъязыкового преобразования исходного текста. По нашему мнению, он может быть идеальным только в случае настоящего литературного и переводческого билингвизма, что мы и попытались показать в первой главе данной диссертации.

Для достижения поставленной цели был решен ряд конкретных задач, первая из которых – это знакомство с трудами отечественных и зарубежных специалистов, занимающихся релевантными для нашего исследования проблемами. Это прежде всего проблемы автоперевода и литературного билингвизма, проблема межъязыковой передачи реалий, в частности, в ситуации авторского перевода. Изучение литературы позволило сформулировать теоретическую и методологическую основу нашего исследования и определить его логику.

Материалом исследования была выбрана двуязычная автобиография В. Набокова «Другие берега» и “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”. Выбор материала объясняется тем, что данная автобиография является, во-первых, одним из самых известных прецедентов в практике автоперевода, во-вторых, в ней очень ярко представлены реалии дворянского быта дореволюционной России в целом и в частности усадебная культура. Сегодня интерес к русской дворянской усадьбе как центру «формирования, развития, сохранения доминантных черт отечественной культуры» (Е. П. Баринова) очень высок, изучением усадебного феномена занимаются представители разных наук – культурологи, социологи, историки, филологи, литературоведы. Благодаря В. Г. Щукину, в русской гуманитарной науке появился термин «усадебный текст».

Основными задачами эмпирического исследования были следующие: предложить модель усадебного пространства, которая позволила бы классифицировать выявленные методом сплошной выборки реалии усадебного пространства, содержащиеся в русскоязычной версии автобиографии «Другие берега», и найти в тексте “Speak, Memory. An Autobiography Revisited” их англоязычные соответствия, проанализировать авторские переводческие решения, определить и классифицировать приемы, использованные автором-переводчиком для межъязыковой передачи.

Всего было выбрано и проанализировано 570 фрагментов из русскоязычной и англоязычной версий автобиографии, из них было выявлено 156 русскоязычных реалий усадебного быта, к ним были найдены переводные соответствия. Среди выявленных в русской версии автобиографии реалий 27 не были включены автором-переводчиком в английскую версию. Итогом этого этапа работы стал параллельный русско-английский корпус усадебных реалий.

В ходе исследования на основе дефиниционного анализа понятий усадьбы и усадебного пространства была создана визуальная модель этого пространства, ставшая основой для классификации реалий. Проведенная классификация позволила структурировать сформированный корпус (разбить его на подкорпуса) в соответствии с тематическими группами реалий. Такими группами стали следующие: «дом», «сад, огород», «парк», «кладбище», «транспорт», «хозяйственные постройки», «околоусадебный ландшафт», «церковь», «обитатели усадьбы», «топонимы». Каждая из этих групп включает в себя разное количество подгрупп. Такое структурированное представление всей совокупности усадебных реалий можно назвать реаликоном (термин Н. А. Фененко) двуязычной автобиографии В. Набокова «Другие берега» / “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”.

Проведен сопоставительный анализ русскоязычных и англоязычных способов представления реалий в двух версиях автобиографии. Этот анализ позволил выявить переводческие приемы, используемые В. Набоковым как автором-билингвом и автором-переводчиком.

В результате данного анализа можно сделать следующие основные выводы:

1. В случае межъязыковой передачи реалий авторский перевод можно считать идеальным, так как исчезает вероятность фактической ошибки, обусловленной непониманием той или иной реалии. Это имеет особое значение при выборе функционального аналога для исходной реалии.

2. В. Набоков как автор обоих текстов не все реалии сохранил в англоязычном варианте автобиографии, что в случае автоперевода нельзя отнести к недостаткам, поскольку автоперевод – это во многом новый текст, на что указывает сам писатель в своем предисловии и о чем говорит уточнение в названии “Speak, Memory. An Autobiography Revisited”.

3. Набоков-переводчик использовал самые разные приемы для представления усадебных русских реалий в англоязычном варианте своего автобиографического текста. Нами были выделены две основные группы переводческих приемов: **простые** и **комбинированные**. К первым мы отнесли *родовидовую замену (конкретизацию и генерализацию), функциональный аналог, замену, добавление, опущение, калькирование (калька и полукалька), перевод (прямой и приблизительный), транслитерацию, использование исходной англоязычной формы, объяснение*. В группу комбинированных приемов вошли такие комбинации, как *добавление + функциональный аналог, замена + объяснение, опущение + замена, калькирование + использование третьего языка, прямой перевод + добавление, приблизительный перевод + опущение, приблизительный перевод + транслитерация, прямой перевод + уточнение, транслитерация + перевод, транслитерация + объяснение, транслитерация + уточнение, транслитерация с объяснением + функциональный аналог, транслитерация + функциональный аналог, функциональный аналог + калькирование*.

На наш взгляд, именно комбинированные приемы, т. е. комбинации двух и более приемов, дают представление о мастерстве и технике В. Набокова-переводчика, о его авторском подходе к межъязыковой передаче реалий (не только усадебных).

Все выявленные реалии, их виды, приемы межъязыковой передачи были статистически обработаны. Результаты приведены в соответствующих таблицах, схемах и диаграммах (всего в работе 14 таблиц и 19 рисунков: две схемы и 17 диаграмм).

Одним из итогов выполненной работы стала созданная по результатам исследования база данных (см. Приложение 2), в которой представлен весь параллельный русско-английский корпус усадебных реалий с указанием вида реалии и авторского приема, использованного для межъязыковой передачи каждой реалии. База данных размещена в сети Интернет по адресу: <https://clck.ru/3F2qUn>

Данная база может быть использована для разработки онлайн-курсов по теории и практике перевода, а также для дальнейшего анализа усадебного мира В. Набокова.

Представленные выше выводы подтверждают наше предположение о том, что В. Набоков, будучи писателем-билингвом и опытным переводчиком со своим переводческим кредо, использует не только стандартные приемы межкультурной передачи реалий, но и свои авторские, которые, на наш взгляд, представляют собой ценный материал как для формирующейся теории автоперевода, так и переводчиков-практиков. Анализ конкретных переводческих решений писателя-билингва, писателя-переводчика позволяет лучше понять его теоретическую концепцию и все его переводческое наследие.

Проведенное исследование позволяет очертить некоторые перспективы дальнейшего изучения художественного реаликона В. Набокова. Во-первых, возможно расширить круг анализируемых реалий, т. е. рассматривать более крупную группу реалий – реалии дворянского быта в целом. Во-вторых, для более полного представления «потерянного рая», имеет смысл включить в анализируемый материал и первую версию автобиографии (“Conclusive Evidence”), что даст возможность рассмотреть «двойной» автоперевод и сравнить две английские версии с точки зрения представления в них русских реалий. Представляется интересным и перспективным сравнить приемы передачи реалий в авторском переводе и авторизованном, в котором основную работу по переводу делает не автор, а переводчик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин, Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. В. Аверин. – Санкт-Петербург : Пальмира, 2016. – 399 с. – Текст : непосредственный.
2. Аврорин, В. А. Двужычие и школа / В. А. Аврорин. – Текст : непосредственный // Проблемы двужычия и многоязычия : сб. науч. тр. – Москва : Наука, 1972. – С. 49–62. – Текст : непосредственный.
3. Акмалова, А. Ф. Основные способы передачи реалий / А. Ф. Акмалова. – Текст : электронный // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сб. ст. по мат. XX Междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2014. – № 5. – URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 19.02.24).
4. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических фак. вузов / И. С. Алексеева. – Москва : Академия; Санкт-Петербург : Филологический фак. СПбГУ, 2006. – 346 с. – Текст : непосредственный.
5. Алексеева, И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. – Москва : Междунар. отношения, 2008. – 184 с. – Текст : непосредственный.
6. Алексеева, Л. М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект) : учеб. пособие / Л. М. Алексеева. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 2013. – 189 с. – Текст : непосредственный.
7. Алексеева, М. Л. Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур / М. Л. Алексеева. – Текст : непосредственный // Антиномии : научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 338–345.
8. Алексеева, М. Л. Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Алексеева Мария Леонардовна. – Екатеринбург, 2007. – 214 с. – Текст : непосредственный.
9. Алексеева, М. Л. Использование приема замены контекстуальным аналогом при передаче русских реалий на немецкий язык / М. Л. Алексеева. –

Текст : непосредственный // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 35. – № 30. – С. 15–23.

10. Бабинов, А. А. Прочтение Набокова: Изыскания и материалы / А. А. Бабинов. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. – 816 с. – Текст : непосредственный.

11. Бакуменко, О.Н. Лексиконы билингва в ситуации автоперевода: (На примере мемуарных книг В. Набокова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Бакуменко Ольга Николаевна. – Курск, 2006. – 20 с. – Текст : непосредственный.

12. Барабтарло, Г. А. Сочинение Набокова / Г. А. Барабтарло. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 464 с. – Текст : электронный. – URL: <https://www.litres.ru/book/gennadiy-barabtarlo/sochinenie-nabokova-55282939/chitat-onlayn/> (дата обращения: 06.04.2024).

13. Баринова, Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик / Е. П. Баринова. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 351 с. – Текст : непосредственный.

14. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с. – Текст : непосредственный.

15. Басснетт, С. Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. / С. Басснетт. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2016. – Вып. 4. – С. 31–44.

16. Берков, В. П. Двухязычная лексикография / В. П. Берков. – Москва : Астрель, 2004. – 236 с. – Текст : непосредственный

17. Бертагаев, Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т. А. Бертагаев. – Текст : непосредственный // Проблемы двухязычия и многоязычия : сб. науч. тр. – Москва : Наука, 1972. – С. 82–88.

18. Бло, Ж. Набоков / Ж. Бло. – Санкт-Петербург : Изд-во Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. – 315 с. – Текст : непосредственный.

19. Богданова, О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. : топика, динамика, мифология : монография / О. А. Богданова; отв. ред. Е. Е. Дмитриева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2019. – Серия : Русская усадьба в мировом контексте. – Вып. 1. – 288 с. – Текст : непосредственный.

20. Бойд, Б. Владимир Набоков. Американские годы. Биография / Б. Бойд; пер. с англ. под ред. А. Глебовской. – Москва : Независимая газета; Санкт-Петербург : Симпозиум, 2010. – 948 с. – Текст : непосредственный.

21. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – Москва : УРАО, 2002. – 207 с. – Текст : непосредственный.

22. Бурякова, С. Ю. Делакунизация в переводческом метатексте : критерии оценки качества переводческих комментариев (на материале переводов произведений И.А. Бунина на французский язык) / С. Ю. Бурякова. – Текст : непосредственный // Языковая картина мира в зеркале перевода : сб. науч. трудов / отв. ред. О.О. Борискина. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 51–59.

23. Булгакова, С. Ю. Корреляция реалий и лакун при переводе художественного текста / С. Ю. Булгакова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 188–192.

24. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев : Вища школа, 1979. – 259 с. – Текст : непосредственный.

25. Васильева, Е. В. Автобиографическая проза В. В. Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memoir!»: история создания, художественная и жанровая специфика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Васильева Екатерина Васильевна. – Томск, 2005. – 230 с. – Текст : непосредственный.

26. Васильева, С. Г. Разноязычие (смешанная речь) и типология билингвизма личности: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / Васильева Светлана Георгиевна. – Москва, 2000. – 351 с. – Текст : непосредственный.

27. Васютина, Н. И. Культурная непереводаемость: проблемы и решения / Н. И. Васютина. – Москва : Наука, 1998. – 163 с. – Текст : непосредственный.

28. Валуйцева, И. И. Литературный билингвизм: за и против / И. И. Валуйцева, Г. Т. Хухуни. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 298–303.
29. Верещагин, Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – Москва : МГУ, 1969. – 162 с. – Текст : непосредственный.
30. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Изд. Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с. – Текст : непосредственный.
31. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Москва : Р. Валент, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.
32. Волозов, В. Б. К проблеме переводимости (заметки переводчика-практика) / В. Б. Волозов. – Текст : электронный // INTERCULTUR@L-NET. – 2007. – Вып. 6. – URL: <http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/html/journal.html> (дата обращения: 11.03.24).
33. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. – Текст : непосредственный.
34. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Московского университета, 2007. – 544 с. – Текст : непосредственный.
35. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 768 с. – Текст : непосредственный.
36. Городнова, Л. Е. Феномен провинциальной дворянской усадьбы в культурном пространстве России : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 24.00.01 / Городнова Любовь Евгеньевна. – Тамбов, 2010. – 28 с. – Текст : непосредственный.
37. Городнова, Л. Е. Смысловой континуум понятия «Усадьба» / Л. Е. Городнова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. – 2010. – Вып. 10(90). – С. 201–206.
38. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 400 с. – Текст : непосредственный.
39. Григорьев, И. Н. Литературный билингвизм В. Набокова: Синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя : дис. ... канд. филол. наук :

10.02.19 / Григорьев Илья Николаевич. – Пермь, 2005. – 285 с. – Текст : непосредственный.

40. Гриневич, О. А. Сюжет усадебной любви в произведениях И. А. Бунина и В. В. Набокова / О. А. Гриневич. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. – 2016. – № 5. – С. 72–81.

41. Демонова, Ю. М. Реалии как лингвистическое явление / Ю. М. Демонова, В. А. Лавриненко, В. П. Кемечеджиева. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2021. – № 1. – С. 144–153.

42. Денисова, Г. В. Интертекстуальные переводные эквиваленции как культурологический вопрос билингвального сознания (на материале автопереводов В. В. Набокова) / Г. В. Денисова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 45–56.

43. Дмитриева, Е.Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. – Москва : ОГИ, 2008. – 524 с. – Текст : непосредственный.

44. Долинин, А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове / А. А. Долинин. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2019. – 568 с. – Текст : непосредственный.

45. Домников, С. Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество / С. Д. Домников. – Москва : Алетея, 2002. – 672 с. – Текст : непосредственный.

46. Дымант, Ю. А. Метакоммуникация переводчика в переводе и автопереводе / Ю. А. Дымант, В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 103–108.

47. Дымант, Ю. А. Проблема соотношения первичного и вторичного текстов в автопереводе / Ю. А. Дымант. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. – Серия 22 : Теория перевода. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-pervichnogo-i-vtorichnogo-tekstov-v-avtoperevode> (дата обращения: 04.10.2024).

48. Дымант, Ю. А. Пограничные явления в автопереводах Владимира Набокова / Ю. А. Дымант. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2019. – № 46. – С. 11–19.

49. Емельянова, Я. Б. Специфика «переводческого билингвизма» / Я. Б. Емельянова. – Текст : непосредственный // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2013. – № 1. – С. 38–43.

50. Жук, Д. Ю. Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения (роман В. Набокова «Дар»/"The gift") : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Жук Денис Юрьевич. – Санкт-Петербург, 2002. – 24 с. – Текст : непосредственный.

51. Зверев, А. М. Набоков / А. М. Зверев. – Москва : Молодая гвардия, 2004. – 480 с. – Текст : непосредственный.

52. Зимняя, И. А. Психология перевода : учеб. пособие / И. А. Зимняя, В. И. Ермолович. – Москва : ПГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. – 99 с. – Текст : непосредственный.

53. Ивлева, А. Ю. Реалии национальной культуры как объект переводческого исследования / А. Ю. Ивлева, К. С. Куликова. – Текст : электронный // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 2. – URL: <https://human.snauka.ru/2017/02/20310> (дата обращения: 12.12.2024).

54. Кабакчи, М. К. Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения / М. К. Кабакчи. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9 : Филология, востоковедение, журналистика. – 2011. – Вып. 3, сентябрь. – С. 111–117.

55. Кабакчи, В. В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» / В.В. Кабакчи. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – Санкт-Петербург : Тригон, 2000. – С. 65–75.

56. Казакова, Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – 327 с. – Текст : непосредственный.

57. Касаткина, К. А. Профессионально-ориентированное обучение переводу с листа текста делового письма на языковых факультетах вузов : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Касаткина Клара Алексеевна. – Тольятти, 2000. – 23 с. – Текст : непосредственный.

58. Клинг, О. Топозфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина) / О. Клинг. – Текст : непосредственный // Экфрасис в русской литературе : тр. Лозаннск. симп. / под ред. Л. Геллера. – Москва : МИК, 2002. – С. 97–110.

59. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 253 с. – Текст : непосредственный.

60. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2002. – 424 с. – Текст : непосредственный.

61. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 253 с. – Текст : непосредственный.

62. Комлев, Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты / Н. Г. Комлев. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 214 с. – Текст : непосредственный.

63. Коровина, К. Г. Соотношение эксплицитности и имплицитности в автопереводе / К. Г. Коровина – Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Воронеж, 2014. – С. 51–55.

64. Курушин, Д. Д. Мир вещей «потерянного рая» (на материале автобиографической прозы В. Набокова) / Д. Д. Курушин, Н. М. Нестерова, О. В. Соболева. – Текст : непосредственный // *Rosja i pamięć o rzeczy. Od emblematu do relikwii*. – Olsztyn : Wydawnictwo UWM, 2019. – S. 103–113.

65. Курушин, Д. Д. Реалии русского дворянского быта в зеркале английского языка (на материале автобиографической прозы В. Набокова) / Д. Д. Курушин. – Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 5. – С. 26–33.

66. Курушин, Д. Д. «Русское слово» в последнем англоязычном романе В. Набокова / Д. Д. Курушин. – Текст : непосредственный // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода : материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Уфа, 23 – 24 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н. П. Пешкова. – Уфа : РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 82–85.

67. Курушин, Д. Д. Усадебное пространство и его реалии в двуязычной автобиографической прозе В. Набокова / Д. Д. Курушин. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2023. – № 6 (117) – С. 78–90.

68. Курушин, Д. Д. Автоперевод и авторизованный перевод в переводческом наследии В. Набокова / Н. М. Нестерова, Д. Д. Курушин. – Текст : электронный // Доклады Башкирского университета. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 139-150. – URL: dokbsu.ru/ru/archive/2024/3 (дата обращения: 16.10.2024).

69. Курушин, Д. Д. Авторизованный перевод как «соавторство»: В. Набоков и его переводчики / Д. Д. Курушин. – Текст : непосредственный // Novo i Tradicionalno u Translatologiji i Nastavi Ruskog Jezika Kao Stranog = Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного : Zbornik Radova, 1213. 4. 2024, Banja Luka / Panevropski univerzitet Apeiron. – Banja Luka : Panevropski univerzitet Apeiron, 2024. – С. 308–313.

70. Курушин, Д. Д. Приемы делакунизации в автопереводах Владимира Набокова (на материале двуязычной автобиографической прозы писателя: Другие берега, Speak, Memory) / Д. Д. Курушин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 6 (887). – С. 58–64.

71. Крюков, А. Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода : дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.20 / Крюков Анатолий Николаевич. – Москва, 1988. – 442 с. – Текст : непосредственный.

72. Латышев, Л. К. Технология перевода : учебное пособие по подготовке переводчиков (с немецким языком) / Л. К. Латышев. – Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 278 с. – Текст : непосредственный.

73. Линьлинь, Я. Исследование перевода в лингвокогнитивном аспекте / Я. Линьлинь. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 6 (102). – С. 222–230.

74. Липатова, Ю. Ю. Категория лакунарности и ее отражение в русских переводах сер. XIX–XX вв. / Ю. Ю. Липатова. – Казань : Институт истории АН РТ, 2008. – 178 с. – Текст : непосредственный.

75. Лосев, А. Ф. Вещь и имя / А. Ф. Лосев; подгот. текста и общ. ред. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого ; вступ. ст. А. Л. Доброхотова ; коммент. С. В. Яковлева. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2008. – 573 с. – Текст : непосредственный.

76. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство–СПб, 2000. – С. 149–390. – Текст : непосредственный.

77. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство–СПб., 2015. – 608 с. – Текст : непосредственный.

78. Лютавина, Е. А. Реалии как лингвистическое явление / Е. А. Лютавина. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 488–490. – URL: <https://moluch.ru/archive/94/21235/> (дата обращения: 18.01.2025).

79. Мазанаев, Ш. А. Особенности автоперевода в творчестве авторов-билинггов / Ш. А. Мазанаев, М. С. Халимбекова. – Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (15). – С. 134–137.

80. Маликова, М. Э. Владимир Набоков: автобиография / М. Э. Маликова. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 234 с. – Текст : непосредственный.

81. Марковина, И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – Москва : ГЭОТАР–Медиа, 2010. – 144 с. – Текст : непосредственный.

82. Мельников, Н. Г. О Набокове и прочем. Статьи, рецензии, публикации / Н. Г. Мельников. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 416 с. – Текст : непосредственный.

83. Моисеенко, Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Л. В. Моисеенко. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 155–161.

84. Муллагалиева, Л. К. Учебный словарь «Реалии русской литературы» как основа формирования этнолингвокультурологической компетенции учащихся : автореф. дис... канд. пед. наук : 13.00.02 / Муллагалиева Лилия Канафовна. – Уфа, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.

85. Мулярчик, А. С. Русская проза Владимира Набокова / А. С. Мулярчик. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 1997. – 137 с. – Текст : непосредственный.

86. Набоков, В. В. Переписка с сестрой / В. В. Набоков. – Ann Arbor : Ardis, 1985. – 126 с. – Текст : непосредственный.

87. Набоков, В. В. Постскрипtum к русскому изданию / В. В. Набоков. – Текст : электронный // Набоков В. В. Лолита. – Москва : Водолей, 1991. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/postskriptum-k-izdaniyu-lolity.htm> (дата обращения: 14.03.2024).

88. Набоков, В. В. Искусство перевода / В. В. Набоков. – Текст : непосредственный // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. – Санкт-Петербург : Азбука, 2016. – 448 с.

89. Нестерова, Н. М. Исследование переводческого билингвизма на материале корпуса ошибок / Н. М. Нестерова, И. Г. Овчинникова. – Текст : непосредственный // Жизнь языка в культуре и социуме : материалы конф. г. Москва, 20–21 апреля 2012 г. / ред. кол. : Е. Ф. Тарасов (отв. ред.), Н. В. Уфимцева, В. П. Синячкин. – Москва, 2012. – С. 327–330.

90. Нестерова, Н. М. Реалии «усадебного мира» А. П. Чехова в зеркале английского языка / Н. М. Нестерова, О. В. Соболева. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 71. – С. 76–82.

91. Оболенская, Ю. Л. Художественный перевод и культурная коммуникация / Ю. Л. Оболенская. – Москва : Высшая школа, 2006. – 335 с. – Текст : непосредственный.

92. Овчинникова, И. Г. Переводческий билингвизм / И. Г. Овчинникова, А. В. Павлова. – Москва : Флинта, 2021. – 304 с. – Текст : непосредственный.
93. Панасюк, И. Теория лакун и проблема эквивалентности перевода / И. Панасюк. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – Москва, 2007. – № 6. – С. 51–72.
94. Паревская, И. С. «Непереводимое в переводе», или к вопросу о понятии и специфике реалий / И. С. Паревская. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2(44). – С. 151–154.
95. Плоткина, И. В. Особенности перевода поместных реалий с английского языка на русский (на примерах романов У. Коллинза «Женщина в белом» и «Лунный камень») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Плоткина Инна Владимировна. – Москва, 2007. – 255 с. – Текст : непосредственный.
96. Попова, О. А. Усадебный текст в творчестве Владимира Набокова / О. А. Попова, О. В. Соболева. – Текст : непосредственный // Владимир Набоков: писатель и переводчик. – Москва : Флинта, 2023. – С. 7–28.
97. Попович, А. Проблемы художественного перевода : пер. со словацк. / А. Попович. – Москва : Высшая школа, 1980. – 180 с. – Текст : непосредственный.
98. Прошина, З. Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) / З. Г. Прошина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 6–9.
99. Раренко, М. Б. Переводы и автопереводы В. В. Набокова / М. Б. Раренко. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Коммуникация. – 2017. – № 1-1 (20). – С. 190–198.
100. Раренко, М. Б. Художественный билингвизм В. В. Набокова / М. Б. Раренко. – Текст : непосредственный // Литературное зарубежье как культурный феномен : сб. науч. тр. – Москва, 2017. – С. 76–92.
101. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 536 с. – Текст : непосредственный.

102. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – Москва : Международные отношения, 1974. – 244 с. – Текст : непосредственный.

103. Ривлина, А. А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики / А.А. Ривлина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 22–29.

104. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты / В. Ю. Розенцвейг. – Ленинград : Наука, 1972. – 80 с. – Текст : непосредственный.

105. Россельс, В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника / В. М. Россельс. – Текст : непосредственный // Вопросы художественного перевода : сборник статей. – Москва : Советский писатель, 1955. – 311 с.

106. Рябова, М. В. Делакунизация в художественном переводе (на материале произведений Э. М. Ремарка на немецком и русском языках) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Рябова Марина Вадимовна. – Москва, 2011. – 218 с. – Текст : непосредственный.

107. Самохина, И. А. К вопросу о классификации приемов передачи культурно-исторических реалий при переводе / И.А. Самохина. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. – 2012. – № 12. – Вып. 4 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 129–134.

108. Соболев, Л. Н. О переводе образа образом / Л. Н. Соболев. – Москва : Изд. лит. на иностр. яз., 1955. – 290 с. – Текст : непосредственный.

109. Сорокин, Ю. А. Национально-культурная специфика художественного текста / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина. – Москва : Наука, 1989. – 87 с. – Текст : непосредственный.

110. Стернин, Г. Ю. Об изучении культурного наследия русской усадьбы / Г. Ю. Стернин. – Текст : непосредственный // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). – 1996. – Вып. 2 (18). – С. 10–15.

111. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – Москва : Высш. шк., 1988. – 238 с. – Текст : непосредственный.

112. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. – Москва : Наследие, 2000. – 254 с. – Текст : непосредственный.
113. Тюленев, С. В. Теория перевода : учебное пособие / С. В. Тюленев. – Москва : Гардарики, 2004. – 336 с. – Текст : непосредственный.
114. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – Санкт-Петербург : Филология Три, 2002. – 348 с. – Текст : непосредственный.
115. Фененко, Н. А. Лингвистический статус термина реалия / Н. А. Фененко. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – Ч. 1. – С. 5–9.
116. Фененко, Н. А. Художественный реаликон как текстообразующая категория (на материале русского и французского языков) / Н.А. Фененко, С. Ю. Бурякова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2024. – № 1. – С. 78–84.
117. Фененко, Н. А. Художественный реаликон: к проблеме определения и интерпретации понятия / Н. А. Фененко. – Текст : непосредственный // Этнопсихоллингвистика. – 2020. – № 3. – С. 95–105.
118. Фененко, Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т : Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, 2001. – 140 с. – Текст : непосредственный.
119. Филатов, В. П. К типологии ситуаций понимания / В. П. Филатов. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1983. – № 10. – С. 71–78.
120. Филин, Ф. П. История общества и проблемы двуязычия / Ф. П. Филин. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Москва, 1970. – Т. XXIX. – Вып. 3. – С. 193–202.
121. Финкель, А. М. Об автопереводе / А. М. Финкель. – Текст : непосредственный // Теория и критика перевода. – Ленинград : Наука, 1962. – 279 с.
122. Фролов, В. И. Автоперевод романа В. В. Набокова «Лолита» / В. И. Фролов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 10 (749). – С. 38–49.

123. Харитонова, Е. В. Авторский перевод в контексте транслингвизма / Е. В. Харитонова, А. В. Сычева. – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 5 (41). – URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.27> (дата обращения: 26.08.2024).

124. Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сборник научных трудов, приуроченный к Году культуры Великобритании в России и 450-летию со дня рождения Шекспира. – Москва : Флинта, Наука, 2014. – 410 с. – Текст : непосредственный.

125. Хухуни, Г. Т. Литературный билингвизм: прошлое и настоящее / Г. Т. Хухуни. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования: языки и специальность. – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 277–288.

126. Цвиллинг, М. Я. Требования к личности устного переводчика и проблемы профессиональной подготовки / М. Я. Цвиллинг. – Текст : непосредственный // Перевод и лингвистика текста. – Москва : ВЦП, 1994. – С. 128–135.

127. Чайковский, Р. Р. Поэтический перевод в зеркале мнений / Р. Р. Чайковский. – Магадан : Кордис, 2007. – 104 с. – Текст : непосредственный.

128. Чернов, Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Г. В. Чернов. – Текст : непосредственный // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. XVI. – Москва, 1958. – С. 223–224.

129. Читалина, Н. А. Учитесь переводить : лексические проблемы перевода / Н. А. Читалина. – Москва : Международные отношения, 1975. – 80 с. – Текст : непосредственный.

130. Шаховская, З. В поисках Набокова / З. Шаховская. – Текст : электронный. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/shahovskaya-v-poiskah-nabokova/predislovie.htm> (дата обращения: 20.10.2023).

131. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 215 с. – Текст : непосредственный.

132. Шлейермахер, Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Ф. Шлейермахер. – Текст : электронный // Вестник МГУ. – Серия 9:

Филология. – 2000. – № 2. – С. 127–145. – URL: www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc (дата обращения: 12.02.2025).

133. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с. – Текст : непосредственный.

134. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в школе / Л. В. Щерба. – Москва : Юрайт, 2024. – 148 с. – Текст : непосредственный.

135. Щукин, В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе / В. Г. Щукин. – Текст : непосредственный // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. – Москва : РОССПЭН, 2007. – С. 157–458.

136. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – Москва : Симпозиум, 2006. – 736 с. – Текст : непосредственный.

137. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – Москва : Международные отношения, 1978. – С. 16–24.

138. A new visibility : on culture, translation and cognition / ed. By Peter Hanenberg. – Lisboa : Universidade Catolica Editora, 2015. – 185 p. – Текст : непосредственный.

139. Anokhina, O. Vladimir Nabokov and His Translators: Collaboration or Translation Under Duress? / O. Anokhina. – Текст : непосредственный // Anthony Cordingley and Céline Frigau Manning, eds. Collaborative Translation from the Renaissance to the Digital Age. – New York : Bloomsbury, 2017. – P. 111–129.

140. Antunes, M. A. A Contribution to Self-Translation History: the Case of the Brazilian Author-Translator João Ubaldo Ribeiro / M. A. Antunes. – Academia Letters, 2022. – 16 p. – Текст : непосредственный.

141. Anselmi, S. On Self-Translation: An Exploration in Self-Translators Teloi and Strategies / S. Anselmi. – LED, 2012. – 100 p. – Текст : непосредственный.

142. Asaduddin, M. Lost/Found in Translation: Qurratulain Hyder as Self-Translator / M. Asaduddin. – Текст : непосредственный // The Annual of Urdu Studies. – 2008. – Vol. 23. – P. 234–249.

143. Bassnett, S. The Self-Translator as Rewriter / S. Bassnett. – Текст : непосредственный // Self-Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture. Anthony Cordingley (ed.). – London : Bloomsbury Academic, 2013. – 216 p.

144. Beaujour, E. K. Alien tongues: Bilingual Russian writers of the First emigration / E. K. Beaujour. – Ithaca : Cornell University Press, 1989. – 263 p. – Текст : непосредственный.

145. Benjamin, A. Translation and the Nature of Philosophy / A. Benjamin. – London, New York: Routledge, 1989. – 159 p. – Текст : непосредственный.

146. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – Chicago : University of Chicago Press, 1985. – 580 p. – Текст : непосредственный.

147. Bolderen, T. Van. Twice Heard, Hardly Seen: The Self-Translator's (In)Visibility / T. Bolderen. – Ottawa : Ottawa University Press, Ontario, Canada, 2010. – 155 p. – Текст : непосредственный.

148. Brian, T. Fitch, Beckett and Babel: An Investigation into the Status of the Bilingual Work / T. Brian. – 1988. – 264 p. – Текст : непосредственный.

149. Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation / J. C. Catford. – Oxford : Oxford University Press, 1965. – 103 p. – Текст : непосредственный.

150. Capllonch, J. L. Self-Translation: Breaking the Traditional Axioms in a Tongue Not Mine / J. L. Capllonch. – University of Edinburgh, 2018. – 86 p. – Текст : непосредственный.

151. Castro, O. Self-translation and power : negotiating identities in multilingual European contexts / O. Castro, S. Mainer, S. Page. – Basingstoke (UK) : Palgrave Macmillan, 2017. – 322 p. – Текст : непосредственный.

152. Chirila, A. Self-Translations in a Third Language: Theoretical Premises and New Prospects / A. Chirila. – Текст : непосредственный // Radical Definitions, State – Society – Religion / Xaver Hergenröther, Oana Ursulescu, Dana Bădulescu (ed.). – Grazer Universitätsverlag – Leykam – Karl-Franzens-Universität Graz. – 2018. – P. 53–57.

153. Cook, V. J. Premises of Multi-competence / V. J. Cook. – Текст : непосредственный // The Cambridge Handbook of Linguistic Multi-competence / edited by V. Cook and L. Wei. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 1–25.

154. Cordingley, A. Introduction: Self-Translation, Going Global / A. Cordingley. – Текст : непосредственный // *Self-Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture* / edited by Anthony Cordingley. – Bloomsbury, 2013. – P. 1–10.

155. Dagnino, A. Translingual writing and bilingual self-translation as transcultural mediation / A. Dagnino. – Текст : непосредственный // *Traditions and Transitions*. – 2019. – Vol. 1. – P. 139–50. .

156. Delabastita, D. Fictional representations of multilingualism and translation / D. Delabastita, R. Grutman. – Текст : непосредственный // *Linguistica Antverpiensia*. – 2005. – Vol. 4. – P. 11–34.

157. Derrida, J. What Is a “Relevant” Translation? / J. Derrida. – Текст : непосредственный // *Critical Inquiry Winter*. – 2001. – Vol. 27, № 2. – P. 174–200.

158. Gagnon, D. Self-translation, literary creativity, and trans-lingual aesthetics: A Québec writer's perspective / D. Gagnon. – Текст : непосредственный // *Linguaculture* – 2015. – P. 45–55.

159. Dam, H. V. Translation Studies: Focus on the Translator : Introduction to the thematic section / H. V. Dam, K. K. Zethsen. – Текст : непосредственный // *Hermes*. – 2009. – Vol. 42. – P. 7–12.

160. Danby, N. The space between: Self-translator Nancy Huston's *Limbes/Limbo* / N. Danby. – Текст : непосредственный // *La linguistique*. – 2004. – Vol. 40. – P. 83–96.

161. Fan, S. Literary Translations and the Making of Originals / S. Fan. – Текст : непосредственный // *Comparative Literature Studies*. – 2019. – Vol. 56. – P. 861–864.

162. Federman, R. The writer as self-translator / R. Federman. – Текст : непосредственный // *Translating Beckett / Beckett Translating* / eds. Alan Warren Friedman, Charles Rossman and Dina Sherzer. – University Park. – PA-London : Pennsylvania State University Press, 1987. – P. 7–16.

163. Filippakopoulou, M. Self-translation: reviving the author? / M. Filippakopoulou. – Текст : непосредственный // *In other words*. – Norwich : Pen & Ink Press, 2005. – Vol. 25. – P. 23–27.

164. Fahrutdinov, R. R. Stylistic peculiarities in self-translation / R. R. Fahrutdinov, N. V. Maklakova, E. S. Khovanskaya. – Текст : непосредственный // European Research Studies Journal. – 2017. – XX (special issue). – P. 343–351.

165. Gentes, E. Introduction: Literary Self-Translation in the 21st Century / E. Gentes, T. Van Bolderen. – Текст : непосредственный // Journal of Literary Multilingualism. – 2024. – Vol. 2(1). – P. 1–10.

166. Gibeau, M. Indigenization and opacity : self-translation in the Okinawan / Ryuūkyūan writings of Takara Ben and Medoruma Shun / M. Gibeau. – Текст : непосредственный // Cordingley, A. Self-Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture. – London ; New Delhi ; New York ; Sydney : Bloomsbury, 2013. – P. 141–155.

167. Grutman, R. A Sociological Glance at Self-translation. Self-Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture / R. Grutman; Ed. Anthony Condingley. – London : Bloomsbury, 2013. – P. 65–81. – Текст : непосредственный.

168. Grutman, R. Auto-translation / R. Grutman. – Текст : непосредственный // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M. Baker. – 1st edition. – London : Routledge, 1998. – P. 17–20.

169. Grutman, R. Refraction and recognition : literary multilingualism in translation / R. Grutman. – Текст : непосредственный // Target. – 2006. – Vol. 18(1). – P. 17–47.

170. Grutman, R. Self-translation / R. Grutman. – Текст : непосредственный // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M. Baker, G. Saldanha. – 2nd edition. – London : Routledge, 2009. – P. 257–260.

171. Grutman, R. A sociological glance at self-translation and self-translators / R. Grutman. – Текст : непосредственный // Self-Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture / A. Cordingley. – London ; New Delhi ; New York ; Sydney : Bloomsbury, 2013. – P. 63–80.

172. Grutman, R. Beckett and beyond : putting self-translation in perspective / R. Grutman. – Текст : непосредственный // Orbis Litterarum (special issue). – 2013b. – Vol. 68(3). – P. 188–206.

173. Grutman, R. Self-Translation / R. Grutman, T.V. Bolderen. – Текст : непосредственный // A Companion to Translation Studies. – West Sussex: Wiley-Blackwell. – 2014. – Vol. 1. – P. 323–330.

174. Harding, E. *The Bilingual Family. A handbook for parents* / E. Harding, P. Riley. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 155 p. – Текст : непосредственный.

175. Hersant, P. *Author-Translator Collaborations: A Typological Survey* / P. Hersant. – Текст : непосредственный // *Collaborative Translation from the Renaissance to the Digital Age* / Anthony Cordingley and Céline Frigau Manning, eds. – New York : Bloomsbury, 2017. – P. 91–110.

176. Hetényi, Z. *Translating self-translation and the units of the translation: the case of Nabokov* / Z. Hetényi. – Текст : непосредственный // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2018. – Vol. 63. – P. 49–55.

177. Hokenson, J. W. *The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation* / J. W. Hokenson, M. Munson. – London : Routledge, 2007. – 246 p. – Текст : непосредственный.

178. Hokenson, J. *History and the self-translator[C]* / J. Hokenson. – Текст : непосредственный // *Self-Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture* / A. Cordingley. – London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2013. – P. 39–60.

179. Inggs, J. *African Perspectives on Literary Translation* / J. Inggs, E. Wehrmeyer. – London : Routledge, 2021. – 310 p. – Текст : непосредственный.

180. Jung, V. *English-German Self-Translation of Academic Texts and its Relevance for Translation Theory and Practice* / V. Jung. – Текст : непосредственный // *Reihe Arbeiten zur Sprachanalyse* / ed. Konrad Ehlich, Peter Lang. – Frankfurt, 2002. – 334 p.

181. Kaid, B. F. *Translation in the Discourse of Modern Experience: The Modernists Reckoning with Polyphony as an Aesthetic Device* / B. F. Kaid. – 2011. – P. 200–211. – Текст : непосредственный.

182. Kharina, A. *Realia in Literary Translation: A quantitative and qualitative study of Russian realia in Norwegian and English translations* / A. Kharina. – Oslo: University of Oslo, 2019. – Текст : непосредственный.

183. Klimkiewicz, A. *Self-translation as broken narrativity: towards an understanding of the self's multilingual dialogue* / A. Klimkiewicz. – Текст : непосредственный // *Self-Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture* / A. Cordingley. – London ; New Delhi ; New York ; Sydney : Bloomsbury, 2013. – P. 189–201.

184. Klinger, S. Translated otherness, self-translated in-betweenness: hybridity as medium versus hybridity as object in Anglophone African writing / S. Klinger. – Текст : непосредственный // Self-Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture / A. Cordingley. – London ; New Delhi ; New York ; Sydney : Bloomsbury, 2013. – P. 113–126.

185. Krause, C. Why Bother with the Original?' Self-Translation and Scottish Gaelic Poetry / C. Krause. – Текст : непосредственный // Self-Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture / edited by Anthony Cordingley. – Bloomsbury, 2013, – P. 127–40.

186. Kristmannsson, G. Literary Translations and the Making of Originals / G. Kristmannsson. – Текст : непосредственный // Translation and Literature / by Karen Emmerich. – 2018. – 224 p.

187. Lange, A. The Routledge Handbook of the History of Translation Studies / A. Lange, D. Monticelli, C. Rundle. – Текст : электронный. – 2024. – URL: https://www.researchgate.net/publication/378457514_The_Routledge_Handbook_of_the_History_of_Translation_Studies (дата обращения: 10.09.2024).

188. Leppihalme, R. Translation Strategies for Realia / R. Leppihalme. – Текст : непосредственный // Mission, Vision, Strategies, and Values. A Celebration of Translator Training and Translation Studies in Kouvola. – Helsinki : Helsinki University Press, 2001. – P. 139–148.

189. Loison-Charles, J. Vladimir Nabokov as an Author-translator: Writing and Translating Between Russian, English and French / J. Loison-Charles. – London : Bloomsbury Academic, 2023. – 280 p. – Текст : непосредственный.

190. Loponen, M. Translating irrealia: Creating a Semiotic Framework for the translation of Fictional Cultures / M. Loponen. – Текст : непосредственный // Chinese Semiotic Studies. – 2009. – № 2. – P. 165–175.

191. Lutter, C. What Do We Translate when We Translate? Context, Process, and Practice as Categories of Cultural Analysis / C. Lutter. – Текст : непосредственный // The Trans/National Study of Culture: a translational perspective / ed. Bachmann-Medick, Doris. – Berlin : De Gruyter. – 2016. – P. 155–167.

192. Lyamlahy, K. On Self-Translating “a Foreign Novel”, *Arablit & Arablit Quarterly* / K. Lyamlahy. – Текст : электронный. – 2022. – URL: <https://arablit.org/2022/01/24/on-self-translating-a-foreignnovel/> (дата обращения: 18.12.2023).

193. Maklakova, N. V. An investigation into self-translation / N. V. Maklakova, E. S. Khovanskaya, L. L. Grigorieva. – Текст : непосредственный // Journal of History Culture and Art Research. – 2017. – Vol. (6) 4 – P. 1260–1267.

194. Martinet, A. Preface to Uriel Weinreich. Languages in Contact / A. Martinet. – New York: Productions of the Linguistic Circle of New York, 1953. – 172 p. – Текст : непосредственный.

195. Mohamed, D. On Drawing Self-Translation. Arablit & Arablit quarterly / D. Mohamed. – Текст : электронный. – 2022. – URL: <https://arablit.org/2022/01/24/on-drawing-self-translation/> (дата обращения: 18.12.2023).

196. Montini, C. Self-Translation / C. Montini. – Текст : электронный // Handbook of Translation Studies / edited by Gambier, Yves and van Doorslaer, Luc. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2010. – Vol. 1. – P. 306–308. – URL: <https://benjamins.com/online/hts/articles/sell> (дата обращения: 10.04.2024).

197. Munday, J. Introducing Translation Studies: Theories and Applications / J. Munday. – 4th Edition. – Routledge, London and New York, 2016. – 394 p. – Текст : непосредственный.

198. Nabokov, V. Mary / V. Nabokov ; Transl. by Michael Glenny in collab. with the author. – New York : McGraw-Hill, 1970. – 199 p. – Текст : непосредственный.

199. Nabokov, V. Selected Letters 1940–1977 / V. Nabokov ; eds. Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. – San Diego : Harcourt Brace Jovanovich, 1989. – 109 p. – Текст : непосредственный.

200. Nida, E. A. The theory and practice of translation / E. A. Nida, C. Taber. – Leiden, 1969. – Текст : электронный. – URL: <https://studfile.net/preview/4432226/page:7> (дата обращения: 01.04.2024).

201. Nikolaou, P. Translating Selves: Experience and Identity Between Languages and Literatures / P. Nikolaou, M. Kyritsi, M. Baker. – 2008. – 16 p. – Текст : непосредственный.

202. Noonan, W. Self-translation, self-reflection, self-derision: Samuel Beckett's bilingual humour / W. Noonan. – Текст : непосредственный // Self-Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture / A. Cordingley. – London ; New Delhi ; New York ; Sydney : Bloomsbury, 2013. – P. 159–176.

203. Osimo, Bruno. Nabokov's Selftranslations: Interpretation Problems and Solutions in Lolita's Russian Version / Bruno Osimo. – Текст : непосредственный // Sign System Studies. – 1999. – Vol. 27. – P. 215–233.

204. Panichelli-Batalla, S. Autofiction as fictional metaphorical self-translation : the case of Reinaldo Arenas' El Color del Verano / S. Panichelli-Batalla. – Текст : непосредственный // Journal of Romance Studies. – 2015. – Vol. 15 (1). – P. 29–51.

205. Paradis, M. Contributions of Neurolinguistics to the Theory of Bilingualism / M. Paradis. – Текст : непосредственный // Applications of Linguistic Theory in the Human Sciences. – East Lansing : Department of Linguistics, Michigan State University, 1980. – 293 p.

206. Pedersen, J. Subtitling Norms for Television: An Exploration Focusing on Extralinguistic Cultural References / J. Pedersen. – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – Текст : непосредственный.

207. Peterlin, P. A. Self-translation of academic discourse: the attitudes and experiences of authors-translators / P. A. Peterlin. – Текст : непосредственный // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. – 2019. – Vol. 27(6). – P. 846–860.

208. Penalver, M. R. Encounter with André Brink: looking on...self-translation / M. R. Penalver. – Текст : непосредственный // Research in African Literatures. – 2015. – Vol. 46(2). – P. 146–156.

209. Pellegrino, R. Self-translating authors in German-language contemporary literature / R. Pellegrino. – Текст : электронный. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/376598542_Self-translating_authors_in_Germanlanguage_contemporary_literature_Ennast_tolkivad_autorid_saksakeelses_nuudiskirjanduses (дата обращения: 22.08.2024).

210. Pontiero, G. The task of the literary translator / G. Pontiero. – Текст : непосредственный // P. Orero, J. C. Sager. Translator's Dialogu. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 55–66.

211. Popovič, A. Dictionary for the Analysis of Literary Translation / A. Popovič. – Edmonton : University of Alberta, Department of Comparative Literature, 1976 – P. 38. – Текст : непосредственный.

212. Razumova, L. Self-Translation in Translingual Writing. Autotraduction aux frontières de la langue et de la culture / L. Razumova. – 2013. – P. 185–193. – Текст : непосредственный.

213. Reinhardt, M.-A. Introduction: Translation Matters / M.-A. Reinhardt, A. Habib. – Текст : электронный // SubStance. – 2015. – Vol. 44(2). – P. 3–5. – URL: <http://www.jstor.org/stable/24540818> (дата обращения: 22.08.2024).

214. Riera, J. B. New Trends in Translation and Cultural Identity / J. B. Riera. – Текст : непосредственный // Revista Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies. – 2010. – Vol. 32(1). – P. 179–184. .

215. Rokebrand, L. Die rol van die vertaler in die vertaling van Die boek van toeval en toeverlaat; menigte vlakke van betekenis: Unpublished MA dissertation / L. Rokebrand. – Текст : электронный. – Johannesburg : University of Johannesburg. – 2012. – URL: <https://ujcontent.uj.ac.za/esploro/outputs/graduate/Die-rol-van-die-vertaler-in/9910467607691> (дата обращения: 19.03.2023).

216. Roubaix, L. D. Where boundaries blur: André Brink as writer, bilingual writer, translator and self-translator / L. D. Roubaix. – Текст : электронный // Versatility in Translation Studies / eds. Herrero, Isis and Todd Klaiman. – Leuven : CETRA (The Leuven Research Center for Translation, Communication and Cultures). 2012. – URL: https://www.academia.edu/4718680/Where_boundaries_blur_Andr%C3%A9_Brink_as_writer_bilingual_writer_translator_and_self_translator (дата обращения: 01.09.2024).

217. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / eds. M. Baker, G. Saldanha. – 3rd ed. – London : Routledge, 2019. – 900 p. – Текст : непосредственный.

218. Rulyova, N. Joseph Brodsky and Collaborative Self-Translation / N. Rulyova. – 1st ed. – Bloomsbury Academic, 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/joseph-brodsky-and-collaborative-self-translation-9781501363924/> (дата обращения: 11.12.2023).

219. Sabljo, M. S. Beckett's bilingualism, self-translation and the translation of his texts into the Croatian language / M. S. Sabljo. – Текст : непосредственный // The Journal of Linguistic and Intercultural Education. – 2011. – Vol. 4. – P. 131–148.

220. Saidero, D. Self-Translation as Transcultural Re-Inscription of Identity in Dôre Michelut and Gianna Patriarca / D. Saidero. – *Oltreoceano*, 2011. – P. 31–41. – Текст : непосредственный.

221. Scheiner, C. Bilingualism and Biculturalism in Self-Translation: Samuel Beckett and Vladimir Nabokov as Doubled Novelists : PhD diss. / C. Scheiner. – University of Chicago, 2000. – 217 p. – Текст : непосредственный.

222. Shread, C. Redefining Translation through Self-Translation: The Case of Nancy Huston / C. Shread. – Текст : непосредственный // *French Literature Series*. – 2009. – Vol. 26. – P. 1–16.

223. Snell-Hornby, M. Translation Studies. An Integrated Approach / M. Snell-Hornby. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1988. – Текст : электронный. – URL: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/target.2.1.12dhu> (дата обращения: 29.03.2024).

224. Sonesson, G. Translation as a double act of communication : A perspective from the semiotics of culture / G. Sonesson. – Текст : непосредственный // *Proceedings of the 11th World Congress of Semiotics of the IASS in Nanjing, October 5–9, 2012*. – Vol. 3: Our World: a Kaleidoscopic Semiotic Network / ed. Yongxiang Wang ; Haihong Ji. – Hohai University Press, 2014. – P. 83–101.

225. Shlomit, E. Are Self-Translators Like Other Translators? / E. Shlomit. – Текст : непосредственный // *Perspectives: Studies in Translatology* 17. – 2009. – № 4. – P. 243–55.

226. Spagnuolo, E. A. Hybrid Voices in Self-translation. Using Language to Negotiate Identity in (Trans) migratory Contexts / E. A. Spagnuolo. – Anthem Press, 2023. – 229 p. – Текст : непосредственный.

227. Tanqueiro, P. L. Parcerisas, Translating, Self-translating, Being translated: a lecture series on literary translation at NYU in Paris / P. L. Tanqueiro, F. López.-Gay. – *Quaderns. Revista de traducció* 16. – 2009. – P. 107–122. – Текст : непосредственный.

228. Tanqueiro, H. Self-Translation as an Extreme Case of the Author-Translator Dialectic / H. Tanqueiro. – Текст : непосредственный // *Investigating Translation* / ed. Allison Beeby, Doris Ensinger, and Marisa Presas. – Amsterdam : John Benjamins. – 2000. – P. 55– 63.

229. Titone, R. *Bilinguismo precoce e educazione bilingue* / R. Titone. – Roma : Armando Ed., 1972. – 455 p. – Текст : непосредственный.
230. Torop, P. *Towards the semiotics of translation* / P. Torop. – Текст : непосредственный // *Semiotica*. – 2000. – Vol. 128 (Issue 3-4). – P. 597 – 610.
231. *Translation History and Culture* / eds. S. Bassnett, A. Lefevere. – London : Pinter Publ., 1990. – 141 p. – Текст : непосредственный.
232. Triberio, T. *Insights Into Translation Of Russian Realia* / T. Triberio. – Текст : непосредственный // *Translation Studies: Theory and Practice*. – 2021. – Vol. 1. – № 2. – P. 56–68.
233. Turnbull, B. *Reframing foreign language learning as bilingual education: epistemological changes towards the emergent bilingual* / B. Turnbull. – Текст : непосредственный // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2018. – Vol. 21(8). – P. 1041–1048.
234. Vandeweghe, W. *Introduction: A Linguistic 'Re-Turn' in Translation Studies?* / W. Vandeweghe. – Текст : непосредственный // *Belgian Journal of Linguistics*. – 2007. – 8 p. – Vol. 25. – P. 1–10.
235. Venuti, L. *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference* / L. Venuti. – London : Routledge, 1998. – 224 p. – Текст : непосредственный.
236. Wanner, A. *Poems and problems: Vladimir Nabokov's dilemma of poetic self-translation* / A. Wanner. – Текст : непосредственный // *SEEJ*. – 2017. – Vol. 61(1) – P. 70–91.
237. Weigel, S. *Self-Translation and Its Discontent or the translational work lost in the theory of bilingualism* / S. Weigel. – 2018. – P. 20–36. – Текст : непосредственный.
238. Wilson, R. *The Writer's Double: Translation, Writing, and Autobiography. Romance Studies* / R. Wilson. – 2009. – P. 186–196. – Текст : непосредственный.
239. Whyte, C. *Against Self-Translation* / C. Whyte. – Текст : непосредственный // *Translation and Literature*. – 2002. – Vol. 11. – № 1. – P. 64–71.
240. Woodsworth, J. *Writers and Their Translators: The Case of Mavis Gallant* / J. Woodsworth. – Текст : непосредственный // *TTR*. – 1988. – Vol. 1. – № 2. – P. 47–57.

241. Wolf, M. A. 'Performative Turn' in Translation Studies? Reflections from a Sociological Perspective / M. A. Wolf. – Текст : непосредственный // TranscUlturAl: A Journal of Translation and Cultural Studies 9. – 2017. – No. 1. – P. 27–44.

242. Zhang, Q. Self-translation Studies During the Past Forty Years: Achievements and Limitations / Q. Zhang. – Текст : непосредственный // Journal of Foreign Languages. – 2020. – Vol. 43, № 3. – P. 110–119.

243. Zhu, P. Nabokov's Art of Translation: Effective Means to Attract a Wide Readership / P. Zhu. – Текст : непосредственный // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. – 2020. – Vol. 3, № 12. – P. 172–180.

Список словарей

244. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с. – Текст : непосредственный.

245. Беловинский, Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX вв. / Л. В. Беловинский. – Москва : Эксмо, 2007. – 784 с. – Текст : непосредственный.

246. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1969–1986. – Текст : непосредственный.

247. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс, 2005. – 864 с. – Текст : непосредственный.

248. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – Москва : Авторская редакция, 2000. – 1536 с. – Текст : электронный. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 28.12.2023).

249. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Прогресс, Универс, 1994. – Т. 4. – 864 с. – Текст : непосредственный.

250. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 686 с. – Текст : непосредственный.

251. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – Москва : Иностр. лит., 1960. – 436 с. – Текст : непосредственный.

252. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – Москва : Флинта, Наука, 2009. – 320 с. – Текст : непосредственный.

253. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт) : терминологический словарь-справочник : словарь / ред. М. Б. Раренко. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2010. – Текст : электронный. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=132283> (дата обращения: 28.12.2023).

254. Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 2003. – 720 с. – Текст : непосредственный.

255. Словарь русского языка : в 4 т. / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Москва : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Текст : электронный. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma166034.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 27.03.24).

256. Merriam-Webster's Dictionary of English Usage. – Springfield, Mass. : Merriam-Webster, Inc., 1994. – Текст : электронный – URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.02.24).

257. Shuttleworth, M. Dictionary of Translation Studies / M. Shuttleworth, M. Cowie. – London and New York : Routledge, 2014. – 252 p. – Текст : непосредственный.

Список источников материала

258. Набоков, В. В. Другие берега / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 4 т. – Москва : Правда, Огонек, 1990. – Т. 4. – С. 133–304. – Текст : непосредственный.

259. Nabokov, V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited / V. Nabokov. – London : Penguin Books, 2016. – 259 p. – Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

База данных, в которой размещены реалии усадебного пространства, их переводные соответствия, указан вид реалии и способ ее передачи на английский язык, доступна по ссылке: <https://clck.ru/3F2qUn>

Доступ с мобильных устройств осуществляется по QR-коду:

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации базы данных

№ 2025622282

Усадебные реалии в автопереводе автобиографии
Владимира Набокова

Правообладатель: *Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет» (RU)*

Авторы: *Курушин Дмитрий Данилович (RU), Курушин
Даниил Сергеевич (RU)*

Заявка № 2025621751

Дата поступления 06 мая 2025 г.

Дата государственной регистрации
в Реестре баз данных 27 мая 2025 г.

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

ДОКУМЕНТ ПОДПИСАН ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСЬЮ
Сертификат: 0692e7e1ca330015542401670bca2026
Владелец: **Зубов Юрий Сергеевич**
Действителен с 10.07.2024 по 03.10.2025

Ю.С. Зубов